

**LATVIJAS UNIVERSITĀTES
ZINĀTNISKIE RAKSTI**

ACTA UNIVERSITATIS LATVIENSIS

563

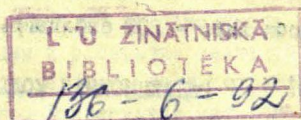
**УСЛОВИЯ РЕФЕРЕНТНОЙ
ОПРЕДЕЛЕННОСТИ СЛОВА**

ДАТВИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра иностранных языков

УСЛОВИЯ РЕФЕРЕНТНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ СЛОВА

Научные труды

Том 563

Латвийский университет
Рига 1991

PT-75
563

БК 61.

УСЛОВИЯ РЕФЕРЕНТНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ СЛОВА

Условия референтной определенности слова :
Научные труды / Под ред. В.И. Агамджановой. - Рига: ЛУ,
1991. - 1 563. - 177 с.

На материале германских, романских, а также латышского языков в сборнике рассматриваются регулярные семантические отношения и структурные условия функционирования единиц языка всех уровней: фонетического, морфологического, синтаксического. Сборник предназначен научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам филологических факультетов.

Balstoties uz germāņu, romāņu, kā arī latviešu valodas materiālu, krājumā tiek aplūkotas regulārās semantiskās attiecības un struktūras nosacījumi valodas vienību funkcionēšanā visos līmeņos: fonētiskajā, morfoloģiskajā un sintaktiskajā. Krājums domāts filoloģijas zinātņu pasniedzējiem, aspirantiem un studentiem.

Список лит. - 200 библиогр. назв.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Агамджанова В.И. (отв. ред.),
Кангро И.Л., Лочмеле Г.Д.,
Олдырева Л.П.

Латвийский
университет,
1991

ISBN 5-7970-0267-1

А.Г. Рейсбергс

КОНТЕКСТУАЛЬНОВ ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИКИ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросы использования фразеологических единиц (ФЕ) в речи и связанные с ними семантические процессы представляют большой научный интерес. В этой статье рассматривается окказиональное использование ФЕ — т.е. целенаправленное изменение традиционной семантики, или структуры и семантики ФЕ. Мы ограничиваемся семантическими переобразованиями ФЕ, при которых нарушается устойчивость ФЕ на семантическом уровне. В латышском языке, как и в других языках [1], желаемый стилистический и семантический эффект достигается применением приемов окказионального использования ФЕ. Далее рассмотрены четыре из наиболее часто используемых приемов окказионального использования ФЕ.

Развернутая метафора. Сущность этого приема заключается в развертывании образа ФЕ с целью исключения стершейся образности, или лучшей интеграции ФЕ в контексте. При развертывании метафоры сама ФЕ не изменяется, однако происходит конкретизация и раскрытие значений одного или более компонентов ФЕ, вследствие чего создается целая система образов и метафор. Развернутая метафора может охватить предложение, абзац, даже весь текст.

Материал латышского языка показывает, что в основу развернутой метафоры могут быть положены только образные фразеологизмы, хотя их разность может быть стершейся.

В отличие от приема двойной актуализации исключается возможность буквального понимания словосочетания, или его компонентов, так как метафора сама по себе является стилистическим приемом, основанным на переносе значения. Картина, созданная развернутой метафорой, сохраняет метафорический план, тогда как при двойной актуализации происходит столкновение двух планов восприятия. Пере-

осмысленный характер развертывания хорошо раскрывается в контексте.

Очень распространенной чертой развернутой метафоры является тенденция к осложненному и конвергентному использованию. Никакой другой прием окказионального использования не обладает в латышском языке такой продуктивностью в комбинированном фразеупотреблении (свыше 65% всех случаев употребления развернутой метафоры).

Чаще всего развернутая метафора комбинируется с приемом распространения ФЕ, причем метафора является основным приемом окказионального употребления, раскрывая образ, а распространение уточняет значение ФЕ. Например:

liet ūdeni (лить воду):

Atkal nolēji idejisko ūdeni, - Blūzons aiz muguras ierīcās. Skaudību viņa balsī grūti nēsāt.
- Vai tev kāds aizlīdzis? - Ervīns izmet pār plecu
- Krāni par tievīm, - Blūzons saka un nopūšas.
- Visiem jau nav tādas vaļerklozetes (A. Driņš. Kaķi maīšā. - Rīga, 1977. - Lpp. 40).

Таким образом, при развернутой метафоре усиливается переносность ФЕ, развертывается образ, на котором ФЕ звучит, повышается экспрессивность фразеупотребления. Текстобразующая функция приема демонтирует связь приема семантического изменения ФЕ и контекста, выявляет потенциальную динамичность ФЕ.

Двойная актуализация, или буквализация, заключается в обыгрывании значения ФЕ и буквального значения ее переменного прототипа в целом или в целом или в буквальной интерпретации одного или нескольких компонентов ФЕ, в результате чего создается неожиданное столкновение двух планов восприятия. Двойная актуализация точнее и ярче всех остальных приемов отражает двуплановость семантики ФЕ, которая в большей степени основана на разделнообразности и является ее результатом.

Она отъясняет потенциальную возможность вычленить отдельный элемент фразеологизма в качестве самостоятельной единицы, так как каждое слово, оставаясь компонентом фразеологического оборота, приобретает двойственную сущность: оно входит в состав структурно и семантически сложного целого как его интегральная часть, сохраняя в то же время потенциальные качества самостоятельной лексической единицы.

Но двуплановость — явление чисто речевое, так как языковая форма ФЕ имеет только фразеологическое значение. Двуплановость ФЕ может раскрываться только в контексте, причем в специально построенном для реализации этой двуплановости. Простое репродуцирование компонентов ФЕ в следующем или предваряющем ее контексте не приводит к двуплановости ее восприятия. Как подчеркивает С.И. Вальцева [2, с.35], рассматривая английские пословицы, двуплановость восприятия может возникнуть только при таком репродуцировании компонента пословицы, вернее, при таком употреблении материально совпадающего с ним слова, при котором неоднозначно актуализируется его главное (прямое) значение. Это утверждение полностью применимо и к ФЕ, и суть ее заключается в том, что сознание читателя должно быть подготовлено к восприятию двуплановости. Например:

caļus skaita rudeni (цаллят по осени считают):

Elektrība /../ arņbrēm vienā miljona caļu izpētāšanai /../ Starp citu, caļus skaita rudeni. Bet tagad ir ziema. Un pēc pilnveģ aizmirāšņi nekoņnes broilērus, aizmiratam arī dēdōšas apuldasies /../ Un tad mūsu galda būs vairāk caļu (Rīgas Balso. - 1995. - 19.febr.).

Фразеслогический контекст в этом случае посредством употребления синонимов и слов, принадлежащих к одной тематической группе: caļus broilērus и rudeni - ziema, актуализирует, помимо переносного значения ФЕ, и прямые значения компонентов. Контекст, таким образом, выполняет функцию стилистического актуализатора. Следовательно, в

структурном отношении двойная актуализация представляет собой как минимум двучленное образование – сама ФЕ и ее актуализатор или набор актуализаторов. Второй элемент двойной актуализации (актуализатор) может входить в состав ФЕ, находиться за пределами ее структуры и локализоваться контактно или дистантно. В приведенном выше примере обыгрывание ФЕ было предварительным и последующим, причем обыгрывалось значение сразу двух компонентов.

Чаще всего встречаются случаи с дефразеологизацией значения всего словосочетания после полной актуализации его переносного значения. Например:

stāvēt pašam uz savām kājām (стоять на своих ногах):

- Jaunais silvēks, cik jums gadu? ...

- Astoņpadsmit ...

- Tad jums laiks stāvēt pašam uz savām kājām, nevis uz manām (М.Вирзе. Nejauši noklausīta saruna. – Rīga, 1965. – Lpp. 21).

В неожиданности и столкновения ФЕ и ее переменного прототипа заключается яркий стилистический эффект приема двойной актуализации. Противопоставление двух семантических планов резко повышает экспрессивность текста и обычно создает юмористический эффект.

Также часто встречается обыгрывание лексического значения одного компонента после раскрытия переносного значения ФЕ (обыгрывание значения двух или более компонентов ФЕ – явление довольно редкое). Например:

spēlētis ar uguni (играть с огнем):

Spēlētis ar uguni arvien bijis bīstami, ar olimpisko uguni pat pazemojosi un noziedzīgi (ports. – 1984. – 25.apr.).

Встречается, хотя и реже, обратное явление – слова, обыгрывающие значение ФЕ, находятся перед ФЕ, то есть читатель вначале воспринимает прямое значение слов, а по-

том только переносное значение ФЕ. Например:

nebaltais dienas (черные дни)

"Baltas" Dienvidāfrikas nebaltais dienas (Padomju Jaunatne. - 1935, - 7.okt.)

В этом случае столкновение ФЕ и активного слова - стилистического актуализатора - происходит на основе антонимии. Например:

sukas laime (чертовское везение):

...bet medn'eki lādēja patronas klusībā cerēdami, ka šodien nu beidzot ko nošauņ ... Taču sukām bija sūku gudrība un vēl sukas laime turklāt (A.Kolbergs. Fotogrāfija ar sievieti un mežakuli. - Rīga, 1933. - lpp. 35).

Во всех перечисленных случаях при разгадке двойной актуализации контекст содержит частичный повтор ФЕ или ее компонентов. Вместе с тем фактический материал показывает, что можно создать эффект двойной актуализации ФЕ и без повтора ее компонентов в контексте. Например:

kur /kāds/ kāju spēr, pat zāle neaug (травы под его ногами не растут);

Vārtsargs - tas ir radījums, ko nolādējis paša liktenis: tur, kur viņš spēr kāju, pat zāle neaug (Padomju Jaunatne. - 1935.-22.okt.).

Оба значения ФЕ актуализируются параллельно, контекст построен таким образом, что допускает восприятие как переносного, так и прямого значения. О способности языка к одновременно реализации двух сообщений, идущих параллельно, говорит И.Р.Гальперин [3., с.23], называя такую актуализацию контрапунктом информации.

Итак, существуют две главные возможности двойной актуализации: 1) одновременная реализация буквального и переосмысленного значения ФЕ; 2) реализация переосмысленного значения ФЕ и буквального значения одного или нескольких компонентов ФЕ.

Двойная актуализация в латышском языке создается за счет столкновения компонентов ФЕ и слов контекста на основе:

- 1) тождества слова и компонента ФЕ;
- 2) синонимии;
- 3) антонимии;
- 4) принадлежности к одной тематической группе.

Фактический материал показал, что без стилистического актуализатора, т.е. без намеренного актуализирования прямых значений слов или всей ФЕ, эффект двойной актуализации не рождается.

Фразеологическая зевгма. Зевгма является употреблением слова в одинаковых грамматических, но в разных семантических отношениях к другим словам в контексте; при этом семантические отношения, с одной стороны, буквальные, а с другой, — переносные. Следовательно, фразеологическая зевгма — это употребление ФЕ в зевгматической конструкции на основе общего лексического элемента, который благодаря семантической двуплановости актуализирует переносное значение ФЕ и прямое значение переменного словосочетания. Слово, в котором реализуется свободное и фразеологическое значение, является ядерным словом, ибо оно организует смысловое отношение с семантическими, как бы несовместимыми, компонентами. Таким образом, стилистический эффект создается синтаксически. В том и состоит суть этого стилистического приема, что он, не нарушая синтаксической связанности текста, нарушает более или менее резко его смысловую связанность.

Фразеологическая зевгма может содержать три элемента и более, но три элемента — ядерное слово, — слово фразеологического значения и слово свободного значения — минимум для создания конструкции. Например:

strādāt ar galvu (работать головой):

Būt piemājas dārza saimniekam reizē nozīmē vairāk strādāt ar galvu nekā ar rokām (Dārza un drava. — 1984. — Nr.10).

Как правило, лингвисты при анализе фразеологической зевгмы указывают на комический эффект, порождаемый этим приемом, способным выразить оттенки от мягкого смора до иронии и сарказма [4., с. 122]. Такое представление о фразеологической зевгме, по нашему мнению, не полностью отвечает сути приема. Действительно, во многих случаях юмористический эффект при использовании этого приема в тексте возникает, но он может и отсутствовать. Например:

likt galvas kopā (думать вместе):

Bet vai nebūtu labāk steidzīgi likt galvas un informāciju kopā, lai izpētītu, ko tad mēs paši šiem jautājiem varam piedāvāt (Literatūra un Māksla. - 1986. - 10. janv.).

В вышеуказанном употреблении фразеологической зевгмы нет ни малейшей доли комизма, хотя стилистический эффект ее выражен. Этот прием отчетливо показывает и разновидность фразеологической зевгмы с изменениями в структуре ФЭ. В латышском языке таких примерно половина, что в какой-то мере ставит вопрос о принадлежности фразеологической зевгмы к семантическим приемам опционального использования.

Нам представляется, что семантический эффект зевгмы, да и комизм, порождаемый этим приемом, обусловлены различиями в семантике между фразеологическим и переключенным элементами зевгматической конструкции. Чем больше эти различия, чем больше эти элементы противопоставляются, тем сильнее стилистический эффект.

Нарушение стилистической дистрибуции. Сущность этого приема контекстуальной реализации стилистической направленности заключается в том, что ФЭ характеризует объект, которому такая характеристика не свойственна [5., с. 124]. Как известно, дистрибуция - это совокупность окружения какого-то элемента языка. Принимая во внимание особенности фразеологии, можно заключить, что дистрибуция ФЭ - это совокупность всех контекстов, в которых она регулярно встречается, а следовательно, употребление ФЭ в не-

своей твеном ей контексте квалифицируется как нарушение дистрибутивной нормы. Иными словами, нарушение стилистической дистрибуции — это окказиональное расширение диапазона сочетаемости ФЕ, некоторая генерализация значения, что подчеркивает старое и придает новые стилистико-семантические оттенки значению. Отметим, что расширение значения в отдельных случаях может перерасти в явление узуальное, что еще раз подчеркивает взаимозависимость окказионального и узуального употребления ФЕ.

Конкретно прием заключается в том, что обороты, которые обычно употребляются по отношению к людям, используются по отношению к предметам, животным, абстрактным понятиям, явлениям природы, и наоборот.

Чаще всего неодушевленные предметы включаются в сферу действия ФЕ, обычно характеризующей людей. Например:
vadāt kādu aiz deguna (водить за нос):

Drīz atklājās, ka ceļš bijis neparasti viltīgs (...),
Žanis saprata, ka ceļš viņu vazājis aiz deguna, un tam
vairs neklausīja (J. Lapsa. Zirgs, kas naktī dzied. —
Rīga, 1985. — Lpp. 83).

Встречаются и случаи употребления оборотов, характеризующих людей, а также применительно к абстрактным понятиям. Например:

zādēt zaru uz kura sēj:

Tuvredzība un nemākulība nozāgē to zaru, uz kura
sējam (Liesma. — 1986. — 18. jūl.).

Редко наблюдается употребление ФЕ, характеризующих неодушевленные явления, применительно к людям. Например:
iciet no ierindas :

... bet Talsos — otrajā mašā no ierindas izgāja
saspāles vadītāja Strazdiņa, kas iepriekšējā spēlē bija
demonstrējusi atzīstamu tālmetienu precizitāti (no 7-5)
(Padomju Jaunatne. — 1985. — 9. okt.).

Интересно, что эта ФЕ возникла в человеческой деятельности, но с течением времени переместилась в сферу техники. Такое оживление исконного значения порождает большой стилистический эффект. Неординарное использование ФЕ путем этого приема вносит элемент непредсказуемости, фактор новизны, что, в свою очередь, привлекает внимание читателя. Прием довольно редкий в латышском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бейсбергс А.Г. Оказиональное использование фразеологических единиц как семантико-стилистика универсалия индоевропейских языков // Известия АН ЛССР: Зинатне. - Рига, 1986. - № 10. - С. 121-128.
2. Вязьцева С.И. Двойная актуализация в английских пословицах // Фразеологическая система немецкого и английского языков. - Челябинск, 1979. - С. 34-38.
3. Гальперин И.Р. О понятиях "стиль" и "стилистика" // Вопросы языковедения. - 1978. - № 3. - С. 14-25.
4. Faulstich D., Kühn G. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache. - Leipzig, 1975.
5. Куинин А.В. Нарушение стилистической дистрибуции // Сб. науч. трудов ИРНИИЯ. - М., 1975. - Вып. 91. - С. 194-198.

SUMMARY

A. Veisbergs

Contextual Semantic Change of Phraseological Units in Latvian

There exist several ways of contextual semantic change of phraseological units (idioms). The most widespread of them in Latvian are sustained metaphor, dual actualization, phraseological zeugma, breach of stylistic distri-

bation. By these and other means it is possible to create additional semantic and stylistic effect due to the breach of the stable meaning (both denotational and connotational) of the phraseological unit. These generally universal means of contextual semantic change possess certain peculiarities in Latvian which have been analyzed in this article.

В.Х.Гильманов

ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРЕНТНОЙ СООТНЕСЕННОСТИ
СИНКРЕТИЧНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ

Для древневерхненемецкого характерно наличие большого количества прилагательных со специфической широтой значения, которая существенным образом отличается от широкосзначности современного прилагательного. Подобным прилагательным свойственен особый характер организации эпидеигматических связей, что отражается в неразграниченности их смысловых функций, чрезвычайно развитой полифункциональности, слитности различных оттенков значения. Подобный смысловой синкретизм древневерхненемецких прилагательных обуславливает особый подход при их адекватной семантической интерпретации, поскольку условия референтной соотнесенности этих прилагательных существенно отличаются от коллокации дел в современном языке.

Смысловой синкретизм выразился в том, что многие прилагательные объединяли в своем значении смысловые оттенки различной степени абстрактности и обладали большим смысловым потенциалом — способностью организации различных видов смысловых отношений. Так древневерхненемецкое прилагательное *heiz 'reif'* в своем исходно-номинативном значении указывает на объективное состояние физической среды или определенного лица, например:

so heiz uurt ze wamer [1., 89.]

"так жарко становится летом".

Однако в древний период оно было способно употребляться в лексико-семантическом варианте (ЛСВ), обозначающей функционально-прагматическую характеристику абстрактного объекта - определенного положения дел, которое характеризуется с точки зрения его важности, значительности для определенного лица:

tho sprach Pilatus uurt thaz uanta imo uas iz
heizaz [2., 4.21]

"сказал об этом Пилат, ибо это было для него важно".

Возможность употребления прилагательного heiz для функционально-прагматической характеристики связана, видимо, с особенностью первичного значения этого прилагательного: оно способно выступать в ЛСВ, обозначающем внутреннее физическое состояние определенного лица, например:

so heiz ward mir, daz ih inzimdet ward [3., 141.20]

"так жарко стало мне, будто я весь в огне"

Важность, значительность определенного положения дел для какого-либо лица связана с возможностью изменения физического, а точнее, психофизического состояния этого лица, что обуславливает способность прилагательного heiz обозначать как внутреннее психофизическое состояние этого лица, так и характеризовать абстрактный объект, вызвавший изменение этого состояния.

Существенным образом отличается в древневерхнемецком референтивной соотношенности прилагательных звукового признака stilli, laut "still, laut". В отличие от иссл.-немецкого, эти прилагательные были способны употребляться для характеристики имен отвлеченной семантики и развернутых пропозиций, например:

thou thizu uantaz ellu wartin filli stilli [2., 3.43]

"но эти чудеса совершались тихо, и о них мало знали"

theiz uurti ubar muorolt lut, thaz er bi rechte uwas
sin drut [2., 2.9.4] "чтобы стало всем известно, что он
(Иисус) на самом деле был его любимым избранником".

В данных предложениях прилагательные передают содержание синкретично, как бы реализуя потенциальные возможности, заложенные в исходно-номинативных значениях: "громкий" значит "услышанный" и поэтому "известный"; "тихий" значит "неизвестный". Приведенные примеры показывают большие импликационные возможности предложений с синкретичными именами в предикативе, что отражалось в их способности к синтетическому выражению определенных содержаний.

Кроме того прилагательные *stilli*, *lut* обладали способностью сочетаться с именами одушевленной семантики, характеризуя при этом, однако, не денотат определяемого имени, а способ звукоречевого поведения антропонимического объекта в подлежащем. При таком употреблении адъективный предикатив обозначал признак, который соотносился двояким образом: с одной стороны, он ориентирован на лицо, представленное в подлежащем, с другой, на звукоречевое поведение этого лица:

stille ne sist du fone mir [3., 87.4]

"ты не безмолвен (не молчишь) благодаря мне"

При таком употреблении предикативная конструкция представляет на "поверхности" смысловую структуру, соотносимую асимметричным образом с формально-синтаксической структурой, поскольку качественной характеристике подвергается не собственно лицо, а его звукоречевое поведение, то есть процесс. Подобное положение также связано с большим импликационным потенциалом древнегерманского предложения с синкретичным прилагательным в предикативе. Прилагательное обладало своеобразным ассоциативным комплексом и отражало в своем значении не только качество звукового проявления, но и "программировало" и само звуковое действие. Для современного языка подобное употребление не характерно, и вместо предикативной конструкции в подобных случаях употребляется глагольное сказуемое. Отмеченное своеобраз-

зие древненемецкого предикатива подчеркивается наличием у него факультативной валентности на компонент, обозначающий "результат" речевого действия, процесса. Этот компонент представлен формой беспредложного гекзетива:

neumis stille dinez urteilis. vuanða dine fillaða
fore lutreiste wæren [3., 343.1]

"не умалчивай своего приговора, ибо твои враги
прежде громко судили"

Своеобразна синтетичная эпидегматика древневерхне-
немецких прилагательных синонимичной группы со значением
"смелый, отважный, решительный" (kuani, bald, snel, ge-
di, gisal). Все эти прилагательные связаны со значе-
нием "быстрый", что отмечено во всех словарях и тезауру-
сах древненемецких памятников. В этом ЛСВ указанные при-
лагательные встречаются в древневерхнемецких текстах,
например:

sie /aspida/ sint snel ze manslachte [3., 37.22]

"они /змеи/ быстро убивают человека (буквально:
быстры в убийстве человека)"

daz ist einhorn, nu ist uile lucil nu ist zo gisal.
daz imo nieman geuolgen nemag [4., 3]

"это единорог, только очень маленький и такой быстрый,
что за ним никто не может поспеть".

В этой связи можно предположить, что значение опосредо-
ванного действием признака "смелый, решительный" у при-
лагательных данной группы развилось на основе значения,
связанного с признаком "быстрый". Вполне правомерно до-
пустить, что развитие значения более опосредованного
признака шло в направлении от значения менее опосредован-
ного, то есть от значения "быстрый" к значению "смелый,
решительный". Это соответствует общему положению, отме-
ченному многими исследователями, о развитии семантичес-
кой структуры прилагательных в направлении от более кон-
кретных значений к более абстрактным [см. 5, с. 12?]. При
этом признак "быстрый" можно, видимо, трактовать как

своего рода основание квалификации характеризуемых лиц: быстрый в действиях -- значит решительный, смелый.

Приведенные выше прилагательные регулярно выступали в составе ЛСГ с семантической доминантой "ведущий себя определенным образом по отношению к кому-либо/чему-либо". При этом уточняющие члены, обозначающие "сферу" агентивного проявления характеризуемого лица, вводились в предложение в составе предложной группы с *in, zi*, например: *sie sint filu redie sih fianton zirretinne* [2., 1.1.75] "они очень решительно скачут врагам навстречу".

Древневерхненемецкий вообще обладает обширной сетью классификаторов признака, используемых как зависимые члены при предикативном прилагательном и конкретизирующих содержание соответствующего прилагательного в отношении к данной ситуации. При этом более широкое употребление в древневерхненемецком по сравнению с современным языком зависимых слов при предикативном прилагательном связано с синтаксическими особенностями древнегерманских языков в целом. Основной причиной более широкого употребления предикативного прилагательного с зависимыми членами является присущая древним языкам тенденция к употреблению прилагательного там, где современный язык использовал бы другие конструкции, например, глагольно-адвербиальное сочетание или предложение с проpositивным именем в подлежащем. Исследователи связывают данную особенность древних языков с характерным для этих языков стремлением отнестись второстепенные с формально-синтаксической точки зрения члены к подлежащему предложения [6., с.68]. Сравните, например, перевод на новонемецкий фрагментов произведения Отфрида:

rihiduami ginuagi joh sint sie ouh filu kuani, ze uuafanne snelle so sint sie thegana alle [2., 1.1.63] "Sie haben die Herrschgewalt weithin und sind allzeit stolz und kühn; zum Kampfe sind sie schnell entflammt. So sind sie die Degen allesamt." (перевод Э.Шенфольдера)

"имея сильную власть, они все отважны, решительно берутся за оружие, все они -- воины".

Отмеченная особенность древневерхненемецкого предложения с предикативом-прилагательным связана с большим импликационным потенциалом древнегерманских предложений и обуславливает несколько отличное от нововерхненемецкого взаимоотношение семантики и формальной структуры в древневерхненемецком. Большой импликационный потенциал предложения с прилагательными, характеризующими человека через действие или отношение, связан с развитым синкретизмом многих из этих прилагательных, предполагающим их ассоциативное функционирование, то есть их предикативное употребление при глаголе *sin/wesan* имплицитно определяет действие или процесс, ассоциативно связанные с представлением обозначаемого признака. Сравните в этой связи рассуждения П.Баули об имплицитной и эксплицитной актуализации "актуального понятия, возникшего из ситуации или содержащегося в контексте". [7., с.94]. При таком употреблении синкретичное прилагательное характеризует не столько само лицо или группу лиц, представленные в подлежащем, сколько их действия, поведение, поступки:

*fialun sie tho framhald, des guten uuarun sie bald
"Da fielen sie /die Magier/ nieder, sie [2.,1.17]
hatten Vertrauenszuversicht auf seine Götlichkeit
gefaßt"*

"и тут чародеи пали на колени, они поверили в его божественность".

Как показывают приведенные примеры, смысловой синкретизм древневерхненемецкого прилагательного имеет отношение не только к характеру организации его эпидегматических связей, но и синтагматических отношений. То есть функционирование синкретичных имен в предложении предполагало не только указание на определенный признак характеризуемых объектов, но нередко имплицитно указание на характер проявления этого признака. Эта особенность касается прежде всего характеристики объекта при его процессуальном проявлении. Ориентация предикатива-прилагательно-

го при таком употреблении на характеристику процессуального признака отражается в том обстоятельстве, что функционально предикативное прилагательное приождается к наречию, что в некоторых случаях подтверждается фактом приобретения предикативом наречного показателя -о, свойственного древневерхненемецкому, например:

unde minen nahen bin ih harto muorten [8.,161]

"и к моим ближним стал я суров"

ubelo uwas ih. in sundon lag ih [8.,138]

"неправедно жил я, в грехах пребывал я".

Таким образом, синкретичные прилагательные обладают способностью отражать большое количество как статических, так и динамических признаков, связанных между собой сложными отношениями. Эти прилагательные отмечены большим номинирующим потенциалом, отражая факт определенной ограниченности вербального "расчленения" картины мира, что, видимо, связано с еще неразвитой специализацией определенных лексических средств на обозначении четко дифференцированных фрагментов реальной или воображаемой действительности. Подобный характер смысловой нерасчлененности значения синкретичных имен отражается в развитой ассоциативной соотносительности значения того или иного прилагательного; при этом ассоциативные отношения имеют довольно сложный характер, что предполагает чрезвычайно большую, принципиальную роль дискурса для точного определения конкретной семантической реализации того или иного синкретичного имени. Само же имя, выступая в предикативе, благодаря своей имплицативной силе выполняет весьма своеобразную текстообразующую функцию, поскольку в предложениях с синкретичными прилагательными в предикативе наблюдается как бы "конденсация" смысла, которая оказывается возможной в силу смысловой синкретичности адъективного имени. То есть довольно богатое содержание "упаковывается" в весьма "экономную" форму: формально-конструктивная организация предложения не накладывает ограничения на "емкое" смысловое прочтение, которое, однако, оказывается

возможным только в условиях связного текста. При этом следует иметь в виду значительно большую роль учета контекстной реализации, условий дискурса при интерпретации значения синкретичных прилагательных в древневерхненемецком по сравнению с современным языком. Вне широкого контекста интерпретация содержания предикативной конструкции с синкретичным именем весьма затруднена или же вообще невозможна, поскольку только в предтексте presupponируется конкретная семантическая реализация подобного имени, ср. мн.: *thaz sie uuar ouh oth* [2.,4.19.35]. Как видно, вне контекста семантическая интерпретация данного предложения вряд ли оказывается возможной.

*thaz krefto er sih bihiaz, thaz gotes hus zistiaz,
joh mohti in thrin dagon sar irzimbron iz avur thaz;
er zeinta, ludun sie giunisso, druntin er ni quad so;
er quad zilostin sic iz, in uuar, thaz er irquiti iz sar
er zeinta, thes sie uuar ouh oth, sines lichamen tod* [2.4.19]
"Er erklärte sich bereit, das zerstörte Haus Gottes in drei Tagen neu zu errichten; sie haben gelügt: der Jesus hat es nie gesagt, er sprach von seinem Körper, er würde auferstehen, wenn er stürbe; er deutete andeuterweise, daß sie es leicht verstehen könnten, auf seinen physischen Tod."

(Перевод на новонемецкий по Э.Келле) "он объявил, что восстановит разрушенный храм господний в три дня, так говорили они (фарисеи); но они лгали: Иисус имел в виду другое; он говорил о своем теле, о том, что воскреснет, когда умертвлен будет; он указывал на свою физическую смерть, но так, чтобы им было легче уразуметь".

Семантическая полифункциональность отражается также в такой особенности некоторых прилагательных древневерхненемецкого языка как совмещение в одной лексеме способности обозначать противоположные с точки зрения активности/пассивности свойства, то есть выступать в двух противоположных РСВ. Синкретизм подобного рода касается и других германских языков, на что указывал С.Д. Кацнельсон

[9., с.370]. В древневерхненемецком встречаем такие лексемы:

forhteg	- "боязливый" - "страшный"
ser	- "бóльшой" - "причиняющий боль"
leid	- "страдающий" - "причиняющий страдание"
uuuntar	- "удивленный" - "вызывающий удивление"

Вопрос об отнесенности подобных лексем к определенной ЛСГ разрешается на основе анализа их семантической сочетаемости и контекстного окружения, например:

zuivel - "сомневающийся" - "сомнительный"

des christus urchundo ist des nehein zuivel [8., 24]

"в происхождении Христа никто не сомневается"

Joh einen feteron...ist er so gediene. daz in zuivele si. uues er eigonosto si [10., II2] "он так служит своим братьям, что у них вызывает сомнение то, кому же он принадлежит".

В первом из приведенных предложений zuivel выступает в "пассивном" значении - в ЛСВ, обозначающем психоэмоциональное состояние одушевленного субъекта; во втором - в "активном" значении (ЛСВ каузативного признака). Сравните также:

la dir zorn sin ze demo tieuele [8., 24]

"будь гневным к дьяволу"

thaz ther liut uuesti thaz, theiz imo filu zorn uuas

[2., 4.19.54]

"то, что люди знали это, гневало его (вызывало его гнев)".

Еще одним проявлением смыслового синкретизма в древневерхненемецком является наличие в этот период значительно-го числа омонимов типа существительное - прилагательное, которые рассматриваются автором данной статьи как результат генетической общности этих частей речи. К числу подобных омонимов в древневерхненемецком относятся: *not* "нужда" - "нужный", *leid* "страдание" - "страдающий", *zorn* "гнев" - "гневный", *uuar* "правда" - "правдивый", *uuuntar* "чудо" - "чудесный" и другие.

Вряд ли правомерно решать вопрос о категориальной принадлежности подобных слов с точки зрения того, к какому из двух "конкурирующих" классов слов - существительному или прилагательному - подобные лексемы относились раньше, до предполагаемых некоторыми исследователями (P.Kluge , W. Wilmanns , В.Балайшис) процессов субстантивации или адъективации. Точка зрения о том, что подобные омонимы являются продуктом субстантивации первоначальных прилагательных или адъективации первичных существительных, не учитывает того факта, что для древнего слоя лексики вряд ли возможно установить четкую дифференциацию на существительные и прилагательные. В данной статье поддерживается мнение о том, что наиболее древний слой омонимов есть результат не субстантивации или адъективации, а скорее дифференциации первоначально не расчлененного имени в процессе синтаксической специализации [II., с.52], сравните:

uuuntar uuard tho maraz joh filu ueltesanz [2.,1.11.1]

"произошло чудо, такое великое и необыкновенное"

sie uanz es filu uuuntar [2.,4.7.6]

"для них это было необыкновенно удивительным"

В первом из приведенных предложений uuuntar - в синтаксической реализации как существительное, во втором - как прилагательное.

Таким образом, подводя итог изложенному выше, следует отметить, что семантическая специфика многих древневерхнегерманских прилагательных - чрезвычайно развитая полифункциональность, функционально-смысловой синкретизм - существенным образом отражается на особенностях референтной соотнесенности синтаксических конструкций с этими прилагательными. Синкретизм этих прилагательных обуславливает то, что изучение их семантики может прогнаться только на синтагматическом уровне, на основе их семантического "поведения" в письменных текстах древнегерманского периода, то есть с помощью контекстного метода. Именно на этой основе и возможно единственно приемлимое разграниче-

ние различных ЛСВ широкозначных адъективных слов в древневерхненемецком. При этом следует иметь в виду значительно большую роль учета контекстной реализации синкретичных слов в древневерхненемецком по сравнению с современным языком. Смысловой синкретизм многих древневерхненемецких прилагательных связан с такой важной особенностью предложений с этими прилагательными, как их большой импликационный потенциал. В подобных предложениях синкретичные прилагательные при предикативном функционировании выступают как своего рода "конденсированный" результат смысловых параметров дискурса. Для адекватной семантической интерпретации данные прилагательные требуют необходимого обращения к смысловой программе всего текста. То есть рассмотрение референтной соотносительности синкретичных имен требует от исследователя обращения к самому широкому контексту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Notkers des Deutschen Werke. Neu hrsg. von E.H. Sehrt und T. Starck. - Boethius de Consolatione Philosophiae // Altdeutsche Textbibliothek. - Halle /Seale/: VEB Max Niemeyer Verlag, 1966. - Bd. 32, 33, 34.
2. Otfrid von Weissenburg. Evangeliumbuch. Text. Einleitung, Metrik, Glossar. Hrsg. von J. Kelle. - Regensburg: Verlag von G. J. Manz, 1856-1881. - Bd. 1-3.
3. Die Schriften Notkers und seiner Schule. Hrsg. von P. Piper. - Freiburg i. B. u. Nübingen, 1883. - Bd. 2.
4. Der ältere Physiologus // Die älteste deutsche Literatur bis um das Jahr 1050. Bearb. von P. Piper / Deutsche Nationalliteratur. Hrsg. von J. Kürschner. - Berlin-Stuttgart: W. Spemann, 1884. - Bd. 1.
5. Шрам А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных: На материале современного русского языка. - М.: Изд. ЛГУ, 1979.

6. Wackernagel J. Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch. - Basel: E. Birkhäuser, 1928.

7. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М., 1955.

8. Notkers des Deutschen Werke. Neu hrsg. von E. H. Sehrt und T. Starck. - Der Psalter. - Halle (Saale), 1952. - Bd. 3. - T. I.

9. Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования (из истории атрибутивных отношений). - М.; Л., 1949.

10. Notkers des Deutschen Werke. Neu hrsg. von E. H. Sehrt und T. Starck. - Marcellianus Capella, de Nuptiis Philologiae et Mercurii // Altdeutsche Textbibliothek. - Halle (Saale), 1966. - Bd. 37.

II. Сравнительная грамматика германских языков. - М., 1966. - Т. 4.

ZUSAMMENFASSUNG

W. Gilmanow

Die Erforschung der Besonderheiten der Semantik des synkretischen Adjektivs in der althochdeutschen Zeit

Die Erforschung der Besonderheiten der Semantik des synkretischen Adjektivs in der althochdeutschen Zeit ist äußerst aktuell, denn es ist ein verhältnismäßig wenig erforschtes Gebiet in der Germanistik. Die gegebene Untersuchung einiger althochdeutscher synkretischer Adjektive ist eine sich auf der Kontextmethode ruhende Analyse. Es ist das Ziel dieser Analyse festzustellen, wie sich die behandelten Wörter in verschiedenen Kontexten verhalten.

Bei der semantischen Interpretation ist die grundsätzliche kontextuelle Gebundenheit der semantischen Bedeutung der synkretischen Adjektive zu berücksichtigen. Solche Adjektive sind dadurch gekennzeichnet, daß sie vor allem

als Kontextverankerte und besondere textbildende semantische Einheiten bewertet werden sollen, die ihrer spezifischen Semantik zufolge besondere Beziehungen zwischen Inhalt und Form der entsprechenden syntaktischen Strukturen bestimmen. Des öfteren treten solche Adjektive in semantischer Hinsicht als ein inhaltliches Ergebnis der syntaktisch-semantischen Entfaltung des ganzen Textes hervor.

Н.Н.Данченко

ДИНАМИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ.Г.БАЙРОНА

В своем известном эссе о лорде Байроне Томас Маклей писал, что "даже после самого придирчивого рассмотрения поэзия Байрона сохранит многое из того, что может погибнуть только вместе с английским языком" [1., с.159]. С сожалением следует отметить, что обширная библиография работ, посвященных творчеству поэта, почти не содержит исследований, направленных непосредственно на изучение языка поэта в целом или в каком-либо аспекте. В некоторых работах, тем не менее, мы находим неоднократные упоминания о том, что новаторством стиля Дж.Г.Байрона является, в частности, блестящее использование им богатого фразеологического фонда английского языка [2., с.34-48], [3., с.124-127].

Даже при беглом прочтении поэм обращает на себя внимание тот факт, что употребление фразеологии не характерно для всех произведений в одинаковой мере. Следует признать, например, что поэт крайне редко прибегает к фразеологии как одному из средств создания художественной образности в своих ранних юношеских стихах. В сборнике "Часы досуга" на каждые 100 строк стихотворного текста приходится менее одного употребления фразеологи-

ческих единиц (ФЕ)¹.

Крайне редки употребления фразеологизмов и в цикле восточных поэм, написанных с 1813 по 1816 год. В среднем количество употреблений составляет 0,7 ФЕ на 100 строк стихотворного текста. Фразеологизмы вносятся в текст преимущественно в узуальной (словарной) форме. Случаи их окказиональных (контекстуальных) преобразований крайне редки, в поэмах "Гяур" (1813), "Абидосская невеста" (1813), "Паризина" (1816), и "Шильонский узник" (1816) окказионально преобразованные ФЕ вообще не встречаются. Высока рекуррентность таких ФЕ, как *at length, to and fro, here and there*, выразительность которых невелика, однако их широкая семантика способствует их примыканию ко многим глаголам. Другой причиной их повторяемости является урегулированность их акцентно-слоговой структуры, что способствует их гармоническому впадению в ямбическую сетку стиха.

В силу того, что отдельным ФЕ свойственна повторяемость, а общее количество употреблений ФЕ в восточных поэмах невелико (56 ФЕ), набор фразеологизмов в них не отличается разнообразием. Очевидно, романтическая выпренность, возвышенность и неопределенность регламентируют широкое употребление фразеологизмов в романтических поэмах.

Несколько иной характер носит употребление фразеологии в "Путешествии Чарльда Гарольда". Во-первых, число употреблений ФЕ возрастает до 1,7 ФЕ на 100 строк поэтического текста; во-вторых, заметно разнообразится набор фразеологизмов и способы их внесения в речь. Почти четвертая часть фразеологизмов контекстуально преобразованы, преимущественное распространение находят стилистические

¹ Вслед за А.В.Кунным фразеологическая единица определяется как "устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением" (Кунин А.В. Английская фразеология. - М., 1970. - С.210).

попытки вклинивания и замены компонента ФЕ. Небезинтересен тот факт, что употребление ФЕ в первых двух песнях, написанных в 1809-1812 годах, отличается от 3-й и 4-й песен, написанных в 1816-1817 годах. В последних двух песнях ниже повторяемость ФЕ и более разнообразен их качественный состав - что свидетельствует о постепенном изменении художественной манеры автора.

В поэтических циклах "К Тирзе" (1811-1812), "Еврейские мотивы" (1814-1815), в поэмах, посвященных Наполеону (1814-1816), фразеологизмы практически не встречаются. Это не удивительно. Большинство из названных работ - это оды посвящения, поэтические размышления. Живое, конкретное звучание фразеологизмов плохо сочетается с их парадным слогом.

Философским мистериям "Манфред" (1816), "Каин" (1821), "Небо и земля" (1831), а также трагедиям "Марино Фальеро" (1820), "Сарданапал" (1821), "Двое Фоскари" (1821), "Вернер" (1822), тяготеющим по форме к классицистическим, употребление фразеологии также в целом не свойственно. Правда, в трагедии "Марино Фальеро" мы встречаемся с идиомами, восходящими к античности, Библии или Шекспиру, т.е. сугубо литературными оборотами в соответствии с требованиями жанра, например: *Herculean task*, *Caesar's wife must be above suspicion*, *break one's bread with smb.*, *walls have ears*, *the die is cast*, etc.

В другой трагедии - "Вернер" - Байрон также не отказывается от фразеологии полностью, но роль фразеологизмов в системе других языковых средств передачи замысла автора не представляется значительной. Количество употреблений составляет 0,7 ФЕ на 100 строк.

Анализ фразеологического материала поздних стихов, мистерий и драм убеждает нас в том, что употребление фразеологических средств в стихотворных произведениях Байрона связано с их жанром и регламентируется в зависимости от последнего.

Рассмотрим теперь другой жанр — жанр сатиры, к которому поэт обращается неоднократно на протяжении всей жизни. Свою первую сатиру "Английские поэты и шотландские обозреватели" Байрон пишет в 1809 году, т.е. двумя годами позднее после поэтического сборника "Часы досуга". Использование фразеологизмов в этой сатире заметно отличается от их использования в уже написанных стихах и в последующих поэмах прежде всего тем, что мы почти не наблюдаем повторяемости ФЕ в тексте. Количество употреблений фразеологизмов в сатире составляет 20 ФЕ, т.е. в среднем 2 ФЕ на 100 строк. Более трети из них подвергаются различным окказиональным преобразованиям — таким, как вклинивание, аллюзия, замена компонента ФЕ, синтаксическая деформация и другие, включая осложненные приемы.

Другие сатиры поэта — "На темы Горация" (1811), "Вальс" (1813), "Видение суда" (1821), "Бронзовый век" (1825) — все, кроме "Проклятия Минервы" (1811), также характеризует заметное употребление фразеологии: от 2,4 до 2,8 ФЕ на 100 строк. Еще более разнообразны способы их введения в речь. Трудно выделить какой-либо один прием в качестве ведущего, но можно назвать отдельные приемы, к которым Байрон в сатирах обращается впервые и которые найдут дальнейшее применение в творчестве поэта и могут характеризовать его авторскую манеру. Это такие приемы, как фразеологическая зевгма, антифразис, аллюзия, контаминация.

Байрон видит во фразеологии компактное, эластичное средство создания яркой пародии, сатиры, каламбура, шуток. Вот пример того, как ФЕ "a slip of the pen", положенная в основу зевгматической конструкции, служит средством передачи тонкого юмора автора:

Where frequent beauties strike the reader's view,
We must not quarrel for a blot or two;
But pardon equally to books or men,
The slips of human nature and the pen.

(Hints from Horace)

Обобщая вышеизложенное, мы можем утверждать, что в сатирах Байрон обнаруживает мастерское владение фразеологией. Сам факт обращения к разговорной фразеологии, равно как и творческое ее применение, свидетельствуют об отходе Байрона от классицистических канонов. С особой силой это ощущается в литературной эклоге "Синие чулки" (1822), направленной, как это явствует из заглавия, против так называемых ученых дам. Автор высмеивает их лжеученость и ханжество. Остро сатирический, язвительный тон эклоги живо перекликается с некоторыми строфами "Дон Жуана", также разоблачающими мнимую ученость дам высшего света¹.

ФЕ blue stocking повторяется в эклоге 7 раз, автор трижды зводит ее в текст в форме собирательного имени существительного — the Blues, что влечет за собой расширение семантического плана ФЕ, это уже не одна дама — синий чулок, а в некотором роде социальное явление, с которым не следует шутиться.

К сатирам Байрон непосредственно примыкает его шутивая поэма "Бенно" (1817), написанная в подражание итальянским образцам XV—XVI века и не соблюдающая правил жанра ни классицистической, ни романтической поэмы.

Шутивому разговорному тону поэмы как нельзя более созвучна живая образная фразеология, которая является одной из ведущих средств создания художественной образности поэмы. Количество употреблений фразеологизмов на 100 строк составляет 5 ФЕ. Фразеология этой поэмы поражает читателя своим сугубо будничным звучанием: здесь и чисто разговорные формулы — to care a pin, to have half a mind, and all that, for all that, how come, Did I ever? No, I never, by the way, etc., и восклицания — God knows, Bless me, и проклятья — the devil take it. Такой отбор фразеологических средств способствует общему шутивно-разговорному тону поэмы.

¹ См., "Дон Жуан" IV—XVIII, IV—CX, XI — I, LI.

Ни в одном из произведений Байрона употребление фразеологии не представляется столь ярким, самобытным и неожиданным, как в "Дон Жуане". Фразеологический словарь "Дон Жуана" насчитывает 515 употреблений, из них 280 usualных и 135 occasionalных, в среднем 3 ФЕ на 100 строк. Богатство фразеологии в "Дон Жуане", ее значимость в художественном строе поэмы, а также новаторство ее применения не могло не обратить на себя внимания исследователей творчества Байрона.

Н.Я.Дьяконова, например, пишет о поэме "Дон Жуан": "Одним из стилистических нововведений Байрона является широкое использование в поэтическом языке более или менее устойчивых фразеологических сочетаний просторечия, для того, чтобы их задорно-непринужденный, бытово-, реалистический характер послужил отрезвляющим контрастом к господствующей системе фальшивых претензий" [З., с.124].

Стремление сблизить поэтическую речь с разговорной, сделать ее общелитературной и понятной выражается, в частности, во введении в поэтический текст столь обычных идиом, как: a devil of a , heads or tails, in a crack, neck or nothing, odds and ends, to play the devil, to play the fool, to save one's skin, storils of a cock and bull, to vault up shop ,

восклицаний: by God, for God's sake, Heaven knows, вульгарных проклятий: Damn yourself, Go to the devil, а также образных народных выражений и поговорок, таких, как: to cry out before one is hurt, not worth a potatoe, as mad as a Mar a hart, used to anything like an bel to skinning, pigs can see the wind и многих других.

Употребление разговорной, или даже бранной фразеологии соседствует у Байрона с литературными фразеологическими оборотами и выражениями. К последним относятся прежде всего фразеологизмы, восходящие к Древнему миру, его истории, обычаям и мифам, мудрости его мужей (Attic, salt, to do in Rome as Romans do, Gordian knot, Homer sometimes sleeps, to pass the Rubicon, Prometheus fire,

Sisyphian labour) ; библеизмы (to cast pearls before swine, it is easier for a camel to pass through the eye of a needle than ..., Jacob's ladder, the land flowing with milk and honey, Noah's Ark, olive branch); и шекспиризмы (every inch , the time is out of joint, the milk of human kindness, sweets to the sweet).

Следует заметить, что несмотря на свою литературность, они редко употребляются в тексте в качестве средств, придающих возвышенность и строгость поэтическому слогу. Напротив, автор часто прибегает к идиoms для передачи юмора или сатиры. В этой связи любопытно проследить употребление одного и того же выражения в разных контекстах. В тексте поэмы античное изречение "Homer sometimes nods/sleeps" (всякий может ошибаться) появляется дважды.

We learn from Horace, "Homer sometimes sleeps"

We feel without him: Wordsworth sometimes wakes,
To show with what complacency he creeps,
With his dear "agonizers" around his lakes.

(Don Juan, III - XCVIII)

Стилистический прием буквализации, применяемый автором, способствует восприятию выражения как в прямом, так и в переносном смысле. Автор пародирует смысл идиомы и по форме и по содержанию посредством поэтического параллелизма. Сходство формы дает возможность остро ощутить семантическую противоположность высказываний. Искомный эффект - пародийный.

В другом примере автор также пользуется буквализацией, но стилистический эффект иной - легкая шутка.

Let this fifth canto meet with due applause,
The sixth shall have a touch of the sublime:
Meanwhile, as Homer sometimes sleeps, perhaps
You'll pardon to my muse a few short naps.

(Don Juan, V - CLIX)

Расширение стилистических возможностей фразеологизмов в тексте идет различными путями: это и использование семантической двуплановости идиом, имеющих прототипом свободное сочетание слов, и обыгрывание значения ее компонентов, и замена компонентов ФЕ, и вскрытие внутри фразеологизмов и многие другие. Каждый из этих приемов имеет свою семантико-стилистическую направленность. Среди разнообразных функций, выполняемых идиомами в тексте, выделяются сатирическая и юмористическая функции, что соответствует общему сатирическому духу поэмы.

Из стилистических приемов, служащих средством передачи сатиры и юмора посредством фразеологии, основными являются зевгма, контаминация, буквализация и замена компонента ФЕ. Механизм действия этих приемов различен, но есть в них и много общего. Все они отличаются лаконичностью, емкостью, способностью скупыми средствами обновить привычные формулы речи. Кроме того они построены на эффекте обманутого ожидания и поэтому особенно выделяются в тексте. Необычность, неожиданность сцеплений и распространений устойчивых сочетаний слов в тексте позволяет Байрону глубже проникнуть в структуру их значения, оттенить, усилить наиболее привычные или, напротив, сокровенные его стороны. Результатом подобных преобразований является мощное выдвижение в тексте привычных, порой мало заметных языковых средств.

Итак, даже исключительно на фразеологическом материале ярко прослеживается борьба двух тенденций, двух литературных школ — классицизма и романтизма — в творчестве Байрона. В ранних произведениях поэта, тяготеющих к классицизму, отсутствуют исполненные обыденности звучания разговорные фразеологизмы; со временем они живо вторгаются в его поэтическую речь, чтобы, тем не менее, существовать рядом с сугубо литературной фразеологией. Однако, в количественном отношении разговорная фразеология всегда превышает литературную, особенно в поэмах "Бельмо" и "Дон Хуан".

Несмотря на то, что общий фразеологический фонд Байрона насчитывает большое количество употреблений (1034 ФЕ), их использование не характеризует стиль всех произведений поэта в одинаковой мере. Более высоким жанрам, таким, как лирические стихи, оды, посвящения, строго романтические поэмы, употребление идиом не свойственно. Стилистая заданность этих жанров регламентирует употребление в них некоторых языковых средств.

По мере того, как количество употреблений фразеологизмов в произведениях Байрона увеличивается, возрастает их значимость в системе средств, создающих художественную образность поэтических произведений. Об этом можно судить, в частности, по тому, что стилистические приемы внесения фразеологизмов в речь становятся все более разнообразными, растет число окказионально преобразованных идиом. Многочисленные приемы преобразования ФЕ в тексте свидетельствуют о творческом отношении автора к средствам языка, являются проявлением характерного для Байрона аналитического отношения к слову. Таким образом, в поэтике автора фразеологизмы оказываются емким и точным средством передачи творческого замысла. Как разнообразие самих ФЕ, так и разнообразие их окказиональных преобразований, придают стилю Байрона яркую индивидуальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lord Macaulay. Lord Byron. Critical and Historical Essays. - London, 1877.
2. И.Е.Клименко. Байрон. Язык и стиль. - М., 1960.
3. Дьяконова Н.Я. Байрон в годы изгнания. - Л., 1974.

SUMMARY

N. Danchenko

THE USE OF PHRASEOLOGICAL UNITS (IDIOMS)
IN G.G. BYRON'S POETIC WORKS

The article treats of the problems of the use of idioms in G.G. Byron's poetic works. It brings out the idea, that the use of idioms is to a certain extent determined by the genre of the poetic work. At the same time it is obvious that the more Byron recedes from first the classicist tradition and then the romantic one, the more idioms appear in his poetic lines. Moreover, it is not only their number that matters, but also their significance against the background of other expressive means employed. We can safely assume, that the artistic use of idioms is one of the leading features of Byron's style.

В.И. Заботкина

НАРУШЕНИЕ РЕФЕРЕНТНОЙ ОТНОШЕННОСТИ В АКТЕ
ПОРОЖДЕНИЯ НОВОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА (ПРАГМА-
СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Анализ новых значений английских слов последних десятилетий показывает, что среди них преобладают метафорические образования. Что вполне естественно отражает изменения, происходящие в концептуальной картине мира и как следствие - в языковой картине мира. "Благодаря метафоре происходит концептуализация нового фрагмента действительности по аналогии с уже сложившейся системой понятий" [1, с.14]. Аналогии, основанные на ключевых

метафорах, позволяют применить знания и опыт, приобретенные в отдельной области, для решения проблем в другой области [2]. Таким образом, основное свойство метафоры, как известно, это аналогия. С другой стороны, в теории контрверсы метафора может рассматриваться как противоречие [3, с.361].

Действительно при образовании любого нового значения, в том числе и метафорического происходит нарушение референтной отнесенности слова, т.е. нарушаются семантические связи между словом и означаемым. Однако данный тип нарушений — это лишь одно звено в цепочке нарушений, имеющих место при образовании новых значений.

По мнению Э.Максормака, при метафоре имеет место такое соположение референтов, в результате которого возникает семантическая концептуальная аномалия [3., с.380]. Таким образом, метафора это не только семантический процесс, но и когнитивный¹. Соответственно при ее образовании происходит нарушения, по своей природе являющиеся когнитивными.

Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании [1, с.17]. Источник метафоры — сознательная ошибка в таксономии объектов. Метафора работает на категориальный сдвиг [5., с.74; [6, с.150]. Она основывается на категориальной ошибке [7., с.441]. Иными словами, метафора — это намеренная категориальная ошибка.

Наконец, при образовании метафоры не последнюю роль (если не первую) играют отношения между знаком и творящим его человеком, т.е. прагматические отношения.

¹ Ср. В этой связи мнение философов и ученых романтического склада, которые считали метафору единственным способом не только выражения мысли, но и самого мышления. Так, Ницше считал, что познание в принципе метафорично [4., с.396].

Прагматическое отклонение предполагает нарушение норм правильности, уместности употребления языковой единицы. В данной статье мы попытаемся проанализировать семантические и прагматические нарушения при образовании новых значений слов. Исходя из того, что центральным понятием прагматики является коммуникативно-прагматический контекст [8,9], необходимо кратко остановиться на этом понятии. Контекст является многомерным понятием и включает в себя говорящего, слушающего и ситуацию общения. Сть говорящий-слушающий включает сведения психологического, социолингвистического, этнографического и культуроведческого характера. Длнная ось может быть соотнесена с линией стратификационной дифференциации языка в модели У.Лабова [10]. Ось ситуации общения соотносится с ситуативной линией в модели социальной дифференциации языка. Сюда включаются такие параметры, как тональность ситуации, ее симметричность, асимметричность, размер, стиль, место, время, намерение автора.

Как известно, одной из задач прагматики является выяснение связей между характеристиками прагматического контекста и их отражением на уровне систем (в грамматике и словаре).

В значении слова выделяются прагматические компоненты, кодирующие определенные черты контекстов употребления слова, предписывающие ограничения на употребление данной языковой единицы в определенном типе ситуации общения.

Как указывалось в одной из наших работ [11], прагматические компоненты, кодирующие черты контекстов употребления слова и предписывающие ему ограничения на употребление, могут входить как в интенционал, так и в импликационал или эмоционал значения.

При этом нами высказывалось мнение о существовании зависимости между типом параметров прагматического контекста и типом прагматических компонентов, кодирующих эти параметры. Так, профессиональный параметр кодируется, как правило, прагматическими компонентами интенциона-

ла и эксплицитно вырежен в словарной дефиниции. Социальный, возрастной, этнический и половой параметры кодируются, как правило, в импликационале значения; намерение говорящего, тональность ситуации суждения, регистр, оценка - в эмоционале.

При образовании нового значения может произойти нарушение любого из параметров прагматического контекста и соответственно произойдут изменения в прагматическом потенциале как отдельного ЛСВ, так и всей лексемы в целом.

Так, при образовании новых метафорических ЛСВ слов fox, cookie, dish (an attractive girl or woman) произошло нарушение прагматического параметра пола. В исходных значениях данное слово было отмечено нулевой маркированностью по данному параметру, однако в результате употребления таких слов в мужской компании по отношению к женщине они развили новые значения, а затем закрепили в своей семантической структуре прагматический компонент, предписывающий их употребление рамками исключительно мужской компании. Как показывают тесты с носителями языка, многие женщины воспринимают эти слова как оскорбление.

Итак слово, имеющее нулевую прагматическую отмеченность (но ограничено ни по одному из указанных черт контекста) в результате развития нового ЛСВ приобретает прагматическую маркированность по одному из параметров. При этом общая тенденция, прослеживаемая в семантических инновациях последних десятилетий, заключается именно в движении слова от нейтральной отметки на шкале прагматического контекста (пространства) в сторону приобретения им прагматической отмеченности. Это, как правило, относится к жестким предметам типа ящик, стол, стул.

Такая тенденция языковой картины мира фиксирует процессы, происходящие в концептуальной картине мира, которая отражает дифференциацию современного англоязычного общества на различные субкультуры. Данные субкультуры используют стандартные слова обделитературного стиля для целей коммуникации внутри своей субкультуры.

Исходя из того, что нарушение может подвергнуться сразу несколько параметров контекста, оно может быть ограничено в употреблении сразу по нескольким показателям.

Так, при образовании указанных выше новых значений fox, dish, cookie произошло нарушение тональности ситуации общения (нейтральная → неформальная), а также параметры намерения говорящего (нейтральное - ироничное). При образовании новых значений слова box (а TV, а computer, а wireless) так же произошло нарушение параметра тональности ситуации общения (все три новых значения ограничены неформальным общением, когда участники коммуникации находятся в симметричных статусных отношениях). Так же, как и в предыдущем случае, произошло нарушение параметра намерения говорящего (данные единицы употребляются иронично). Плюс к этому произошло нарушение по территориальному параметру - первое значение употребляется только в британском варианте, вторые два - только в США. Соответственно, в структуре данных словозначений закрепляются прагматические компоненты, предписывающие данные ограничения.

Все рассмотренные нами примеры демонстрируют нарушения прагматической линии в триаде Морриса, т.е. линии "знак - использующий его человек". Каковы же нарушения, идущие по линии - "знак - означаемое"? Иными словами, каковы семантические нарушения, происходящие при образовании новых значений?

Прежде всего необходимо отметить, что любой тип семантических изменений (кроме явной метонимии и синекдохи) имеет метафорическую основу, т.е. аналогию и нарушение. Сужение и расширение значения (переход от рода к виду и от вида к роду) основывается на аналогии, на сходстве между представителями рода и вида. Иными словами, речь идет о скрытых, приглушенных метафорах. Однако разница заключается в том, что при явных метафорах происходит резкий скачок имени с одного денотата на другой.

При скрытых метафорах сужения и расширения "имя как бы плавно скользит на смысловом участке по поверхности

денотатов, образующих своего рода континуум близких, незначительно отличающихся референтов" [12, с. 15].

Аналогия, как основа метафоры может быть как денотативной, так и ассоциативной. В первом случае речь идет о визуальном сходстве, во втором - сходство имеет имплицитный, завуалированный характер. Значительную роль при этом играет импликационал исходного значения.

Метафор второго типа в языке появляется гораздо больше, чем первого. При этом механизм второго типа намного сложнее.

Все приведенные выше новые значения слова *box* (а *TV*, а *computer*, а *wireless*) появились в результате метафорического переноса на основе визуально воспринимаемого сходства по форме. Ср. исходное значение *box* - а *container of rectangular form*.

Однако при образовании нового ЛСВ *vegetable* (а *person who is like a vegetable, a lifeless inert creature*) в качестве базы для метафорического переноса выступает потенциальная сема "пассивность", которая в исходном значении (а *usually herbaceous plant that is cultivated for an edible part*) отсутствует, а имплицитно интенсифицируется. Происходит актуализация данной семы, которая в новом значении заменяет все дифференциальные семы исходного значения и становится доминантой всего значения. Происходит моносемизация значения.

Таким образом при образовании метафор второго типа к главному субъекту прилагается система ассоциируемых импликаций, связанных со вспомогательным субъектом. Эти импликации - общепринятые ассоциации, связанные в сознании говорящих со вспомогательным субъектом. Но в некоторых случаях это могут быть и нестандартные импликации, установленные автором *ad hoc* . [13, с.45].

С точки зрения компонентного анализа в основе всех традиционных семантических процессов, на наш взгляд, лежат три оси: 1) ось редуцирования (убавления) компонентов значения; 2) ось индуцирования (прибавления) компонентов; 3) ось субституции (замены) одних компонен-

тов на другие.

По линии убавления компонентов денотативного значения идет процесс расширения значения [ср.14]. Например, при образовании нового ЛОВ *charisma* (*strong personal appeal*) произошла потеря семы "отношения к религии" (ср. с исходным значением: *a gift bestowed by God on select individuals*). В результате содержание понятия обеднилось, но объем соответственно расширился, слово стало обозначать большее число референтов, его экстенционал расширился.

Аналогичный процесс произошел при образовании широко употребительного *guru*. Ср.: *guru* - *N pers* - *1a*: *a personal religious teacher and spiritual guide in Hinducism*. *N pers*² - *a leading figure in some field*.

По линии прибавления компонентов идет процесс сужения. Так, при образовании нового значения слова *don* (*a leader in the mafia*) к оригинальному значению (*a leader, a teacher, the master*) добавилась конкретизирующая сема "принадлежность к мафии".

Процессы явной метафоры идут по линии замены дифференциальных сем исходного значения, на дифференциальные семы нового значения на основе одной общей семы. При этом общая сема может входить в ядро значения и иметь ранг дифференциальной семы в случае визуальной метафоры, либо находиться в импликационале (в ранге потенциальной семы) в случае ассоциативной метафоры. При этом одновременно с изменением в денотативном значении происходят изменения в эмоционале, т.е. происходит становление прагматических компонентов, предписывающих ограничения по ситуативной линии, а именно измерение говорящего оценить.

Схема процессов изменения эмоционала (его оценочного компонента) строится по тому же принципу трех осей:

1) по линии прибавления идут процессы: а) мелiorации (в случае прибавления положительной оценки. Например, *gas* - *a great pleasure, a delight, fucky-appealing*); б) пейорации (в случае индуцирования отрицательной оценки, например, *указание выше don, vegetable, drag* /with boring/);

2) по линии убавления идет процесс нейтрализации (переход значения из оценочного в нейтральное); Black потеряло свою негативную окраску под влиянием лозунга "Black is beautiful";

3) по линии замены идет процесс эантиосемии (изменение знака на противоположный). Например, слово bad развило новое значение "good" (ограничено рамками afro-американского населения). Ср.: fulsome - значение "grossly excessive to good taste" заменено на flattering, complimentary.

В целом процесс пейорации более продуктивен по сравнению с мелиорацией в новой лексике современного английского языка.

Рассмотрим последовательно стадии изменения значения при метафорическом переносе с точки зрения компонентной (семной) структуры. Ср.: flivver - N obj - a small cheap usually old automobile. N pers. - a person who has a damaging or deleterious influence; a failure;

1) замена категориальной семы "неодушевленность" и архисемы "предмет" на категориальную сему "одушевленность" и архисему "человек";

2) редуцирование дифференциальных сем, отражающих видовые особенности старого автомобиля;

3) актуализация потенциальной семы исходного импликационала "поломки, неудачи", которая в новом значении приобретает статус дифференциальной семы и становится доминантой интенционала (моносемизация);

4) индуцирование отрицательной оценки.

Аналогичные изменения в компонентной структуре значения происходят при образовании нового ЛСВ:

cube - N obj. - the regular solid of six equal square sides.

N pers. - an extremely conventional or conservative person.

Актуализованные потенциальные семы "консерватизм", "примор-

линейность", "отсутствие гибкости" имплицитно выводятся из таких интенсиональных признаков исходного значения, как regular, equal, square.

Одним из наиболее типичных метафорических переносов, демонстрирующих категориальную ошибку, является образование имен лица от имен животных. Новые ЛСВ могут оценивать лицо по характеру:

cow - N zoo - female of any bovine animal esp. of the domestic species.

... pers - an objectionable person.

Часто новые значения данного типа квалифицируют лицо по умственным способностям за счет актуализации одной из ассоциаций, связанных с этим животным. Так, новый ЛСВ слова goat образуется на основе ассоциативного представления о козле как о глупом, тупом животном.

Ср.: cluck - N zoo - 2: a broody fowl

N pers - a dull or unintelligent person, a fool.

Обращает на себя внимание тот факт, что новые, прагматически отмеченные ЛСВ могут развиваться в семантической структуре слов, уже имеющих оценочно-характеризующее значение лица, зафиксированное в основном корпусе словаря. Речь идет о словах с богатым импликационалом. Например: dog - N zoo - - I : quadruped of many breeds wild and domesticated имеет богатое ассоциативное поле, включающее в себя различные импликационные признаки (преданность, верность, принадлежность, услужливость, ничтожность, угрюмый характер и т.д. [15]). Существующий в языке оценочный ЛСВ dog (N pers - a worthless or surly person) явился результатом актуализации потенциальной семы "ничтожность". Новый же прагматически отмеченный ЛСВ (a traitor, a betrayer) является результатом актуализации потенциальной семы "выселективанность".

Очевидно, подожная "засоподисемия" объясняется богатством импликационала значения отмеченных слов из ЛСВ имен животных. Это позволяет сделать предположение о том, что слова данной группы будут продолжать развивать новые

прагматически отмеченные ЛСВ и каждый раз это будет результат актуализации одного из множества импликационных признаков значения.

Образовавшиеся вновь ЛСВ помимо прагматического кода в эмоционале (намерение оценить положительно или отрицательно) начинают обрстать прагматическими компонентами нового импликационала. Так, импликационал нового ЛСВ слова *dog* предписывает его употребление в среде преступного мира.

Особого внимания с прагматической точки зрения заслуживает подгруппа бранных слов, в них оценка входит не в эмоционал, а в интенционал значения, то есть составляет ядро всего значения.

Ср.: *get* - N zoo - the entire progeny of a male animal; offspring.

N pers - Sl. - a bastard, hence as a general term of abuse; a fool, idiot

pig - N zoo - swine, hog

N pers - a hostile or insulting epithet for a policeman.

В интенционале новых ЛСВ кодируется намерение говорящего оскорбить. В импликационалах новых ЛСВ индуцируются прагматические компоненты, ограничивающие их употребление по линии стратификационной вариативности рамками средних и нижестоящих слоев населения. Последний пример крме этого ограничен в употреблении рамками молодежной среды и преступных элементов.

Таким образом стачвление прагматического значения идет преимущественно по линии метафорического переноса за счет актуализации имплицитных компонентов. Образование прагматически отмеченного типа значения у имен лица за счет метонимического переноса менее характерно. И это не случайно. Как известно, для метонимии более характерно тяготение к индикативной функции, нежели к функции предикации [16]. В метафоре всегда возможен гипотетический домысел и прерадирует субъективное начало (чем объясняется ее широкое использование в квалификационно-оценочной

деятельности сознания). Это объясняется тем, что метафора, как правило, апеллирует к интуиции и тем самым оставляет адресату возможность творческой интерпретации (разумеется, возможности по-разному интерпретировать метафору не беспредельны, их лимитирует денотат определяем го имени [17]). В метонимии же, как правило, смежными являются реальные свойства того, что уже обозначено, и нового обозначаемого.

Как показал анализ, основная метонимическая цель образования прагматически отмеченного типа значения имен лица - это "действие - человек, осуществляющий это действие". Эта модель может видоизменяться и преломляться. Так, новый ЛСВ уауи образован по смежной связи "действие - человек, вызывающий это действие".

уауи - N abstr - L: a deep usually involuntary intake of breath through the wide open mouth.

N pers: a tiresome person, a bore.

giggle - N abstr - laugh in a silly manner

N pers - an amusing person.

Семантические процессы, происходящие в структуре значения, заключаются в следующем: замена классемы "неодушевленность" и архисемы "отвлеченное понятие" ("действие") на классему "одушевленность". Далее происходит актуализация в интенционале потенциальной семы "человек" (действие имплицитно подразумевает существование лица, осуществляющего это действие), которая приобретает статус архисемы нового ЛСВ. Затем происходит индуцирование оценочного компонента, который кодирует в эмоционале значение говорящего оценить. Почти все новые прагматически отмеченные ЛСВ имеют в импликационале прагматический компонент, предписывающий их употребление в неформальных ситуациях.

Итак, можно говорить о том, что каждый новый ЛСВ слова имеет свой прагматический потенциал, предписывающий ему адекватное употребление в различных ситуациях общения. При этом определенные типы прагматически отме-

ченных ЛСВ отличаются общностью прагматических компонентов интенционала эмоционала, импликационала, кодирующих такие параметры ситуации общения, как намерение говорящего (в частности и дать оценку), тональность ситуации (в частности неформальную). Появление нового ЛСВ в семантической структуре слова меняет (расширяет) прагматический потенциал всей лексемы.

Что же первично при образовании новых значений - семантические нарушения или прагматические?

Очевидно, первый толчок к изменению значения происходит от отклонения в традиционном употреблении слова. Затем, в результате повторного употребления в слове появляются варианты¹ нового значения, которые затем оформляются в самостоятельное отдельное значение (ЛСВ). С другой стороны, изменения, происходящие в семантике как отдельного ЛСВ, так и всей лексемы в целом, влекут за собой изменения в прагматическом потенциале. Соответственно в структуре словозначения происходит перераспределение старых прагматических компонентов и появление новых.

Таким образом в процессе образования новых значений происходит сложное неординарное взаимодействие семантики и прагматики, идущее по линии аналогии, с одной стороны, и по линии нарушений и отклонений, - с другой. Нарушение параметров прагматического контекста в результате употребления слова в нетипичной ситуации ведет к нарушению референтной определенности слова через категориальное отклонение. Идет перестройка значения слова по линии собственно семантики (перераспределение сем, ориентированных на концепт), так и по линии прагмасемантики (перераспределение старых и появление новых сем, ориентированных на употребление).

¹ Идея существования вариантов значений принадлежит Пельвиной Н.Ф. [12] .

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. - М., 1990. - С.5-32.
2. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XXIII. - С.291-292.
3. Мак Корман Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. - М., 1990. - С.358-386.
4. Ницше Ф. Об истине и лжи во внеэтическом смысле (1873) // Ницше Ф. Пслн. собр. соч. - М., 1912. - Т.1. Цит. по работе Н.Д.Арутюновой. Метафора и дискурс // Теория метафоры. - М., 1990. - С.12.
5. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Теория метафоры. - С.68-81.
6. Ricoeur P. The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Feeling // Critical Inquiry. - 1978. - Vol.5. - N 1. - P. 143-159.
7. Рикор П. Живая метафора // Теория метафоры. - С.435-456.
8. Dijk T. Van. Text and Context: exploration in the semantics and pragmatics of discourse. - London; N.Y., 1980.
9. Sison T. Mind, code and context. Essays in Pragmatics. - New Jersey; London, 1983.
10. Labov W. The Social Stratification of English in New York City. - Washington, 1966.
11. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. - М., 1989.
12. Пелевина Н.Ф. Теория значения и опыт построения семантических полей цвета и света: Автореф. дис. - д-ра филол. наук. - Л., 1969.
13. Black M. Models and Metaphor. Studies in Language and Philosophy. - Ithaca; London: Cornell University Press, 1962.
14. Nida E.A. Componential analysis of meaning. - N.Y., 1975.

15. Никитин М.В. Семантика метафоры // Вопросы языковедения. - 1979. - № 1. - С.91-102.
16. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. - М., 1977. - С.129-222.
17. Артюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер.лит. и яз. - 1978. - Т.87. - № 4. - С.333-348.

SUMMARY

V. Zabotkina

The referential breach in the act of a new meaning's birth (pragma-semantic approach)

The paper concentrates on the problem of semantic and pragmatic breaches involved in the process of birth of a new meaning of a word. The paper's main interest lies in the investigation of the question of how the breaking of pragmatic norms causes the changes of the relations between the sign and its referent. The author concerns herself mostly with the mechanism of formation of pragmatic components in word's meaning.

Д.А.Ильинская

РЕФЕРЕНЦИЯ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПОНЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НА ЭВМ

Метод моделирования использовался в лингвистике задолго до появления вычислительных машин. Известно, что естественные языки обладают необыкновенно разнообразными и гибкими грамматическими, синтаксическими и лексическими системами. Для их изучения и описания создавалось множество моделей на разных уровнях, начиная от моделей для

анализа синтаксически и семантически связанных компонентов, описания закономерностей построения разных типов предложения и понимания информации, выраженной имплицитно, до моделей формирования концепта текста. С целью выявления типологического сходства и установления лингвистических универсалий создавались различные классификации. Например, с точки зрения структурных отношений между словами в различных семантических областях существуют следующие классификации:

- по функциональным стилям, - регистрам,
- группам, - терминологиям, - полям,
- системам и т.д. Независимо от некоторых различий

в терминологии, теоретических основах и методах исследования, главной целью создания таких моделей является установление связей между различными семантическими группами для описания всего языка как системы, все элементы которой находятся в тесной взаимозависимости и взаимообусловленности.

Помимо моделей для описания естественного языка как системы в период, предшествующий применению компьютеров в процессе обучения, создавались имитационные модели для начального программированного обучения, которые использовались преимущественно для изучения грамматики, а также для проведения разного рода тестирования, начиная от тестов для определения начального уровня обучаемых, до осуществления контроля по усвоению учебного материала [1] .

Развитие вычислительных машин и моделирование речевых механизмов в процессе написания лингвистических программ, как составной части проблемы создания искусственного интеллекта, изменили характер моделей. С одной стороны, в лингвистических моделях для ЭВМ наблюдается тенденция к еще большей формализации [2] всего, что может быть формализовано в естественном языке, а с другой, - предпринимаются попытки преодоления всевозможных ограничений (особенно в области семантики), обусловленных как несовершенством компьютерных систем, так и сложностью самого объекта моделирования - естественного языка. Дру-

гими словами, на данном этапе сложность моделирования интеллектуальных процессов определяется как структурным несоответствием семиотических систем естественного языка и формального математического языка, присущего ЭВМ, так и тем, что далеко не все в языке подлежит формализации, и трудности возникают уже на уровне моделирования лексического значения слов [3].

Данная работа посвящена рассмотрению одной из наиболее важных проблем, связанных с построением моделей речевой деятельности на ЭВМ, — проблеме референции как характерной особенности таких моделей на разных уровнях, а также установлению сходства и различия в употреблении термина "референция" в рамках традиционной и компьютерной лингвистики.

В современной лингвистике лексическое значение принято понимать как сложную структуру, состоящую из иерархически связанных между собой таких компонентов, как семаантика — информация об обозначаемых словом предметах или явлениях; прагматика — информация об условиях коммуникации; синтактика — информация о правилах употребления знака.

Определение лексического значения как сложной многоуровневой структуры, также как и термины "денотат" и "сигнификат", которые в теории языка трактуются соответственно как "предмет имени", "вещь", т.е. предмет действительности и "концепт", "понятие", были заимствованы из математической логики, но в лингвистике однозначного понимания и толкования не получили, что и объясняет отсутствие единой точки зрения на структуру лексического значения и большое количество разных терминов для обозначения ее компонентов. Так, четкие противопоставленным у А.Черча терминам "денотат" и "сигнификат", у Р.Карнапа соответствуют термины "экстенционал" и "интенционал", а у Куайна — "референция" и "значение". Основные разногласия возникают при толковании термина "денотат". Денотат понимается либо как класс предметов, обладающих совокупностью признаков [4], либо как признак или совокупность

признаков определенного класса [5], либо как определенное представление о классе предметов [6].

В лингвистической литературе термины "денотат" и "референт" (и производные от них: "денотативное значение", "денотативный статус" или "типы референции", "референция", "референтная недостаточность") часто используются как синонимы, обозначающие значение слова с точки зрения его соотношенности с действительностью.

Иначе обстоит дело в литературе по проблемам искусственного интеллекта и создания искусственных систем общения (ИС). У большинства авторов термины "денотат" и "референт" синонимичны, если употребляются для анализа и традиционного описания моделей на лексическом уровне при составлении машинных терминологических словарей и простейших обучающих программы. На этом уровне, т.е. на уровне семантики, "денотативное" или "референтное" значение слова рассматривается как характерная особенность представления лексического значения в лингвистических моделях на ЭВМ.

Создание лингвистических моделей на ЭВМ обусловлено возникновением новых видов деятельности, связанных со сбором, хранением, систематизацией, распространением, интерпретацией и обработкой информации. Как основные направления в этой области можно выделить:

- 1) разработку машинных словарей и справочников;
- 2) машинный перевод;
- 3) создание искусственного интеллекта; построение искусственных систем общения и обучающих программ. В каждом из этих направлений моделируются различные языковые процессы, т.е. создаются различные типы моделей. Именно принадлежностью к конкретному направлению определяется степень их сложности.

Рассмотрим несколько примеров. Следует отметить, что в данной работе все примеры связаны с созданием искусственных систем обучения иностранному языку, систем, в которых ЭВМ применяется одновременно для исследования условий порождения, понимания и восприятия текста с целью создания

оптимальных компьютерных моделей обучения.

Среди существующих на сегодняшний день программы можно назвать: generative, tutorial, look up, test, simulation, conversation, step-by-step, explanatory, text reconstruction, creative и т.д. Их свыше 100 типов, причем их функции не являются взаимисключающими. Большинство учебных программ, например, типа "tutorial", выполняют функции "дриллы", разбивая язык на маленькие фрагменты - отдельные грамматические или лексические модели на уровне лексических единиц вне контекста.

Отдельные лексические единицы употребляются и в программах типа "терминологический словарь", используемых при чтении технических текстов. Трудности, связанные с поисками способа представления в словаре единого референтного значения, хорошо известны. С.Маркус [9], например, дает своеобразную классификацию, включающую пятьдесят две оппозиции между общением в научном и поэтическом стиле: однозначность/многозначность; переводимость/непереводимость; отсутствие синонимов/множество синонимических средств; конкретность/абстрактность; логичность/нелогичность и т.д.

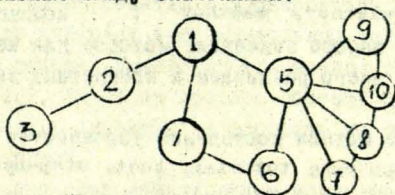
Еще сложнее составить программу на основе только референтных (денотативных) значений, например, по газетной лексике, которая в рамки терминологии не укладывается и содержит значительный слой общеупотребительных слов, характерной особенностью которых является многозначность. Такая лексика является как бы промежуточной между строго научной (терминологической) и поэтической (образной). Машинный вариант учебного словаря по газетной лексике в системе "Асолия" создавался по принципу терминологического словаря. Предпочтение отдавалось основному денотативному значению слова и учитывалась частотность, хотя частотная характеристика не всегда отражает важность слова для общения в данной предметной области.

Частотность учитывалась также при написании программы "Basic English". Известно, что одним из факторов, де-

лающих текст сложным для понимания, является полисемия, а вынужденное ограничение значений многозначных слов при включении их в машинный словарь из-за свойств самой машины затрудняют в некоторых случаях понимание текста еще больше. Например, слово - green - имеет много значений:

- 1) зеленый; 2) покрытый зеленью; 3) бледный;
- 4) сырой, сочный, влажный; 5) молодой;
- 6) полный сил; 7) неспелый, незрелый;
- 8) незрелый (переносный); 9) неопытный;
- 10) простодушный, доверчивый и т.д.

Для анализа многозначного слова можно представить семантическую структуру слова графически, фиксируя смысловые отношения между значениями:

Построение такого графа дает возможность рассмотреть семантическое пространство многозначного слова, определить наличие /отсутствие связей между его значениями и выбрать основные [7] .

В данном случае - это 1) зеленый и 5) молодой, юный, например, "The Green Years" by A.Cronin . В русском языке значение "зеленый" по отношению к "молодой" является переносным. В словарь газетной лексики было включено также выражение "the green party" . Это пример образования нового значения в контексте: "организация людей, которые занимаются экологией", а также "the Greens" - "защитники окружающей среды".

Установление ассоциативных связей как свойство психики человека, находит регулярное выражение в сочетаемости и фиксируется в системе языка в виде моделей смысловых связей между значениями. Например, слово light является противоположным по значению одновременно словам

dark и heavy, а в сочетаниях light music, light reading обучает дополнительные оценочные семы. В другом случае, tough wood (прочная древесина) противопоставляется сочетанию tough meat (жесткое мясо); тоже самое wild flowers (полевые цветы) и wild person (буйный человек) - т.е. в контексте расширяется область оценочной коннотации до диаметрально противоположной. Другой аспект трудности моделирования на ЭВМ может быть наглядно продемонстрирован на примере перевода вопроса Do you like a day like today? и по аналогии - слов close, to close; last, to last, если они употребляются в тексте без своеобразного отличительного индикатора, которым в данном случае является частица to, однако в таких вариантах как weak, week, meet, meat; whether, weather, компьютер не сделает ошибки в выборе значения, которое для него определяется прежде всего различием в конкретных знаках его выражения.

Лингвистические модели постепенно усложняются и трехмерные программы типа tutorial, test, step-by-step - сменяются программами коммуникативными. Именно в этом направлении ведется сейчас работа в области АОС (Автоматизированные обучающие системы): от жестких "accuracy centered programmes", где роли участников неизменны, однозначны и predetermined заранее, к гибким "fluency centered programmes", в которых ответы произвольны, непредсказуемы; зависят от инициативы участников процесса общения. Как правило, работает целая группа студентов, компьютер дает лишь инструкцию, информацию, а коммуникация происходит между студентами. Предлагаются следующие типы таких программ:

- 1) Моделирование (Ролевые игры);
- 2) Коммуникативные игры;
- 3) Программы создания текста и т.д.

Однако в создании таких моделей существует ряд ограничений. Использование естественного языка для взаимодействия с ЭВМ семантически и прагматически ограничивается проблемной областью, относительно которой ведется обще-

ние. Любая заданная ситуация (например, программа "Business Letter") предполагает наличие у участников общения конкретных знаний о данной предметной области. Языковым выражением этих знаний является присущая этой предметной области лексическая система - тезаурус, который должен храниться в памяти человека. При этом тезаурус понимается как система знаний и понятий с заданной в ней системой семантических отношений - семантическое пространство (СП). Это необходимое условие как для порождения, так и для восприятия и понимания новых текстов. Именно на основе личного тезауруса складывается представление о ситуации, происходит анализ ее компонентов, формирование представлений о них, т.е. формирование денотатов, и обобщение на уровне понятий - формирование десигнатов и концепта, что является предварительным условием процесса порождения текста. Именно от совпадения тезаурусов участников зависит, будет ли процесс общения иметь сложную, разветвленную структуру и состоять из обмена связанными высказываниями.

По мере совершенствования искусственных систем общения и усложнения лингвистических моделей, в литературе по проблемам искусственного интеллекта наблюдается достаточно выраженное разграничение в употреблении терминов "денотат" и "референт", которые можно представить как противопоставление словарных и текстовых характеристик лексических единиц. В более сложных компьютерных моделях "референциальными" называются аспекты семантики на уровне связанного текста, а не лексемы, потому что непосредственного соотношения языка с действительностью здесь не происходит.

Искусственные системы общения оперируют текстами либо в естественной языковой форме, либо в одной из новых форм представления знаний, присущих теории искусственного интеллекта, например, в форме фрейма, который определяется М.Минским как "особая структура данных для понятийного представления стереотипных ситуаций в рамках общего контекста знаний о мире" [8., с.29].

На этом уровне, на уровне сигматики, значение слов в лингвистических моделях раскрывается не языковыми средствами в традиционном смысле. В качестве языкового приема используется некоторая синтагматическая совокупность слов - знаков, воссоздающих определенную перечевую ситуацию. И "референтом" в таких моделях обозначается не предмет или явление, соотношенное с реальной действительностью, как в семантике, а языковая ситуация. Поскольку всякая ситуация, как и всякий предмет внешней действительности, обладает набором признаков, сходные ситуации группируются в классы, а класс однотипных ситуаций обозначается в сигматике денотатом. Референт, как представляющий одну ситуацию, таким образом, противопоставляется денотату как обозначение общего. Каждая ситуация или класс однотипных ситуаций ассоциируется с определенным фреймом и, конечно, фреймы влияют на варьирование значения одного и того же слова в разных контекстах его употребления: количество вариантов, особенно в области окказиональных смыслов, может быть бесконечным, т.е. повышение эффективности компьютерных моделей происходит на основе все более полного учета реальных свойств естественного языка.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. С появлением компьютерных лингвистических моделей меняется подход к понятию "естественный язык" как средству выражения мыслей. Если признать, что мышление человека основано на наличии в его памяти определенным образом представленного набора многочисленных ситуаций - фреймов, то процесс понимания слов, действий и осознание зрительных образов является как бы выбором из памяти соответствующего семантического фрейма.

2. Известные сегодня структуры представления знаний на БВМ именуемые фреймами, схемами, пакетами, сценариями - это лишь очередные этапы, поскольку все более сложные интеллектуальные модели процессов восприятия и формирования требуют поиска новых более сложных структур для

представления знаний.

3. Референция остается характерной особенностью компьютерных лингвистических моделей разного уровня сложности. Чем сложнее лингвистические модели, тем больше значений термина "референция" используется для анализа и описания многочисленных аспектов этих моделей или информационных тезисов, необходимых для воссоздания заданных ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Theoretical Problems of Language Testing // III Regional Seminar. - Tallin, 1988.
2. Беляева Л.Н. Применение ЭВМ в лингвистических исследованиях и лингводидактике. - Ленинград, 1986.
3. Попов Э.В. Общение с ЭВМ на естественном языке. - М., 1982.
4. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. - М., 1974.
5. Колманский Г.П. Лингво-гносеологические основы языковой номинации. - М., 1977.
6. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. - М., 1974.
7. Никитин М.В. Лексическое значение слова. - М., 1983.
8. Минский М. Фреймы для представления знаний. - М., 1979.
9. Marcus S. Fifty-two Oppositions Between Scientific and Poetic Communication // Pragmatic Aspects of Human Communication. - Dordrecht, 1974.

SUMMARY

L. Ilyinskaya

Referential Characteristics of the Components of Computer Linguistic Models

The present article concerns some aspects of the problem of artificial intelligence creation. The aim of the

article is to define the status of the notion "referential meaning" on the background of computer linguistic models of different levels and to describe characteristic peculiarities of its use in computer linguistics. The article also presents a number of trends and directions essential for modern computer - aided learning programmes applied to foreign language teaching.

И.В.Кевиша

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЗНАЧИМЫХ КАК УСЛОВИЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕЗАКОНЧЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Восприятие и понимание речевого сообщения адресатом речи (читающим) является сложным когнитивным процессом, который базируется на общих концептах, категориях, правилах и стратегиях коммуникации.

Как отмечает Э.И.Клычникова, "понять текст - значит сделать его содержание своим достоянием, познать мысли, чувства и волю автора, сделать для себя выводы и поступать соответственно им" [1., с.126].

При интерпретации художественного текста читающий, очевидно, получает необходимые знания преимущественно по двум каналам. В первую очередь, это - информация, заложенная в тексте, и, во-вторых, знания, содержащиеся в памяти читающего. Следовательно, как по этому поводу пишет Т. ван Дейк и В.Кинч, "процесс понимания предполагает не только обработку и интерпретацию воспринимаемых данных, но и активацию внутренней, когнитивной информации" [2., с.158].

Принципиально важным является то, что знания, которые использует адресат коммуникации, не являются аморфными. Они организованы в определенные концептуальные схемы, которые можно описать в терминах фреймов. Как предполагает Ч.Филлмор, понятие "фрейм интерпретации" лежит

в основе семантики понимания [3., с.58]. Сам термин "фрейм" сравнительно недавно ввел в научный обиход М. Минский. Он определяет понятие фрейма следующим образом: "Человек, пытаясь познать новую для себя информацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), названный нами фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов. Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации" [4., с.7].

Ч. Филлмор, которому принадлежат значительные заслуги в разработке лингвистического аспекта теории фреймов, определяет их как "особые унифицированные конструкции знания или связанные схематизации опыта", которые составляют необходимые предварительные условия нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов [3., с.54].

Т. ван Дейк в свою очередь подчеркивает, что "фреймы не являются произвольно выделенными "кусками" знания. Во-первых, они являются единицами, организованными "вокруг" некоторого концепта. Но и в противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Кроме того, фреймы имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому могут определять и описать то, что в данном обществе является "характерным или типичным" [5., с.16].

Фреймы интерпретации вводятся в процесс понимания текста вследствие их активации интерпретатором или самим текстом. "Фрейм активируется, когда интерпретатор, пытаясь выявить смысл фрагмента текста, оказывается в состоянии приписать ему интерпретацию, поместив содержание этого фрагмента в модель, которая известна независимо от текста. Фрейм активируется текстом, если некоторая языковая форма или модель обычно ассоциируется с рассматриваемым фреймом" [3., с. 65].

По мнению Т.Хофманна "фреймы активируются лишь при возникших затруднениях в понимании высказывания" [6., с.20]. Это положение является принципиально важным для настоящей работы, ибо интерпретация незаконченных высказываний в тексте неизбежно представляет для читающего проблемную задачу и создает преодоленные трудности для успешного осуществления заключительной фазы коммуникации. Представляется, что наличие унифицированных концептуальных структур знаний в памяти читающего может быть эффективным механизмом, обеспечивающим восстановление смыслового пропуска, который образовался вследствие обрыва развертывания речевой цели.

Необходимо отметить, что незаконченные высказывания представляют собой речевые образования, в которых опущенными оказались полнозначные, в смысловом отношении необходимые компоненты высказывания. Поэтому эксплицитная информация, как правило, не является достаточной для понимания смысла высказывания. Возможность восстановления опущенной информации, прежде всего, связана с возможностью моделирования семантико-синтаксической структуры соответствующего высказывания. Проблема построения такой модели, в свою очередь, содержится в выявлении структуры типовой ситуации, отражаемой данным высказыванием. Вслед за В.Б.Касевичем мы считаем, что понятие ситуации, которое интересует нас в данном случае, — это сигнификативная ситуация, т.е. содержание высказывания, которое выделяет некоторый единичный "кадр" описываемой реальности, семантическое соответствие денотативной ситуации [7., с. 57]. Как полагает В.Г.Гак, ситуация образуется в результате координации материальных объектов в пространстве и времени [8., с. 358]. Поэтому внутренняя форма высказывания отражает:

- 1) отбор обозначаемых элементов ситуации,
- 2) способ обозначения этих элементов,
- 3) тип устанавливаемых отношений между ними.

Когнитивные структуры — фреймы воспроизводят структуры типовых ситуаций отражаемой действительности в виде

иерархической концептуальной схемы. М. Минский подчеркивает, что верхние уровни фрейма четко определены, поскольку образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации. В нашей модели узел самого верхнего уровня — название ситуации. Вершины более низких уровней — "терминалы" заполняются данными, представляющими компоненты данной ситуации, которые включают:

- 1) актанты ситуации,
- 2) отношения актантов ситуации,
- 3) значимые атрибуты ситуации (локализация в пространстве и времени).

Такая модель, образуемая на концептуальном уровне, представляет собой обобщение окружения опущенного сегмента незаконченного высказывания, его типовой контекст. Это инвариантная семантическая структура, актуализируемая множеством слов, заполняющих ее позиции. При восприятии незаконченных высказываний читающими такая концептуальная схема формирует категориальную базу для их интерпретации. Знание внутренней структуры фрейма позволяет интерпретатору восстановить смысл эксплицитно не выраженных элементов.

С точки зрения семантики структура ситуации, представленной в высказывании, выражается в отношениях предиката и его аргументов [7; 9; 10]. При этом предикат выражает характер ситуации и имплицитно ее участников, в то время как аргументы характеризуют роль участников (актантов) ситуации. Рассмотрим роль концептуальной схемы ситуации, отражаемой незаконченным высказыванием, в восстановлении смыслового пропуса на следующем примере:

'Oh, ' I said, 'perhaps I could lend you...' [12..с.74].

В приведенном примере предикат, семантика которого выражена глаголом "lend", моделирует ситуацию направленного действия, которую можно обозначить как "передачу предмета владения". Предикат также имплицитно подразумевает следующих актантов ситуации:

- 1) агентив - лицо, передающее предмет владения;
- 2) бенефициатив - лицо, получающее передаваемый предмет;
- 3) объект - передаваемый предмет владения.

В данном случае два участника ситуации - агентив и бенефициатив получили конкретное лексическое выражение, соответственно местоимением "I" и "you". Следовательно, на основании проанализированной структуры ситуации мы можем восстановить концептуальное значение опущенного компонента высказывания - это "передаваемый предмет".

Необходимо отметить, что эксплицитно представленная часть высказывания может оказаться недостаточной для моделирования концептуальной структуры ситуации. Прежде всего это происходит при полном или частичном отсутствии предиката, ибо в данном случае невозможно определить тип ситуации и выявить набор ее участников. Например:

1. 'Jeff, I -'

But he was gone. [I3., с. 339] .

2. 'I wasn't -'

[I3., с. 37] .

Во всех приведенных примерах отсутствует глагол, выражающий семантику предиката, на основании которого можно было бы установить характер обозначаемой высказыванием ситуации. Поэтому читающий не может активировать в своей памяти соответствующий фрейм интерпретации. Следовательно, восстановление смысла пропуска и интерпретация высказывания в данном случае невозможны без выхода в более широкий контекст.

Недостаточность эксплицитной части высказывания для моделирования его содержательной структуры наблюдается также при неполном выражении так называемых "конструкции с предикатными актантами" [II] .

Как полагает В.Г.Гак [II., с.18], особенностью конструкции с предикатными актантами является несозпадение семантического и структурного планов. "Основная семантика предиката выражена в зависимом глаголе, тогда как главный глагол выражает дополнительные предикатные значения грам-

матизованного характера (модальные, темпоральные, фазисные, залоговые)". Поэтому при отсутствии вербально выраженного зависимого глагола активация фрейма интерпретации незаконченного высказывания также невозможна лишь на основании его вербально выраженной части:

'I recall him well, ' said Mrs Pettigrew, 'when his wife was alive, Lisa used to-' [14., с.106].

Решение проблемы может быть найдено путем выхода интерпретатора за пределы незаконченного высказывания и поиска его связей в более широком контексте. Здесь нас интересуют ситуация, которая моделируется на основе определенного текстового фрагмента, в пределах которого реализуются текстовые связи пропуска. Очевидно, что такая модель имеет более сложный характер. Т. ван Дейк в этой связи подчеркивает, что отличие схемы от действительного представления конкретного текста заключается в том, что схема модели может содержать в своих терминалах значительный объем информации, которая не выражается и не должна выражаться в предложениях или тексте.

Рассмотрим возможности интерпретации незаконченного высказывания на основе моделирования концептуальной структуры ситуации, отраженной в следующем текстовом фрагменте:

'Matt O'Brien in Folkestone. He thought he was God. He died in his sleep. He has left a fortune, but never knew about it. Lisa's money of course. No relatives.'

'Will Guy Leet -?'

'No. Guy has no claim.' [14., с.218]

Интерпретация незаконченного высказывания 'Will Guy Leet -?' в приведенном примере возможна путем активации в памяти читающего концептуальной схемы сигнификативной ситуации, описанной в данном текстовом фрагменте. Это - институциональная правовая ситуация, значение которой может быть определено как "наследование имущества". Концеп-

тувальная схема этой ситуации предполагает наличие следующих актантов:

- 1) наследователь - лицо, которое умерло и оставило имущество, подлежащее наследованию;
- 2) объект наследования - имущество, которое может быть наследовано;
- 3) наследник - лицо, имеющее по закону право наследования.

В приведенном примере как имя наследователя 'Matt O'Brien', так и состояние его смерти 'died in his sleep' эксплицитно представлены в тексте. Объект наследования также вербально выражен существительными 'fortune', 'money'. Отсутствие родственников наследователя 'No relatives' предполагает, что в данном случае на право наследства может претендовать какое-то другое лицо 'Guy Leet'. Таким образом, активация схемы типовой ситуации наследования позволяет читающему определить концептуальное значение незаконченного высказывания как "претендование на наследство", где эксплицитно выражен только один компонент - лицо, претендующее на наследство - Guy Leet. Концептуальное значение опущенной части высказывания, обеспечивающее его содержательную интерпретацию, выводится, как уже отмечалось, из концептуальной структуры сигнификативной ситуации.

Таким образом, понимание речевого сообщения читающим при наличии смысловых лакун, которые образуются в незаконченных высказываниях, определяется способностью интерпретатора активировать концептуальные структуры знаний, которые содержат иерархически организованную информацию, отражающую типовые ситуации реальной действительности. Выявление концептуального значения опущенных компонентов высказывания на основе такой схемы создает категориальную базу для содержательной интерпретации высказывания. Дальнейшая актуализация пропуска, его восстановление на поверхностном уровне, определяется наличием повторяющихся эксплицитных элементов, дублирующих признаки значения опущенных элементов в тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клычникова Э.М. Психологические особенности обучения чтению на иностранных языках. - М., 1983.
2. Дейк Т.А. ван и Кинч В. Стратегии понимания связного текста //Новое в зарубежной лингвистике.- М., 1988. - Вып. XXIII. - С. 158-212.
3. Филдмор Ч. Фреймы и семантика понимания //Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1988. - Вып. XXIII. - С.52-93.
4. Мигекий М. Фреймы для представления знаний. - М., 1981.
5. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. - М., 1989.
6. Петров В.В. и др. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. - М., 1987.
7. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. - М., 1988.
8. Гак В.Г. Высказывание и ситуация//Вопросы структурной лингвистики 1972. - М., 1973. - С. 349-372.
9. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. - М., 1986.
10. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. - Л., 1977.
11. Типология конструкций с предикатными актантами. - М., 1985.
12. Drabble M. The Millstone. - London, 1982.
13. Sheldon S. If Tomorrow Comes....- London, 1985.
14. Spark M. Memento Mori.- Penguin Books, 1979.

SUMMARY

I. Kevisha

Conceptual Structure of the Knowledge as the Basis of the Interpretation of Unfinished Utterances

The perception and understanding of unfinished utterances in the text creates additional difficulties to

the interpreter (reader) as a certain amount of information relevant for decoding the meaning of the utterance is suspended.

The ability of the interpreter to understand the message is essentially dependent on retrieving stored information from memory and relating it to the encountered unfinished utterance.

If the explicit part of the utterance doesn't permit the reader to reconstruct the situation, e.g. if the predicate is not verbally expressed, he should go beyond the unfinished utterance and try to construct a framework of a situation represented by the context.

Т.М.Кругликова

СПЕЦИФИКА РЕФЕРЕНТНОЙ ОТНЕСЕННОСТИ СЛОВА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ТЕКСТЕ

Тексты древнеанглийского периода обладали рядом специфических черт, отличающих их от текстов более поздних или современных. Одной из проблем, встающих перед исследователем, является проблема авторства. Понятие авторства в древних памятниках достаточно противоречиво, существенно отличается от современного и варьируется в пределах между собственно создателем произведения и переписчиком произведений безымянного народно-поэтического творчества. Древние произведения не знали авторского права, они постоянно изменялись в процессе "коллективного" творчества. Большая часть древних памятников доходит до нас не в подлинниках, а в более поздних вариантах, составленных переписчиками, которые приносили от себя в тексты те или иные исправления, а иногда и искажения. Это могло быть обусловлено тем, что переписчик неизбежно воспринимал текст через призму своей культуры, вследствие чего, как правило, возникает непонимание культурного текста

и, как следствие, его искажение.

Еще одной специфической особенностью древнеанглийских текстов является, в большинстве случаев, их клерикальный характер. Христианизация языческих германских племен приводит к новому восприятию окружающей действительности, что непременно отражается в письменных памятниках. Множество проповеднических и религиозно-дидактических слов, употребляемых в древнеанглийских памятниках, были полифункциональными и не всегда имели латинское происхождение. Очень часто бытовые широкоупотребляемые слова использовались в новом значении, что не способствовало референтной определенности слова. Кроме того, именно лексика тесно и органически связана с историей, культурой, мировоззрением, а значение слова — есть продукт истории и видоизменяется по мере изменения общественных отношений. "Язык, — по выражению Б.Ф. Поршнева, — является поистине копилкой исторического опыта народов в гораздо большей степени, чем любая другая сфера культуры" [1] .

Референтная неопределенность древнеанглийского слова обусловлена, в некоторых случаях, для современного реципиента древнего текста подменой значения слова, присущего ему в определенный исторический период, его этимологическим значением, что также приводит к искажению реального содержания исторических отношений, обозначаемых словом.

В англо-саксонский период у германских племен существовало два мировоззрения: языческо-придворное и религиозно-христианское, которые объединились довольно рано и слились в одну культуру. "На старые языческие верования напластовываются христианские представления" [2] . Особое восприятие мира людьми древнего периода находит отражение в неточном употреблении слов, то есть в референтной неопределенности слова. Так, такие понятия, как "воздух, ветер, погода" передавались одним англо-саксонским словом *weard* .

Язык конкретного общества является составной частью его культуры, а лексические разграничения, производимые

каждым языком, обычно отражают важные с точки зрения этой культуры свойства объектов. Однако современному исследователю не всегда удается усмотреть логику и систему в словах и значениях далекого прошлого.

Еще одной проблемой референтной определенности/неопределенности древнеанглийского слова является тот факт, что для многих англо-саксонских слов, как и для слов других древних языков, характерна соотношенность с понятием довольно широкого объема. Широкозначность не следует смешивать с полисемией, которая складывается в результате метафорических или метонимических переносов. Широкозначность или эврисимия — это результат ослабления денотативной ограниченности слова [3]. Каждая цивилизация, каждая социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира, и этот способ восприятия закрепляется в языке. Широта значения многих древних слов обусловлена невысоким уровнем абстракции, когда в процессе познания действительности происходит выделение отдельных ее сторон. Сложность анализа значения слова мертвого языка состоит в том, что только его употребление в памятниках дошедших до нас дает представление о его смысловом наполнении. Само значение древнего слова выводится из суммирования его содержательных контекстов. Одновременно смысл контекста конструируется через значения входящих в него слов. Под контекстом понимается минимальное лексическое окружение слова, необходимое и достаточное для нахождения его значения и его референтной определенности.

Связь значения древнеанглийского слова с контекстом и способ выявления его референта можно проследить на примере существительного *land*, значение которого можно определить в самом широком смысле как "земля" и которое при конкретном употреблении приобретает референтную определенность и может обозначать ту или иную часть земной поверхности, контрастирующую с водной поверхностью, то есть "суша", или обозначающую часть земли, населенную определенным народом и реализующую значение "страна" как, например, в следующем предложении:

þu ilcan gære drehton þa hergæs on Eastenglum ond
on Norþhumbrom Westseaxna lond...

(в тот год двигались войска в восточную Англию и в
Нортумбрию - страну западных саксов...),

где идентификатором значения существительного *land* является прилагательное *Westseaxna*.

Основную роль при конкретизации слов широкой семантики играет описываемая ситуация. Во многих случаях конкретизация остается очень относительной и допускает различные интерпретации и, соответственно, переводы на современный язык. Так в описании путешествия Охтхере слово *land* не имеет четкой референтной отнесенности:

Hē saðde þeah þæt land sīe swīȝe lang norþ þonan,
ac hit is eāl wīste...

(он сказал, что хотя и земля тянется далеко на север, она вся пустынна...).

В другом случае контекстное противопоставление слова *land* (суша) слову *we* (вода) позволяет более точно идентифицировать референтную отнесенность слова *land* :

þa fōr hē norþryhte be þæm lande; lēt him ealne
weg þæt wēste land on þæt stēor-board, and þa
wīd-sæ on þæt bæc-board, þrife dages

(затем плыл он на север вдоль той земли, оставляя на всем пути сушу с правого борта, а море с левого борта, три дня) [5] .

Таким образом, можно утверждать, что референтная определенность/неопределенность древнеанглийского слова с широкой семантикой зависит от описываемой ситуации, наличия или отсутствия авторства в рассматриваемом тексте, а также особенностями "чужой" культуры, в которой отражена специфика вербального и невербального поведения людей и которая зафиксирована языком данного периода. Контекст безусловно конкретизирует значение древнеанглийского слова и способствует его идентификации. Но в ряде случаев контекстуальные условия оказываются недостаточны-

ми и требует обязательной опоры на текст, что отражает особенность функционирования слов на ранних этапах развития языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., - 1966. - С.100.
2. Гуревич А.Я. Средневековый героический эпос германских народов //Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. - М., 1975. - С.11-12.
3. Косниченко М.А. Хроникальные заметки о докладе Л.Я.Гросул и В.Я.Плоткина// Вопр. языкознания. - 1981. - № 1.
4. Sweet H. King Alfred's Orosius, Early English Text Society. - London, 1883.
5. Bosworth J. Toller T. An Anglo-Saxon dictionary.- Oxford, 1972.

SUMMARY

T.Kruglikova

Specific Features of the Referential Meaning of the Old English Word

Referential meaning of the Old English word of extended semantics depends on the situation concerned, presence or absence of the author in the text under discussion as well as on the peculiarities of the cultural background of the historical period preserved in the text.

О.П.Лисагор

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТИПОВОГО КОНТЕКСТА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПРЕДМЕТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Подход к контексту как к элементу языковой системы, отражающему взаимосвязь и взаимообусловленность лексики и синтаксиса, парадигматики и синтагматики неизбежно подводит исследователя к проблемам поиска некоторых универсальных законов, по которым данная система функционирует.

Проблемам типизации контекста посвящены работы К.А.Ивановой, М.А.Кащеевой, Е.Д.Коноваловой, Л.А.Никольской, В.И.Чупилиной [1], в которых делается попытка выделения типичных контекстов, характерных для отдельных языковых единиц или ограниченных групп лексики. Выделение типичных единиц контекста основывается на анализе сумм всех контекстов, свойственных отдельным единицам языка и представляется в обобщенном виде с использованием общепринятых символов частей речи и лексико-грамматических разрядов.

В нашем исследовании мы исходим из положения о том, что контекст представляет собой функционально-коммуникативную единицу, характеризующую функционирование языковых единиц в речи. Функциональный подход к типизации контекста, основанный на определении типов смысловых отношений словесных знаков на уровне обобщенных лексических категорий, делает возможным выявление типовых контекстов, характерных для целой группы слов, обладающих общим категориальным значением.

В основе функционального подхода к анализу семантики языковых единиц лежит свойство языкового знака отражать одновременно "конкретную и всеобщую сущность предметов и явлений" [2]. Контекст же, как функциональная единица, способен выявить как "всеобщее", инвариантное, так и "конкретное" содержание, заключающееся в информации, которую несет в себе слово.

Проблема инварианта и варианта применительно к теории контекстологического анализа непосредственно соотносится с идентифицирующей и конкретизирующей функциями контекста [8] .

Идентифицирующая и конкретизирующая функции контекста действуют на разных уровнях экспликации признаков структуры лексического значения реализуемого слова. Функция идентификации обеспечивает экспликацию скрытых, глубинных категориальных признаков лексического значения слова, составляющих его интенсионал [4] , — ту обязательную и постоянную инвариантную совокупность свойств, благодаря которым слово сохраняет свое тождество. Осуществление конкретизирующей функции контекста связано с выявлением тех или иных вероятностных признаков, которые могут быть, а могут и не быть характерны для денотата реализуемого слова.

Изучение идентифицирующей функции контекста, действующей на уровне категориальных значений сочетающихся слов, делает возможным выявление типичных структурно-семантических условий функционирования языковых единиц.

Принципиальным отличием типизации контекста на уровне категориального значения сочетающихся ядра и индикатора от упомянутых выше исследований в этой области является привлечение для анализа, наряду с лексико-синтаксическими параметрами, глубинных семантико-синтаксических категорий и семантических моделей, отражающих различные типы отношений, в которые могут вступать окружающие нас предметы и явления.

В этом случае типовой контекст как обобщенное представление дистрибуции какой-либо группы лексических единиц, обладающих общим категориальным значением, будет представлять собой некоторую концептуальную схему-инвариантную семантическую конфигурацию, отражающую типичную ситуацию, типичные отношения, характерные для предметов и явлений объективного мира, варианты которой есть конкретные сочетания слов — единицы контекста, достаточные для идентификации лексического значения слова.

Выявление типовых структурно-семантических условий идентификации лексического значения слова производилось на материале 203 существительных - терминов судостроения, образованных от общеупотребительных слов способом метафоризации и обозначающих конкретные объекты данной предметной области.

Отобранные термины образуют однородную группу слов, объединенных на основе общего категориального значения "артефакт" [5].

Отбор и группировка лексических единиц по принципу однородности категориального значения основывается на положении о том, что слова, обладающие общими формальными и семантическими характеристиками, имеют сходные свойства в сфере функционирования.

Категориальный признак структуры значения терминов "предмет-артефакт" характеризует не только их собственное значение, но и предопределяет рамки их лексической сочетаемости. В прямой зависимости от категориального признака находится также объем и характер смысловой структуры исследуемых терминов.

Анализ текстов специальной литературы по судостроению показал, что минимальными единицами контекста, достаточными для идентификации терминологического значения многозначного слова, являются атрибутивные словосочетания и объектные словосочетания с обстоятельством места и образа действия.

Рассмотрим, каким образом осуществляется идентификация лексического значения термина в рамках атрибутивного словосочетания.

Обобщенное значение лексико-синтаксической модели атрибутивного словосочетания проявляется в характере подчинительной синтаксической связи его членов, обусловленной парадигматическими характеристиками сочетающейся лексики. Ведущим членом атрибутивного словосочетания является интересующий нас термин, категориальное значение которого (артефакт) ограничивает сочетаемость термина лексическими единицами, называемыми характерные для него признаки,

например, форма предмета (cylindrical shell), материал (cotton honeycomb), размер (small fin), отношение к другим предметам: части-целого (anchor bill), принадлежности (shipway, scadle) и т.д.

Содержательная сущность отношений между элементами атрибутивного словосочетания в общем виде может быть сведена к следующим типам: отношение части-целого, принадлежности, обладания признаком, свойством.

Отношения между элементами атрибутивного словосочетания сходны с субъектно-объектными, представленными в стяженной форме [6].

Так, если представить структуру атрибутивного словосочетания anchor bill (носок якоря) в виде логического выражения $a R b$ (предмет-отношение-предмет), то его смысловая интерпретация будет выглядеть следующим образом: "bill является составной частью anchor". Относительный признак "быть составной частью" содержащийся в структуре значения bill и имеющий отражение в тексте словарной дефиниции (bill: part of an anchor), обусловлен категориальным значением данного термина "предмет-артефакт". Относительный признак, содержащийся в структуре значения термина, получает эксплицитное выражение при реализации семантической модели атрибутивного словосочетания, где аргумент a (anchor) есть "целое", аргумент b (bill) "часть", отношение R "быть частью" присоединяется к предметному значению аргумента b .

Категориальное значение термина "предмет-артефакт" и относительный признак "часть чего-либо" задают модель отношения данного объекта к другому и получают эксплицитное выражение при реализации лексико-синтаксической и семантической моделей атрибутивного словосочетания.

Идентификация терминологического значения многозначного существительного bill достигается благодаря конкретному лексическому наполнению семантической модели "b есть часть a", где a представлено термином судостроения anchor, категориальное значение и смысловая

сущность которого обусловлена ведущим элементом атрибутивного словосочетания anchor bill .

Несколько иначе обстоит дело при описании характера отношений, отражаемых объектным словосочетанием. В этом случае предпочтительней является использование системы семантико-синтаксических функций, нежели принятой для описания атрибутивного словосочетания системы трехчленных семантических моделей $a R b$. Это объясняется тем, что объектные словосочетания представляют собой предикатные выражения с "позиционными" функциями", которые, в отличие от "непозиционных", в определенном смысле асемантичны и трудно поддаются семантической интерпретации [7] . Отличие заключается в исключении из модели отношения R , трудно поддающегося формализации при анализе объектных словосочетаний. Основное внимание уделяется членам отношения - аргументам, которые в терминах семантического синтаксиса называются актантами .

Ведущим членом объектного словосочетания является глагол. Глагольный предикат имеет "места", заполняемые в предложении или словосочетании словами, категориальные признаки которых находятся в соответствии с категориальными признаками глагола, что проявляется в организации его сочетаемости в рамках определенных синтаксических структур [5] . С другой стороны, сама синтаксическая структура способствует реализации лишь тех свойств глагола, для которых предусмотрены места в данном структурном построении [3] .

Формальная и семантическая направленность глагола, как ведущего слова объектного словосочетания, на некоторый восполняющий элемент, ограничивает сочетаемость данного глагола лексическими единицами, способными его восполнить. В нашем случае такими лексическими единицами являются термины судостроения с категориальным значением "предмет-артефакт".

Категориальное значение терминов предопределяет ту семантическую функцию - роль, которую они могут выпол-

нять. Категориальный признак обуславливает функционирование данных терминов в роли объектива, локатива и медиатива [9].

Рассмотрим, например, объектное словосочетание *to melt a coat* (расплавить насадку), отражающее отношение "действие → объект действия", семантическая модель которого представлена предикатным выражением "предикат + объектив".

Предикатное выражение *to melt a coat* состоит из предиката *to melt*, требующего восполнения объектом, и актанта *coat*, называющего такой объект. Глагол *to melt* многозначен, идентификация каждого из его значений непосредственно зависит от категориальных признаков сочетающегося с ним существительного.

Категориальный признак структуры значения термина *coat* предполагает наличие в структуре значения глагола признака фактивности (предмета как объекта действия), в данном случае таким признаком является "способность подвергаться физической обработке, вызывающей изменение физического состояния объекта". Данному признаку из всего набора значений многозначного глагола *to melt* (ср. I. таять, растворяться; 2. слабеть, уменьшаться; 3. плавить, расплавлять) соответствует последнее значение. Глагольное значение "подвергать физической обработке, вызывающей изменение физического состояния объекта" обуславливает сочетаемость данного глагола с лексическими единицами, называющими предметы, способные такой обработке подвергаться.

Глагол *to melt* в значении "плавить, расплавлять" в составе объектного словосочетания, представляющего собой предикатное выражение "предикат + объектив" и отражающего отношение "действие → объект действия", является индикатором лексического значения термина *coat*.

Идентификация происходит, поскольку структура значения термина (в отличие от общеупотребительного значения *coat* - пальто, пиджак) содержит указание на вещество

(wax), способные изменить свое физическое состояние. Это ясно прослеживается при анализе текстов словарных дефиниций общеупотребительного (coat, -man's or boy's sleeved usu. cloth outer garment) и терминологического (coat₂ - a layer of wax containing substance that covers shipways) значений многозначного существительного coat .

Итак, идентификация лексического значения существительного с категориальным значением "предмет-артефакт" осуществляется в результате взаимодействия лексических, синтаксических и семантических факторов.

Идентифицирующий контекст как комплекс типовых структурно-семантических условий функционирования языковых единиц представляет собой инвариантную семантико-синтаксическую структуру, заданную категориальным значением реализуемого слова и отражающую типичные отношения, в которые вступают предметы и явления окружающего нас мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопросы английской контекстологии. - Л., 1974, Вып. I.-Л., 1985 - вып. 2.
2. Колманский Г.В. Контекстная семантика. - М., 1980.
3. Агаджанова В.И. Функции актуализирующего контекста // Контекстуально обусловленная вариативность единиц языка. - Гига, 1989. - С. 4-13.
4. Никитин М.В. Лексическое значение слова. - М., 1983.
5. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - Л., 1972.
6. Вейдрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. - М., 1970. - Вып. 5. - С. 163-249.
7. Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка. - Л., 1984.
8. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почецов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. - М., 1981. - С. II2-II4.

9. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения.-Д., 1977.

SUMMARY

O.Lisagor

Conceptual Structure of the Context of
the Concrete Nouns

The paper presents a unifying approach to semantic concepts and deductive methods used in linguistics.

It explores a relationship between lexical, syntactical and semantic levels of word functioning within the frame of contextual unit.

Both theoretical and practical considerations motivate the representation of context as generatized semantic structure reflecting standard situation and relations of things and phenomena as they occur in real life.

Б.Л.Лихтерова

ВЛАДЕНИЕ СЛОВОМ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Реплику Гамлета " Words, words, words" можно с уверенностью отнести к современности, подчеркнув при этом двойную возможность референтной соотнесенности слов. Корректно и умело поставленные, названные в предложении, а далее в текст, слова могут говорить, ничего не выражая, в то же время слова могут "действовать", воздействуя отрицательно или положительно. И для того, чтобы это произошло, необходим тренинг, основанный на знании традиций "говорения", умения воздействовать словом, а следовательно, свободно владеть своей речью, то есть

необходимо риторическое воспитание, основы которого были заложены в древней Греции, - незаслуженно забытое в течение долгого времени и ставшее на современном этапе особенно актуальным.

Роль риторической культуры в политике нельзя переоценить. В истинно демократической стране цели и методы риторического воспитания должны быть ориентированы на сохранение, дальнейшее развитие и стабилизацию демократии и демократических свобод. И в центре этого общего процесса находятся язык, речь, риторическая культура.

Одним из опытов политической коммуникации является политический семинар, основанный по желанию (завещанием) первого президента Веймарской Республики Фридриха Эберта [1]. Эти семинары успешно проводятся и в настоящее время (во время нацистской диктатуры они были запрещены), помогая широким социальным слоям приобретать знания, укрепляющие самосознание и наделяющие их политической грамотой и дееспособностью. Такого рода семинары воспитывают риторическую культуру, определяют мотивацию публичного общения и возможность аргументированного обмена мнениями, учат свободно и заинтересованно высказывать политические мысли и воззрения, иными словами, это - упражнения в политической риторике. Представляется важным назвать учебные цели [2] риторического семинара, а именно:

- понимание, что коммуникация - это предпосылка к солидаризованному социальному поведению;
- обостренное восприятие собственного и чужого коммуникативного поведения;
- умение вести себя открыто для окружающих;
- умение выражать свои мысли понятно и доступно для окружающих;
- умение слушать и понимать собеседников.

Именно последние два момента подчеркивают необходимость взаимодействия лингвистики и политики. Чтобы научиться выражать свои мысли и говорить свободно, следует

прежде всего научиться говорить правильно. Без владения нормой языка нельзя овладеть его экспрессивными средствами. Основная единица языка в действии - это не слово, не предложение, а текст [3]. Правильно построенный текст составляет основу правильно выраженной мысли. Когда мысль выражена адекватным языковым способом, ее можно далее облечь в такие "языковые одежды", чтобы она "заиграла", сумела воздействовать на слушателей, завоевать их и увлечь за собой. На достижение этой цели должны быть направлены самые разнообразные разработанные коммуникативные ситуации и контролируемые диалоги. Каждый участник риторических упражнений играет двойную роль, будучи как автором (послдателем) информации, так и адресатом. На этой основе рождается правильная связующая реакция (feed back) умения говорить и слушать. Обучение языку политической риторики предполагает правильно сформулированную мысль, четкую ее аргументацию и задействование оптимальных языковых средств всех уровней для достижения поставленной цели. Если овладеть этим искусством, то станут невозможными такие казусы, как, например, сказанное депутатом от женских общественных организаций Азербайджана на IV съезде народных депутатов СССР в прениях по поводу выбора вице-президента: "Мы поддержим Вашу кандидатуру, если Вы повернетесь лицом к женщине".

Когда участники семинара меняются ролями, и прежний адресат начинает теперь сам посылать информацию, то его первой языковой реакцией должно стать словесное отношение к содержанию услышанного. Для этого он должен суметь в нескольких предложениях четко сформулировать высказанные его собеседником мысли, дать им оценку, как например: "Мне (не) понравилось только что услышанное, потому что...", и только потом произносить собственную речь. В риторическом семинаре "Friedrich-Ebert-Stiftung" это носит название "Pro-Contra-Gespräch".

Хотелось бы также подчеркнуть риторическую стратегию политической речи и назвать те послышки, на которых она строится. Итак, удачный политический текст внешне, про-

думанно и доступно должен вызывать интерес к содержанию предмета речи, аргументировать, доказывать, будить мысль и призывать думать вместе, заставляя мысль слушателя самостоятельно двигаться в поисках ответов и решений, привлекать особое внимание к определенным проблемам, достигая такого эффекта воздействия, когда аудитория начинает верить оратору и согласна ему следовать. Говорящий должен пользоваться словарным запасом, близким аудитории: здесь хороша обиденная лексика, фразеологизмы, крылатые слова и выражения, малектизмы, т.е. все те слова, которые позволят каждому адресату воспринять их как единственные, к нему обращенные. Особое внимание должно быть уделено синтаксису речи, в частности, корректно построенным предложениям. В то же время "книжно-правильные" предложения наводят скуку; здесь надо учитывать способность синтаксиса к экспрессии. В своем стремлении к оптимальному воздействию на аудиторию автор (говорящий) может использовать любой коммуникативный тип предложения, особенно вопросительное и побудительное. Важная роль отводится явлению разрыхления строя предложения, и тогда появляются такие синтаксические структуры на службе экспрессии и прагматики, как парантезы, различные виды обособления, вплоть до крайнего его проявления - парцеллята.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kemper G., Politisches Handeln durch freies Reden - Rhetorik in der politischen Erwachsenenbildung der Friedrich - Ebert - Stiftung//Bausch K.-H., Grosse S. (Hrsg.) Praktische Rhetorik. - IDS Mannheim, 1985.-S.147-155.
2. Ebenda. - S.148-149.
3. Haaliday L.A.K., Language Structure and Language Fiction // Lyons J. (Ed.). New Horizons in Linguistics.- Harmondsworth, 1970. S. 160.

ZUSAMMENFASSUNG

B. Lihterowa

Die rhetorische Kultur in den politischen Texten

Der Beitrag befaßt sich mit einer heutzutage sehr aktuellen Frage - der rhetorischen Kultur in den politischen Texten. Es wird ein Überblick über das rhetorische Seminar der Friedrich-Ebert-Stiftung gemacht, welches als eine Erscheinungsform der politischen Kommunikation angesehen wird. Dabei wird betont, daß die Rolle der rhetorischen Kultur sowie auch folglich die Sprache in der Politik nicht unterschätzt werden darf. Die Grundeinheit der Sprache in Aktion ist weder das Wort noch der Satz, sondern der Text. Im Dienste eines korrekten und wirkungsvollen Textes stehen die der Sprachnorm entsprechenden und expressiven Mittel auf allen Ebenen.

Г.Д. Лочмело

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗАГОЛОВКА В УСЛОВИЯХ РЕКЛАМНОГО КОНТЕКСТА

(роль подтекста в кодировании и декодировании информации)

Рекламная коммуникация осуществляется в условиях рекламного контекста, представляющего собой определенное сложное целое, компонентами которого являются: вербальный контекст рекламного текста, его просодический контекст, визуальный контекст (иллюстрации и другие графические средства), стилистический контекст, речевая ситуация и фоново знание.

Необходимость понимания функционального назначения и динамики рекламной коммуникации обуславливает использование коммуникативного, прагматического подхода к рекламному тексту, при котором рассматривается связь между процессом кодирования и процессом декодирования информации в рекламном контексте.

Настоящая статья посвящена рассмотрению одной из особенностей подачи информации в рекламном тексте - имплицитности информации в рекламном заголовке, а также способов ее декодирования при помощи различных составляющих рекламного контекста.

Имплицитность информации в рекламном заголовке имеет экстралингвистическую обусловленность: в языке рекламы идет поиск новых эффективных путей подачи информации с целью наиболее выгодной продажи товара. Для достижения этой цели наиболее выигрышным часто оказывается имплицитный способ подачи информации, при этом информация, содержащаяся в подтексте, должна относительно легко декодироваться потенциальным покупателем. Использование имплицитности в рекламном заголовке обусловлено также наличием неблагоприятных условий в рекламной коммуникации, в частности, нежеланием покупателя ознакамливаться с рекламным объявлением и приобретать товар.

Как показал исследованный материал - тексты из англоязычных рекламных журналов за 1979-1987 гг., - информация, передаваемая в подтексте рекламного заголовка, имеет, в основном, оценочный характер. Так как темой каждого рекламного объявления является рекламирование товара (услуги), имплицитная или эксплицитная¹ оценка дается этому товару (услуге).

В зависимости от характера передаваемой имплицитной оценочной информации, в рекламном заголовке обнаружены два вида подтекста: подтекст с невысокой степенью импли-

¹ Как показало исследование, информация с новизне товара и его дешевизне в рекламном заголовке передается эксплицитно.

цитности и подтекст с высокой степенью имплицитности.

Невысокая степень имплицитности наблюдается у такого подтекста, в котором оценка товару дается через неуважительно названные преимущества, которые получает потенциальный покупатель при использовании товара. Подтекст с невысокой степенью имплицитности основан на ассоциативных связях¹ между называемой выгодой и рекламируемым товаром, благодаря чему в конечном итоге оценка в сознании покупателя связывается с рекламируемым товаром².

Высокая степень имплицитности наблюдается у такого подтекста, в котором оценка товару дается через завуалированно названные преимущества, которые получает потенциальный покупатель от использования товара.

Для иллюстрации вышесказанного приведем два примера заголовков, в которых оценка товара дается через указание на одно и то же преимущество, которое получит женщина, используя этот товар. Рекламуя дамское белье, копирайтер³ играет на желании каждой женщины быть привлекательной: "The Glossies from Goward. See how glamorous you really are". [3, с.132] и "Get spoiled in pure silk!" [4., с.158].

В первом из приведенных примеров ("The Glossies from Goward. See how glamorous you really are.") наблюдается подтекст с невысокой степенью имплицитности: красота и очарование, которые придает женщине рекламируемое белье, являются опосредованной оценкой товара и легко связываются с этим товаром в сознании покупателя.

Во втором примере ("Get spoiled in pure silk!") ту же положительную оценку выражает подтекст с высокой степенью имплицитности - преимущества, получаемые женщиной при использовании товара, называются еще более завуалированно: фраза get spoiled содержит явный намек на успех

¹ Ассоциативные связи рассматриваются Р.А.Унаибаевой как один из механизмов создания подтекста [1., с.5].

² Об ассоциативных связях между называемой выгодой и рекламируемым товаром см. у М.В.Лековой [2., с.9].

³ копирайтер - составитель рекламного объявления.

у противоположного пола. О наличии такого подтекста в заголовке свидетельствует его экспликация при помощи подзаголовка: "Sensuous silk pampering for body and soul - clearly the sexiest lingerie around!", the sexiest lingerie - непосредственная эксплицитная оценка товара.

Подтекст с высокой степенью имплицитности представляется наиболее интересным для настоящего исследования. Есть такие преимущества от приобретения товара, которые, в силу некоторых обстоятельств, в рекламном заголовке никогда не называются открыто, а представлены всегда завуалированно.

Для выяснения того, какая информация в рекламном заголовке может быть представлена только в подтексте с высокой степенью имплицитности, представляется целесообразным подробней остановиться на психологии покупателя. Психологи зарубежной рекламы [5] отмечают то, что каждый человек стремится к достижению определенных целей в жизни, а задача копирайтера состоит в том, чтобы показать, что именно посредством рекламируемого товара потенциальный покупатель может достичь своей цели, удовлетворить свои потребности. Важную роль в рекламировании товара имеет актуализация копирайтером различных психологических потребностей покупателя. Исследователями рекламы называется различное число потребностей покупателя: от восьми, отмечаемых Э.Мак Грегором (здоровье, материальное благополучие, продвижение по службе, общественное положение, успех, общественное одобрение, комфорт, удобства) [6., с.59], до двадцати, отмечаемых С.В.Данном [7., с.207].

Как отмечает С.В.Данн, есть целый ряд потребностей, признаваться вслух о которых не принято (например, стремление быть лучше соседа - иметь машину побольше и подороже). Представляется, что информация о способности товара удовлетворять именно таким потребностям, о которых не всегда говорят открыто, передается в рекламном заголовке только в подтексте с высокой степенью имплицитности.

Анализ рекламных заголовков показал, что в подтексте с высокой степенью имплицитности дается информация

о реализации посредством товара таких стремлений покупателя, как, например, желание покупателя быть лучше других, отличаться особо хорошим вкусом, чувством стиля. Удовлетворение этой потребности имплицитно оеощается тем, кто курит сигареты "555". Реклама сигарет состоит из заголовка, картинки и названия фирмы. В заголовке "555 Stands out for taste [3., с.41] эксплицитно представляла оценочная информация о незаурядности вкуса сигарет, что, как правило, отмечается во всех рекламах сигарет: в интенционале лексического значения глагола с постпозитивом stand out имеется сема "выделяться"¹, а в интенционале значения существительного taste - сема "вкусовые ощущения". Однако посредством этого же предложения имплицитно передается и другая оценочная информация: словосочетание to stand out for имеет значение "требовать" (to demand firmly) [9., с.608]), а в интенционал лексического значения существительного taste входит также сема "вкус, понимание", следовательно, то, что покупатель курит сигареты "555", говорит о его вкусе.

В подтексте с высокой степенью имплицитности дается намек на реализацию посредством рекламируемого товара (услуги) желания покупателя продвинуться по службе: рекламное объявление заочного курса обучения имеет заголовок "Shape Your Future /earn your Ph.D. or Ed.d." [10., с.7]. Намек на продвижение по службе содержит также заголовок к рекламному объявлению о персональном компьютере: "Looks like Pete's been using his PC-3000 again". [8., с.95].

Декодированию подтекста здесь помогает картинка, на которой изображен мальчик, прикрепляющий табличку с именем Peter Stanton (известный рекламный герой) к двери кабинета.

¹ Посредством семы "выделяться" в заголовок вводится еще одна имплицитная оценочная информация - имплицитное сравнение с аналогичными товарами других фирм.

Кроме вышеуказанных потребностей, только в подтексте с высокой степенью имплицитности может быть представлена такая потребность, как стремление покупателя к повышению своего социального статуса. Интересный случай создания оценочного подтекста на основе актуализированной потребности покупателя к повышению своего социального статуса представлен в заголовке к рекламе вина "It's Marvellous What An Oxford Education Can Give You." [11., с.166]. Несомненно престижное Оксфордское образование в представлении потенциального покупателя должно предполагать и умение хорошо разбираться в винах.

Не только на престижность, но и на художественную ценность претендует комплект для ванной комнаты (раковина, биде, унитаз), рекламный текст о котором имеет заголовок "Michelangelo sculptured Italian design." [3., с.218]. Упоминание о знаменитом скульпторе вызывает у потенциального покупателя положительные ассоциации, что обеспечивает рекламируемому товару положительную оценку.

Заголовки, в которых используются имена исторических личностей, а также имена мифологических и литературных героев, имеют как бы заранее установленную смысловую значимость. Как отмечает Е.В.Джанджакова, эти слова и вне заглавия имеют "запас смыслов" [12., с.208], обусловленный культурным опытом человека. Вынесенное в рекламный заголовок, такое слово активизирует возникновение положительных ассоциаций, как, например, в заголовке "You can afford to give Hamlet the run of the home". [3., с.230]. Особенностью рекламы является то, что культурно-философские ассоциации здесь контрастируют с бытовым, будничным характером самой рекламы. Так, под приведенным интригующим заголовком следует текст о мебели гарнитуре, названном именем датского принца Гамлета.

В некоторых случаях оценочный подтекст с высокой степенью имплицитности может возникать вследствие создания атмосферы романтики, как правило, привлекающей потенциального покупателя. В таких рекламных заголовках,

как "Here In The Blue Ridge Mountains, We've Always Been Partial To Moonshine". [13., с.7] (реклама места отдыха), "Relive A Dream Seaside Vacation", [13., с.10] (реклама отеля), "Return to romance". [3., с.244], (реклама постельного белья), копирайтер играет на романтических струнах, которые есть в душе почти каждого человека и, таким образом, создает имплицитную положительную оценку рекламируемому товару (услуге). В заголовках такого типа степень имплицитности подтекста варьируется от высокой ("Here In The Blue Ridge Mountains, We've Always Been Partial To Moonshine" до менее высокой ("Return to romance"). Подобные заголовки способны вызывать целую гамму ассоциаций, варьирующихся у каждого отдельного человека в зависимости от его характера и индивидуального опыта. Для достижения нужного прагматического эффекта существенной оказывается именно индивидуальность ассоциаций. Такой вид подтекста рассматривается нами как подтекст с высокой степенью имплицитности.

Доминирующее в современной лингвистике положение о коммуникативном процессе как единстве порождения и восприятия речи, а также прагматическая ориентированность рекламы на побуждение покупателя к действию — приобретению товара, дают основание для предположения о существовании в рекламном тексте "механизма", обеспечивающего адекватное декодирование передаваемой информации.

Восприятию подтекста способствуют определенные факторы: тезаурус адресата; его владение средствами и способами языкового анализа; содержательность произведения; степень творческой активности адресата [1, с.19]. В рекламе эти факторы имеют свои особенности. Так, общий тезаурус читателя включает также его опыт в сфере отношений покупатель — продавец, к владению средствами и способами языкового анализа присоединяется владение инвентарем средств экстралингвистического выражения рекламной информации.

Декодированию подтекста способствуют особые, заложенные автором сигналы подтекста — маркеры текстовой имплицитности [14]. Как показал исследованный материал, одним

из наиболее важных маркеров текстовой импликации, указывающих на наличие подтекста в рекламном заголовке, является аллюзия. Использование аллюзии в качестве маркера подтекста в рекламе обусловлено ассоциативно-оценочным характером подтекста в рекламном заголовке.

Особенность аллюзии как маркера подтекста состоит в том, что сама аллюзия требует декодирования. В процессе декодирования аллюзии у читателя рекламного объявления подсознательно возникает ассоциативный ряд и происходит восприятие подтекста. Возникшие ассоциации в конечном итоге должны незаметно привести читателя к нужным для копирайтера выводам и действию — приобретению товара.

Представляется возможным рассматривать аллюзии в рекламном заголовке, исходя из возможности декодирования ситуативного контекста аллюзии (контекста первоначального источника аллюзии [15., с.115]), установления ее парадигматических отношений. Как показывает исследованный материал, в рекламном заголовке встречаются легко декодируемые и трудно декодируемые аллюзии. Основная часть аллюзий в рекламном заголовке легко поддается декодированию в плане восстановления их ситуативного контекста, так как аллюзии, в основном, делаются на такие факты, которые наиболее известны массовому читателю. Так, аллюзия "Through the Cooking Glass" [16., с.16] декодируется легко — до ознакомления с текстом, так как в аллюзии почти полностью сохранена фонетическая и графическая архитектура исходного материала: книга Л.Кэрролла называется "Through the Looking Glass". Декодированный читателем ситуативный контекст раскрывает в значении аллюзии положительную эмоционально-оценочную коннотацию: у читателя создается уверенность в том, что рекламируемый товар (кухонная посуда) обещает таинственные веселые приключения, связанные с секретами кулинарии. Именно такое декодирование аллюзии, а через нее — подтекста, содержащего положительную оценку и мотивы выгоды, запланировано копирайтером.

В рекламном заголовке встречаются трудно декодируемые аллюзии. В основном, это аллюзии на исторические факты и события. В таком случае копирайтер разъясняет аллю-

зие в тексте. Так, аллюзия на то, что Джордж Вашингтон был родом из Вирджинии, представленная в заголовке "Revolutionary Leadership For The 18th Century. Revolutionary Leadership For The 21st" [17., с.16], объясняется в тексте. Неадекватно декодированная аллюзия могла бы в данном случае лишить рекламный текст главной его мысли - призыва воспитать новых лидеров в штате Вирджиния.

Другим интересным маркером подтекста в рекламном заголовке является рекламная графика: шрифт, цвет, графические изменения. Наиболее интересным из графических средств является графическое изменение. Так, в заголовке "Matteson's new fresh Mayonnaise. It's got one or two things missing" [18., с.47] графическое изменение в слове Mayonnaise является маркером подтекста, в котором передается оценочная информация о незаурядности вкусовых качеств рекламируемого майонеза.

Проведенный анализ особенностей имплицитности в рекламном заголовке показал, что подтекст, в зависимости от характера передаваемой оценочной информации в рекламном заголовке, имеет две разновидности: подтекст с невысокой степенью имплицитности и подтекст с высокой степенью имплицитности. В ходе анализа выявлен характер информации, передаваемой в подтексте с высокой степенью имплицитности.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что ассоциативный и оценочный характер подтекста рекламного заголовка обуславливает его ориентированность на подсознательное декодирование имплицитной оценочной информации.

Одним из наиболее важных маркеров подтекста, обусловленных ассоциативно-оценочным характером подтекста в рекламном заголовке, оказалась аллюзия. Отличительной особенностью аллюзии в рекламном заголовке является ее способность быть быстро и адекватно декодируемой. Другим маркером подтекста, способствующим его декодированию в рекламном заголовке, является рекламная графика.

Особенности организации речевого общения в рекламной коммуникации определяют применение специфических способов кодирования информации в рекламном заголовке, одновременно обеспечивая максимальную эффективность ее декодирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Унайбаева Р.А. Категория подтекста и способы его выявления (на материале англо-американской художественной прозы XIX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1980.
2. Лекова М.В. Специфика гиперболы в языке англоязычной рекламы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1987.
3. Good Housekeeping. - 1979. - May.
4. Elle. - 1987. - Jan.
5. См., напр., Packard V. The Hidden Persuaders. - N.Y., 1974; Williams S.A. Salesmanship. - L., 1974.
6. McGregor E. Advertising. - L., 1973.
7. Dunn S.W. Advertising. Its Role in Modern Marketing. - N.Y., 1969.
8. High Life. - 1982. - July.
9. Courtney R. Longman Dictionary of Phrasal Verbs. - Harlow. - M., 1986.
10. Unltd. - 1986. - Oct.
11. Ideal Home. - 1983. - June
12. Дженджакова Е.В. О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика. - М., 1979. - С.207-215.
13. An Advertising Supplement To Mid-Atlantic Country. - 1986. - Sept.
14. Краже С.Г. Маркеры текстовой импликации (На материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1986.
15. Мамаева А.Г. Аллюзия и формы ее выражения в английской художественной литературе // Сб. науч. тр. - М.: Моск. пед. ин-т иностр. яз., 1986. - Вып. 98. - С.118-129.

16. Homes and Gardens. - 1980. - Jan.
17. Newsweek. - 1986. - Oct.
18. Woman. - 1984. - Apr.

SUMMARY

G. Lockmele

Headline in the Context of the Advertisement (Role of Implication in Coding and Decoding the Message)

The communication process in advertising is described in line with modern linguistic development concerning communication process as the unity of creating and perceiving the message.

As revealed the data analysis the headlines in advertisements differ in the degree of implication contained. The analysis of the implication coded is carried out starting with a lower degree of implication - when the evaluation of the product advertised can be easily perceived through the emphasis placed on product reward, and proceeding with a higher degree of implication when the evaluation of the product advertised is only suggested by an indirect communicating the product reward. The complexity of motives leading to the high degree of implication in the headline has been dealt with.

The obvious conclusion to the analysis of the decoding the implication in the headline is that it is directed to the subconscious decoding. Among the keys to the decoding the implication allusion is discussed. The role of graphical means in decoding the implication in the headline has been analyzed.

Р.Я.Мозере

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ НЕКОТОРЫХ
СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ В РОМАНЕ
ПАТРИКА УАЙТА "ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ"¹

"Существует зависимость семантической интерпретации связанного текста от знания о мире, которым располагает получатель текста, поскольку множество следствий мы получаем не только на основании правил языка и дедуктивных рассуждений, но и на основании рассуждений, относящихся к знанию о мире, которые необходимы как промежуточные звенья в интерпретации связанных текстов"¹.

Эта мысль кажется нам особо важной, когда речь идет о художественной прозе или поэзии. Так, например, в литературном произведении часто употребляется прием дистантного повтора, когда слова или их семантические инварианты повторяются автором через какие-то отрезки текста и при этом они (слова) приобретают статус специфического тематического сигнала, придают особую стилистическую тональность, которая, в свою очередь, накладывает отпечаток на значение данного отрезка текста, а также на понимание текста в целом.

Некоторые исследования в сфере лингвистики текста, связанные с раскрытием роли контекста, побудили нас попытаться проанализировать стилистическую функцию отдельных семантических полей в рамках какого-то художественного произведения.

С этой целью отправной точкой исследования для нас послужило одно из основных положений, позаимствованных из лингвистики текста, т.е., что текст романа представляет собой ограниченное семантическое пространство, скрывающее закодированную автором информацию.

Для анализа был выбран роман видного австралийского писателя Патрика Уайта "Живые и мертвые" ("The Living and the Dead").

¹ Беллерт И. Об одном условии связности текста // "Новое в зарубежной лингвистике". - М., 1978. - С. 206.

the Dead") по ряду соображений. Во-первых, Л.Уайт был глубоко проникнут традицией символизма конца 19 столетия, а также методами "модернистов" начала 20 столетия. В романе "Живые и мертвые" прослеживается метод "потока сознания" ("stream of consciousness"), который чисто лексически обычно изобилует абстрактными обобщающими понятиями, глубоко субъективными суждениями и оценками, и нам казалось небезынтересным проследить стилистическую роль такого лексико-семантического явления. Во-вторых, само заглавие романа служит своеобразным ключом (или главным кодом) для предположения, что семантическое пространство, покрываемое романом, делится на две антонимические территории, представляющие бинарную таксономию, т.е., семантическую оппозицию с ярко выраженным контрастом.

Безусловно, все семантическое пространство романа не распадается только на два семантических поля "Life" и "Death"; семантическая структура романа намного сложнее, но в рамках данного анализа мы рассмотрим одно из вышеуказанных семантических полей, а именно покрывающее значение "Death".

Лексические единицы, в той или иной мере отражающие понятие смерти, организованы в отдельные подгруппы, которые мы здесь назвали тематическими группами. Лексические единицы в тематических группах и в семантическом поле в целом не относятся к одной части речи, могут быть морфологически неоднородны, но характеризуются наличием общих (иногда контекстно-обусловленных) сем и возможностью толкования или описания одной лексической единицы с помощью другой того же семантического поля.

Анализ семантического поля "Death" выявляет 12 тематических групп:

1) shapelessness	7) coldness
2) indifference	8) fear
3) stagnation	9) exhaustion
4) detachment	10) drifting
5) nonentity	11) disgust
6) hostility	12) suffering

Даже поверхностный анализ лексико-семантических вариантов семантического поля "Death" показывает, что денотативное значение слова "death" не является доминирующей семой поля. Вместо денотативного значения выступают разные коннотативные значения (shapelessness, indifference, detachment, etc.). Становится совершенно ясно, что ведущая "семантическая линия" смерти в романе основана на символическом переносе — метафоре. Центральная тема романа — не физическая смерть человека, а смерть в моральном, духовном, эмоциональном смысле. Эту мысль можно проиллюстрировать словами Иден:

"We were not born to indifference. Indifference denies all evidence of life." [7., с.254]

Это одно из редких случаев выражения авторской мысли прямо и незавуалировано символами.

Персонажи романа испытывают "смерть при жизни" в своем сознании, психологически. Автор передает эту мысль посредством описания эмоциональных страданий, равнодушия, являющихся результатом распада привычных традиционных ценностей. Чисто физическая боль и страдания играют в романе весьма незначительную роль.

Лексико-семантические варианты тематической группы "shapelessness" широко использованы П.Уайтом с целью сгруппировать людей, объединенных одной общей проблемой — поисками формы и направления их жизнедеятельности. Неоднократно повторяясь в тексте романа, эти слова заставляют читателя почувствовать орема аморфных и смутных человеческих намерений вне места и времени.

Иден, Элиот и их мать Кэтрин Стэндиш, эксплицитно или имплицитно, во внутреннем и внешнем хаосе, в атмосфере нестабильности пытаются найти удовлетворяющий ответ на вечный, тревожащий вопрос: "Кто я?"

Проблема поисков форм самоутверждения в окружении недружелюбия и отчужденности является самой острой в романе П.Уайта. Тематические группы "hostility" и "fear" показывают, что окружающий мир для Элиота, Иден и их матери кажется не только бесформенным и расплывчатым, но

представляется им угрожающим, опасным и подавляющим, всеядящим страх и ужас в их сознании.

Иден, Элиот и Кэтрин Стэндиш каждый по своему обороняются против враждебного окружения, и это особо отчетливо видно по отношению к Кэтрин Стэндиш. В семантическом поле "Death" для этого персонажа выделена особая тематическая группа "imitation". Может показаться неуместным отнести эту тематическую группу к полю "Death", так как в слове "imitation" включена идея активной, хотя и инициативной деятельности. Но тут как раз необходимо учесть глубоко контекстный смысл понятия "imitation", внимательно вникая в философские взгляды автора и таким образом раскрывая суть характера Кэтрин Стэндиш. Она, так же, как и ее дети, порой отказывается думать о "неприятных вещах", погружается в эмоциональную обездоленность, когда речь заходит о сокровенных проблемах любви и страданий. Она сознает свою несостоятельность активно противостоять трудностям и как бы становится трагическим клоуном, который выступит на сцене жизни. Эта мысль неоднократно предлагается автором в сссылках на пантомиму, игру, спектакль и иронию и, как видно из тематической группы "imitation", образует особую стилистическую оболочку характера Кэтрин Стэндиш.

"...in repose she looked like an old and rather scurvy clown, that she half recognized herself, in his eyes, they were playing out a scene between them in front of the unconscious audience of Connie Tiarks".

[7..с.299]

Хотя натура Элиота рисуется П.Уайтом схожими линиями - он обращен внутрь, холоден, не отличается особой витальностью, - но тут мы находим и нечто иное: желание любить, понимание красоты, способность реагировать на благие поступки. Несмотря на это, он не может найти никого, с кем прочно связать свою судьбу.

"Even his sister is a distant object for him. Sometimes he even hates her because in this intimate relationship he fails to understand the paradox of distance."

Элиот находится в плену неудержимого течения (тематическая группа "drifting"), душа Элиота не находит равновесия, покоя твердых суждений и намерений. Он и рад был бы найти себя в обществе окружающих его людей, но его удерживает боязнь нарушить оболочку неприкосновенности своего внутреннего мира (тематические группы "detachment", "stagnation", "fear").

"Elyot Standish went upstairs to work. Under the skylight there was a hard, clear gloss on the table spread with papers, the operating table on which you dissected other people's minds. To lay bare their faults, the little manias, the unsuspected vices. To behave in the convention of a clever age that encouraged corrosiveness, destruction. This was also necessary, you liked to think, afraid to stand looking at yourself, afraid your own turn had come with the forces of destruction. He sat down. In self-defence he began to arrange the papers."

[7., с.220]

Элиот предпочитает отказаться от общения с людьми и жить в надежной куколке (cocoon) изысканной чувствительности, пытаясь защитить свою душу, которая испугана окружающей реальностью.

"It was easy to substitute the dead for the living, to build a cocoon of experience away from the noises of the street."

[7., с.16]

Иден во многом повторяет своего брата, также переживая свое неосуществленное желание участвовать, творить, любить. Ее чувство отчужденности в перенаселенном Лондоне тоже симптом "смерти при жизни". Повторение слов "misery", "fall", "nausea", "darkness", "coldness", "vague",

"indifference" по отношению к Иден навязывает идею смятения человеческой души, которая не находит места в мире, где все далеко, чуждо, где человек чувствует себя совершенно одиноким.

"Or she walked, as a release, long walks that took her into places that had no bearing on herself, the long, listless, eyeless streets ... where she was ignored quietly, nobody looked at her. She was altogether pointless, rootless. She failed to fit in the pattern of the streets, she played no part in the emotional pattern of the groups at windows or standing in doorways."

[7., с.145]

Наряду со словами, выражающими абстрактные понятия, к семантическим полям "Life" и "Death" мы сочли необходимым также отнести слова, которые обозначают конкретные предметы реального мира. Именно через предметы и места герои романа сознают свои неудачи и уязвимость, в этом выступает одна из самых стилистически внушающих черт писательских приемов П.Уайта.

Тематически обусловленные слова из сферы предметного мира, включенные в некоторые тематические группы, представляют собой своеобразные символы, и только в этой функции они примыкают к тому или другому семантическому полю. Слова-символы позволяют читателю визуально или ассоциативно предстать суть абстрактных понятий, переживаний, страданий, позволяют прочувствовать, "полюхаться", "дотронуться" ко всем проявлениям "смерти при жизни". Так ассоциативные образы, включенные в слова "stone", "mist" и "lead" проецируют в читателе на почве собственного жизненного опыта картину стагнации и неизбежности.

"Wasteland", "desert" в качестве литературных ассоциаций заставляют вспомнить "Wasteland" Т.С.Элиота, и тем самым они подтверждают уже зафиксированную в литературной критике параллель между "Wasteland" Т.С.Элиота и "The Living and the Dead" П.Уайта. Наряду с такими кон-

текстуально символическими словами как "wall", "box", "egg", "envelope", "cocoon", "tomb", "cave" слова "wasteland" и "desert" передают чувство отчужденности, дистанции.

"She looked nowhere in particular, into a marble wasteland.

Mrs. Standish stood in the marble wasteland, waiting not here, not anywhere, she had lost her bearings, was without a map."

[7., с.291]

Интересно отметить употребление слов "moon" и "sun" - антиномии, изложенного художественного приема и способа мирозерцания П.Уайта, также слова "morning" и "night", представляющие антиномию доброты и зла.

Слова "frost", "snow", "winter" и "ice" создают дополнительную образность, чтобы усилить впечатление эмоционального холода, равнодушия и отчужденности.

"Darkness", "spider", "web", "gutter" обостряют неприятные ассоциации и отражают атмосферу враждебности и крайней неприязни, которые являются признаком и результатом духовной смерти.

Учитывая то, что П.Уайт в романе "The Living and the Dead" не следует методу описания событий в их временном последствии, строго не ограничивает высказывание одного персонажа от речи другого, использует метод прямого введения воспоминаний в канву текущих событий (method of flash-backs), особенно важно почувствовать и понять предложенные автором акценты. Не только отдельные слова, но и зачастую и целые предложения или даже сама ситуация может нести идею какого-то слова любой тематической группы, и семантическое поле "Death", наряду с другими, должно рассматриваться не как замкнутое пространство, а как лексическая канва, которая служит основой для более широких ассоциативных суждений.

Подвергнутый анализу сегмент лексики показывает, насколько роман полон реальности, субстанции, хотя само ос-

держание, на первый взгляд, может показаться относящимся к чисто духовной проблематике.

Ограниченный объем данной работы не позволяет нам проделать достаточно детального разбора лексического материала романа, однако представляется интересной и перспективной возможностью рассмотрения семантических полей в качестве составной части комплекса лингво-стилистического анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анольд И.В. Стилистика современного английского языка. - Л., 1973.
2. Колшанский Г.В. О понятии контекстной семантики. - М., 1976.
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. - Л., 1979.
4. Мелникова Э.М. Значение слова и методы его списания. - М., 1974.
5. Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1978.
6. Щур Г.С. Тематика поля в лингвистике. - М., 1974.
7. White P. The Living and the Dead. - London, 1977.

SUMMARY

R.Mozere

Stylistic Function of Certain Semantic Fields in P.White's Novel "The Living and the Dead"

The study aims at a stylistic interpretation of P.White's novel "The Living and the Dead" by means of a lexico-semantic analysis based on the theory of semantic fields. The philosophical pattern of the novel determines the peculiarities of the novel's semantics. The two semantic fields of Life and Death chosen for the analysis contain thematically notional groups of repeated words, their contextually-conditioned lexico-semantic variants

and certain symbolically significant words. They form stylistically the most potent segment of the text representing a concentrated, vivid essence of P. White's message in the novel, his major means of an all-embracing portrayal.

Л.П.Олдырева

РИТОРИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СЛОВА

История лингводидактической культуры большинства новоевропейских языков складывалась таким образом, что обучение владению семантикой слова было связано с риторическим учением о стиле. В риторике были проработаны и систематизированы понятия и процедуры анализа, необходимые для целенаправленной оптимизации процесса выбора и употребления слова. Английская риторическая традиция в этом смысле особенно интересна, ибо уже не раз высказывались суждения о глубинной связи англоязычной риторической культуры с интернациональным статусом современного английского языка [1., с.121].

Риторически грамотное отношение к семантике слова предполагало владение кругом понятий и критериев, на основе которых строилось критическое восприятие речи. Если взглянуть на эти риторические понятия и критерии с точки зрения референтной определенности слова, то нельзя не увидеть в них своего рода систему условий, следование которыми организует стилистический контроль над референтной определенностью слова.

В данной статье речь пойдет лишь об одном виде этих условий:¹ - он разработан риторическим учением о стиле,

¹ Другим видом этих условий является система принятых в классической риторике общих мест. Поиск аргументов к замыслу высказывания через систему общих мест, которые,

которое давало классификацию не только стилистических канон, но и стилистических погрешностей, среди которых одной из самых тяжелых всегда считалась референтная неопределенность слова о классификации этих погрешностей и способов их устранения в английских риториках [см. 2]. Несмотря на то, что подобные классификации — область риторических предписаний со времен античности и несмотря на то, что было высказано немало суждений об упадке и изжитости риторической культуры [3,4], основы восприятия речи и контроля над подбором языковых средств неизменно риторичны. Это — данности современной речевой практики, переживающей к тому же — в сфере своего лингвистического теоретизирования — новый поворот в осмыслении наследия риторики.

Итак, риторические категории учения о стиле, непосредственно связанные с систематизацией критериев выбора слова. Интерпретация этих категорий исторически изменчива и зависит от теоретических и эстетических установок автора риторики, поэтому какой бы набор категорий мы не взяли в качестве примера, к чему следует отнестись с учетом эстетической программы конкретной риторики и культурно-исторических особенностей речевой действительности с этой риторикой связанной. Так одна из самых влиятельных в истории английской риторики работ — "Лекции по изящной словесности и риторике" Х.Блэра [5] — выдвигала в качестве критериев выбора слова: чистоту (*purity*), уместность (*propriety*) и точность (*precision*). Эти проработанные еще классической риторикой критерии в контексте лингвостилистических представлений Блэра имели следующий смысл: под чистотой слова понималось (и предписывалось) предпочтительное использование исконной незамысловатой лексики и очень умеренное употребление архаизмов и неологизмов. Уместность означала соответствие выбора слова речевым показателям их семантический анализ, дает ключ к всевозможному в пределах языка разнообразию семантических взаимосвязей между словами, является одним из способов риторического контроля над референтной определенностью слова.

вой ситуации и запрет на употребление вульгаризмов. Точность же предполагала - соответствие выбранных слов замыслу всего высказывания [5., т. I, с. 236]

Риторическая систематизация усилий по выбору слова начиналась, таким образом, с различения этимологических и темпоральных характеристик слова. Именно это различение лежит в основе создания эффекта чистоты слога - ею среди английских писателей, по мнению Блэра, в совершенстве владел Свифт. Степень чистоты слога зависит при таком подходе от насыщенности текста заимствованными словами, архаизмами и неологизмами, и риторика предписывает осторожность в обращении с этимологически и темпорально отмеченной лексикой, поскольку она всегда в себе содержит угрозу ясности слога (*periphrasy*), - т.е. основному стилистическому достоинству высказывания с точки зрения риторики.

Культивируемое риторикой языковое чутье в лексической ранжировке приучает, как видим, к осмотрительности в выходе за пределы нейтральной и исконной лексики, и уже с учетом этого предписания слово оценивается согласно другим критериям ясности - критериям уместности и точности. Для английской риторики характерна та настойчивость, с которой Блэр предлагает в качестве методики по развитию навыков точности слога словарную проработку синонимической лексики. Это стало реальностью в полной мере значительно позже - с развитием англоязычной лексикографии, и сейчас практика лексической ранжировки английского текста опирается на целую серию синонимических словарей разного типа. Лексикографическая оснащенность работы над точностью слога чрезвычайно значительна в практике пишущих по-английски. В "Лекциях" же Блэра впервые показывается сам принцип применения такой лексикографической подборки синонимов в практической стилистике: в его риторике

приводится целый фрагмент синонимического словаря, снабженного четкими инструкциями ратора к выбору слова. Этот прообраз [5, т. I, с. 248-254] будущих синонимических словарей выступает в контексте риторического учения о слове как форме уточнения референтной определенности слова.

Несмотря на то, что риторика Блэра не выходит за пределы эстетических идеалов своего времени - последняя треть XVIII века, приводимые в ней критерии адекватности словесного воплощения универсальны, более того они содержат в себе систему оценок, имеющих глубокий культурологический смысл. Например: на основе этой системы оценок - оценок, опирающихся на идею четкой разграниченности видов и жанров словесности в рамках риторики и риторического учения о стиле, строятся суждения о разрушительном для культуры слова (разумеется, "риторической культуры слова" - [6., с. 8, 10] несоблюдении принципов уместности и точности в языке массовой коммуникации и литературы.

В свое время очень убедительно прозвучало исследование на эту тему Л. Лоуэнтала, он проанализировал язык одного популярного в текстах массовой коммуникации жанра - биографии *mass idol*, то есть человека, ставшего знаменитостью и тем самым "героем" средств массовой коммуникации. Язык этого жанра строится, как показало исследование Л. Лоуэнтала, на намеренном лексическом смешении стилистических регистров речи, например, (вульгаризмов и научной лексики), т.е. на нарушении риторических критериев частоты и уместности выбора слова [6]. Однако совершенно очевидно, что это стилистическое "варварство" не только допустимо, но и предусмотрено самим принципом построения текстов массовой коммуникации, позволяющих себе коллаж из иерархии культурных ценностей и словесных жанров. С точки же зрения риторической культуры слова лексический коллаж текстов *mass media* воспринимается как пагубная для всей речевой практики общества разрушительная размытость критериев чистоты уместности и точности слова. История словесности нашего времени полна горьких суждений на

эту тему. Характерно, однако, что оценка слога в этих суждениях всегда дается в рамках риторических критериев учения о стиле. Этим подтверждается универсальность этих критериев, остающихся актуальными и при доминирующем положении в речевой практике общества текстов своей сутью эти критерии стирающих.

В лингводидактике меж тем преобладающая риторической культуры в сфере оценок употребления слова никогда не нарушалась, поскольку именно на ней основано воспитание критического чувства в языке. Э.Кобэт - автор одного из лучших англоязычных пособий по современной риторике классического образца - пишет в связи с этим о триаде критериев чистоты - уместности - точности: "Можно сделать немало различных выводов относительно выбора слов, можно определить его как "естественный", "энергичный", "конкретный", "изысканный", "гармоничный", однако все эти эпитеты - ничто иное как всего лишь другая форма выражения требований к выбору слова чистоты, уместности и точности" [8., с.397-398].

Триадой этих требований риторика дает своего рода парадигму стилистической цензуры выбора слова, и эта парадигма открыта для современной лингвистической теории, что отчетливо видно в цитированной выше работе Э.Кобэта. Его пособие - это своеобразный синтез классической риторики и современной лингвистики, и в этом пособии риторическая триада требований к выбору слова сопоставлена с семантической структурой слова, разработанной современной лингвистической семантикой. Так критерии чистоты и точности к выбору и употреблению соотносятся со сферой денотативных значений слова, а критерий уместности - с коннотативной. Актуализацией коннотативной семантики создается эмоциональный настрой как текста, так и воспринимающей его аудитории [8, с.398]. Эмоциональная сила коннотаций оказывается при таком раскладе понятий аналогом (аналогом естественно с иной научной традицией и степенью теоретической проработки) языкового воплощения явления определяемого в свое время классической риторикой

как страсть (passion)¹.

Риторические критерии выбора слова адекватны и при описании взаимоотношений слова и контекста. Они вписываются в концептуальный фонд понятий, связанный с современной теорией контекста, поскольку в традиционной риторике контекстуализация слова в предложении всегда считалась первым этапом проверки чистоты, уместности и точности выбранного слова [3., с.398]. Соотнесенность этих риторических критериев с идеей контекста совершенно очевидна, хотя в старых риториках в силу их прескриптивной, по преимуществу, направленности осознание этой связи не имело своего теоретического обоснования [2., с.149]. Современные же опыты в переосмыслении концептуального фонда категорий риторики (в той статье приводился в пример лишь один опыт этого рода - пособие Э.Кобэста) свидетельствует об их открытости современным лингвистическим уточнениям. В критериях риторической ясности (perspicuity) сконцентрирована важная для целенаправленного речевого поведения концептуальная сила, и это делает триаду чистоты, уместности и точности неизменным условием организации осознанного отношения к процессу словесного воплощения замысла высказывания.

¹ Здесь уместно привести схему целей всякой речи с точки зрения риторики. Одной из самых проработанных схем такого рода была схема Дж.Кембела, она выделяла четыре цели в той или иной мере характерных для всякого высказывания: 1) to enlighten understanding , 2) to please imagination , 3) to move the passions , 4) to influence the will [9., с.23]. Речь, таким образом, намеренно и целенаправленно воздействует - либо по преимуществу, либо исключительно, либо в разных сочетаниях - на разум, воображение, страсти и волю. Риторическая манипуляция страстями располагает богатым арсеналом средств на разных языковых уровнях (интонационном, синтаксическом и т.д.). На уровне лексическом она прежде всего учитывает эмоциональное от значение ритории к словам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. James C. Contrastive Analysis. - Longman, 1980.
2. Олдырева Л.П. Категория контекста в английских риториках XVIII века // Контекстуально обусловленная вариативность единиц языка. - Рига, 1989. - С. 142-150.
3. Михайлов А.В. Идеал античности и изменчивость культуры. Рубеж XVIII - XIX вв. // Быт и история в античности. - М., 1988. - С. 219-270.
4. Ong W.Y. Rhetoric, Romance and Technology. - Ithaca and London, 1971.
5. Blair H. Lectures on Rhetoric and Belles Lettres, in 3 vls. - London, 1785.
6. Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. - М., 1981. - С.3-14.
7. Lowenthal L. Biographies in Popular Magazine // Reader in Public Opinion and Communication. - Glencoe, 1950. - С. 289-298.
8. Corbett Ed. P.Y. Classical Rhetoric for the Modern Student. - N.Y. - Oxford, 1990. - 3 ed. (1 ed. -1965).
9. Campbell G. The Philosophy of Rhetoric. - London, 1776 (цит. по изд.: N.Y., 1849).

SUMMARY

L. Oldireva

Rhetorical Criteria of Word 's Semantic
Differentiation

There is a great conceptual value in rhetorical analysis of diction, in the context of recent linguistic development this value acquires a new theoretical significance. Semantic structure of a word elaborated by modern linguistic theory reinterprets the classical criteria of diction elaborated by rhetoric in a way that is both theoretically well-grounded and culturally meaningful in terms of speech behaviour.

Е. В. Раёвская

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ
РЕФЕРЕНТНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫХ
ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Полифункциональность английских единиц языка на *-ing* и *-ed*, широкая вариативность их семантики, ярко выраженная тенденция к адъективации и, вследствие этого, способность входить в атрибутивное словосочетание, а также образовывать фразеологически связанные, устойчивые словосочетания — все это определяет тот интерес, который проявляют лингвисты к изучению данных слов.

Подвергшиеся адъективации образования на *-ing/-ed* становятся полноправными прилагательными, и, также как и все прилагательные, они обретают детерминированный языковым или узусальным статусом свой строго определенный круг референтов в речи [1, с.202]. Но, вступая в адъективное словосочетание и срываясь от глагольной парадигмы, отдельная словоформа порой настолько далеко отходит от семантической структуры исходного глагола, что лишь через контекст мы можем определить ее кору семантическую значимость и проследить, каким образом семантические и синтаксические условия могут повлиять на изменение референтного значения данной единицы. То есть, разграничение и становление конкретных семантических значимостей здесь переносится в план синтагматических связей [1, с.204].

Исследование реального функционирования полифункциональных слов в речи должно учитывать самые разнообразные факторы. Так как значение той или иной части речи не всегда оказывается прочно закрепленным за данной лексической единицей и зависит от общего синтаксического контекста употребления последней, именно анализу контекста следует уделить особое внимание при изучении речевого функционирования полифункциональных слов. При этом понятие "синтаксический контекст" не сводится просто к синтаксической позиции, занимаемой словом в высказывании.

Необходимо принимать во внимание и особенности данной коллокации, лексико-фразеологические свойства словосочетаний в пределах того или иного синтаксического построения.

Сравним несколько случаев, где в пределах однотипной конструкции, идентичной синтаксической модели могут объединяться сочетания совершенно различного характера:

1. "The springs moved softly to recognize each limb, each tired muscle, each aching bone." [2., с.82]
2. "...this casualness, the implied smallness of her place in his life, enlarged him, scooped wider with its insult the aching hollow of her love." [3., с.23]
3. "O aching time! O moments big as years ! [4., с.194]

Здесь наблюдается интересная модификация полифункционального слова *aching* которая заключается в том, что оно подвергается процессу окачества, т.е. как бы отходит, обособляется от первоначального категориального значения глагола. Однако тут необходимо помнить, что степень этого обособления зависит от того, насколько легко глагольная словоформа образует различные сочетания. Только тщательное изучение характера словосочетания, в составе которого выступает то или иное полифункциональное слово, может подсказать нам категориальную принадлежность данного слова, можно ли его уже отнести к полноправным прилагательным, или степень его окачества недостаточна, чтобы считать процесс адъективации завершенным. Причем картина может меняться от случая к случаю, поскольку семантика слова и особенности его конкретного употребления могут быть специфичны.

Если в случае *aching bone* степень окачества слова *aching* не очень велика, и оно еще сохраняет общее категориальное значение действия, выражаемое глаголом, то такие примеры как *aching hollow of her love* или *aching time* свидетельствуют о полном завершении процесса адъективации, когда происходит семантический сдвиг, когда слово начинает употребляться в переносном значении и когда

лишь контекст актуализирует конкретное лексическое значение данного слова.

Ярким примером того, как через контекст осуществляется реализация референтного значения слова служит следующее высказывание:

"Nobody but you would ever have thought of it", she cried and flinging her arms around Scarlett's neck she kissed her. "You are the beatenest sister I ever had!" [5., с.391].

Степень семантической изоляции словоформы *beaten*, употребляющейся здесь в значении "удивительный, поразительный", достаточно высока, ибо это значение невыводимо из семантики исходного гл.гола *to beat*. Правда, следует отметить, что словарь американского слэнга фиксирует такое употребление прилагательного *beat*, бывшее в ходу в середине прошлого века. Во всяком случае употребление в превосходной степени свидетельствует о высоком уровне адъективации, когда слово подвергается метасемантическому переосмыслению, когда утрачивается непосредственная связь с глагольной основой, и слово приобретает известную самостоятельность, т.е. словоформа становится словом, обладающим собственной семантикой и собственным кругом референтов. То же происходит и в случае, когда слово на *-ing* или *-ed*, употребленное в атрибутивной функции, определяется наречием, например:

"Cora smiled a smile much too dazzling for a woman of fifty-five years old". [6., с.104].

Еще одним необходимым синтагматическим условием для реализации адъективного характера словоформ на *ing/-ed* является употребление их в "цепочке" однородных членов предложения. Но степень окачества их, равно как и степень метасемантического переосмысления здесь будет различной, т.к. это зависит от специфики конкретного лексического значения каждого слова, а также от особенностей его употребления в языке. Например:

"What I see of him when he first appears is his lean, enigm-

matic, abstracted face, carrying its perpetual look of angry and slightly puzzled frustration." [7., c.178]
"Now, swaying back and forth so that her body touched now one and now another of these middle-aged, solid, oblivious, accepting men, Ruth felt more cheerful than she had for weeks". [3., c.156]
"Her voice had become playful, loving and tolerant." [8., c.185].

"He couldn't take his eyes off her sweet, graceful, sorrowing face." [8, c.178]
"His impetuous, adventurous and defying character." [6., c.191].

В подобных многоэлементных словосочетаниях полифункциональные слова обычно соседствуют с полноправными прилагательными, вполне устоявшимися в категориальном отношении. Сами же они лишь в данном контексте приобретают категориальное значение прилагательного, за исключением loving адъективация которого настолько сильна, что оно в словаре зафиксировано как прилагательное и способно к самостоятельному функционированию. Полифункциональное слово defying, существующее в языке только как форма от глагола to defy употребляется здесь как окказиональное прилагательное. Причем, окружающие его "полноправные" прилагательные как бы подавляют его первоначальную глагольность. Тем более, что тут происходит некоторая метафоризация - действие, обычно приписываемое живому существу, переносится на какой-то предмет или объект и выступает как признак, свойство, качество данного объекта.

Таким образом, необходимость рассмотрения более широкого синтаксического контекста употребления полифункциональных слов становится очевидной. Только в ходе такого исследования могут выявиться специфические, особенно возможности английского языка в плане соотношения категориального и индивидуального лексического значений отдельных единиц.

Одновременно с этим совершенно очевидно, что рассматривая каждое конкретное речеупотребление полифункционального слова, мы должны подходить к анализу его с позиций

данной коллокации, т.е. особой лексико-фразеологической ситуации. Здесь надо учитывать такие параметры словосочетания, как его связанность, глобальность, идиоматичность, различие между узуальными и окказиональными употреблением, устойчивость, социолингвистическую обусловленность и т.д.

Если сравнить сочетания *flying birds* и *flying visit* "мимолетный визит", *injured hand* и *injured dignity* "оскорбленное достоинство", *crooked teeth* и *crooked person* "нечестный человек, хитрец, ловкач, мошенник", то первые словосочетания в этих парах отличаются от вторых как раз тем, что они представляют собой как бы "разборные" сочетания, которые легко разбираются на составные части, каждая из которых в изолированном состоянии сохраняет то же значение, что и в составе словосочетания. Действие, обозначенное глагольной основой, оказывается естественным для данного субъекта, и именно идея действия/процесса сохраняется в рассматриваемой единице. Вторые же сочетания являются тесными неделимыми семантическими комплексами, каждый из которых обладает единством смыслового содержания, неразложимым на составные части. Идея действия тут полностью отсутствует, она заменена значением признака.

Реализация словосочетания на метасемантическом уровне, его неожиданность, образность, оригинальность, насыщенность экспрессивными коннотациями может привести к тому, что оно, первоначально окказиональное, начинает повторяться в речи, приобретать все более широкую популярность, а затем становится стимулом, моделью для создания по его образу и подобию других словосочетаний - то есть тут уже можно говорить о том, что оно закрепилось в речи как устойчивая единица, и здесь применимы категории узуальности и социолингвистической обусловленности. Примером таких, нашедших лексикографическое отражение узуальных словосочетаний, могут служить единицы типа *leading article* - передовая статья, *leading*

question - наводящий вопрос, burning curiosity - жгучее любопытство, cutting remark - язвительное замечание, hunted look - затравленный вид, outworn phrase - затасканная фраза, избитое выражение, где также налицо тесный смысловой комплекс словосочетания и где прямого номинативного значения компонентов недостаточно для идентификации обозначаемого ими "кусочка действительности" [1., с.139]. Таким образом, казалось бы однородные в функциональном плане явления, совершенно по-разному могут быть осмыслены с лексико-фразеологической точки зрения.

Большой интерес для исследования представляет группа полифункциональных слов на -ing/-ed, синтаксическое использование которых несколько роднит их с наречиями. То есть, они скорее выступают в качестве интенсификатора признака соседствующего с ними прилагательного, а сами десемантизируются. Например:

"A thundering good boss he was too." [9., с.80]

"My dear fellow", I said. "I don't mind telling you here and now that you've blinking well torn it!" [10., с.167]

"You just damned well don't have any damned problems, do you?" [3., с.165]

"You can't work it," said Jennings. "You're too darned supermanishly self-controlled and can't break down, can you?" [7., с.210]

"Jean's a deuced nice girl, and her old man can lend more than a helping hand." [8., с.48]

Подобное употребление в речи единиц на -ing/-ed очень характерно для разговорного стиля, богатого окказионализмами, различными новообразованиями. Здесь можно наблюдать совершенно особое функционирование форм на -ing/ -ed, где они не только страдают от глагольной парадигмы, но и теряют свое собственное значение. Привнося в предложение яркий эмоционально-оценочный характер, они десемантизируются подчеркивая и усиливая значение прилагательного, к которому они относятся, и приближаются по своему значению к словам-интенсификаторам типа "very"

(blinking, damned, danned, deuced - чертовски; thundering - крайне, очень). Они не имеют ничего общего ни со значением действия, ни со значением признака предмета, а обозначают признак признака. И опять мы наблюдаем, как синтагматические условия влияют на семантику слова, как контекст определяет лексическое значение единиц языка. Хотя, безусловно, некоторые словосочетания и могут существовать вне модели предложения, лишь будучи включенными в структуру предложения они наполняются конкретным языковым содержанием. Лишь в процессе коммуникации обеспечивается референционная определенность языковых форм [II, с.6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. - М., 1986.
2. Bradbury R. The day it rained forever. - L., 1966.
3. Updike J. Marry me. - N.Y., 1976.
4. Palmer H.E., Blandford F.G. A grammar of spoken English. - Cambridge, 1976.
5. Mitchell M. Gone with the wind. - L., 1979.
6. Bradbury R. The golden apples of the sun. - N.Y., 1978
7. Azimov I. Azimov's mysteries. - N.Y., 1969.
8. Eden D. The pretty ones. - N.Y., 1957.
9. Christie A. The murder on the Links. - L., 1978.
10. Christie A. The man in the brown suit. - L., 1978.
11. Агаджанова В.М. Функции актуализирующего контекста // Контекстуально обусловленная вариативность единиц языка. - Рига, 1989. - С.4-13.

SUMMARY

E. Rayevska

Structural and Semantic Conditions Determining
the Referential Meanings of Polyfunctional Language
Units

The peculiarities of the functioning of the language units with the suffixes -ing/-ed have been discussed. The language units with these suffixes are polyfunctional and have a highly varied semantics. The lexical meaning of a language unit of this type is determined by its contextual environment. The stress is laid on the role of speech situation in revealing the meanings of some formations.

Д. А. Салькова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В НЕМЕЦКОМ
ЯЗЫКЕ

В современный период очередной смены "научной парадигмы" [1., с.15] на коммуникативно-прагматическую исследования синтаксической семантики не утратили своей актуальности; поиски референтных и внутрисистемных характеристик значений дополнились поисками коммуникативно-прагматического плана.

Инвентаризация семантических единиц в синтаксисе выявляет их многообразие, многоплановость их системы, сложные гиперогипобимические отношения, иерархичность. Верхним эшелонем таких единиц [2] представляются так называемые функционально-семантические категории, существование которых в языке эксплицировано А.В.Бондарко [3]. Сам автор исследовал функционально-семантические категории,

базовым представлением которых являются морфологические грамматические характеристики.

Предметом нашего исследования является категория, называемая нами функционально-семантической категорией действительности информации (ФСДИ), спецификой которой, в отличие от категории Л.В.Бондарко, прежде всего, является то, что она репрезентируется значениями синтаксических конструкций. Кроме того - и это главное - описываемая семантическая единица отличается своим преимущественно коммуникативным характером. На этой категории очень сложно и "плотно" пересекаются "референтно-синтаксические" характеристики (т.е. характеристики связи отдельных простых обозначаемых ситуаций в одну сложную) и характеристики коммуникативно-прагматические [4] .

Коммуникативные значимости, как показывают исследования последнего десятилетия, проецируются самыми различными планами противопоставлений. Оценка "коммуникативный", применяемая в данной работе, относится к плану значимостей, которые прежде всего были описаны как коммуникативные: они определяются спецификой включения предложения в текст, необходимостью увязки с текстом через повторение уже сказанного и выделения в предложении единственно новой для коммуниканта информации. Тема и рема - это основные ее значимости, выделяемые при описании актуального членения предложения. Увеличение списка оценок идет за счет указаний, еще у К.Бооста [5] , что рема может быть представлена целым рядом единиц, с нарастанием их рематичности. В.Д.Ившин неоднократно указывает, что коммуникативный динамизм предполагает 3 плана - кроме темы и ремы (предикема у автора) предложение включает некоторый элемент, промежуточный в плане коммуникативной значимости; им является глагол-связка [6] .

В данной статье описываются факты, где, по нашему мнению, представлена еще одна значимость в системе коммуникативного построения предложения. Предложение может содержать еще одно сообщение, которое имеет статус дополнительной, дополнительной информации. Наиболее очевидно на-

лице такого коммуникативного элемента на обособленных оборотах, типа: *Mit diesen Worten verlieB der alte Magus den jungen König, in der Tiefe des Waldes verschwindend.* (Grimms Märchen).

Это значение может варьироваться, усиливаться или быть почти нейтральными и в целом в немецком языке представлено следующим списком: 1) вторая, добавочная рема; 2) значение развития информации; 3) значение ремарки; 4) значение фона для основного сообщения; 5) значение вводности; 6) рематически - усилительное значение.

Наиболее частотен первый случай - вторая, добавочная рема, представлен, как уже указывалось, на всевозможных обособленных оборотах. Еще пример: *In der Stube standen mehrere sehr groBe Tragkissen an den Wänden, grün oder rot gestricnen.* (Th. Storm).

Обособленные обороты, присоединительные конструкции, парцелляты имеют богатую литературу, где подробно описаны структурно-интонационные особенности обособления, специфика функционирования, стилистические аспекты. Мы рассматриваем эти синтаксические конструкции в плане их специализации для представления коммуникативного задания дополнительности информации.

При изучении литературы по актуальному членению легко может возникнуть впечатление, что тема-рематические, коммуникативные значимости подрезаны в рамках предложения, не закреплены и свободно накладываются на любые языковые единицы в зависимости от их отношения к построению сообщения. И в то же время эта литература дает богатый материал для не эксплицированной еще достаточно оценки, что как значение темы, так и значение ремы имеют свой собственный инвентарь репрезентативных конструкций. У К.Бооста, например, это, по сути дела, - артикли, залого, в литературе по описанию текста - номинализации как конструкции анафоризации и тематизации. Можно было бы указать на исключительную спецификацию изъяснительных синтаксических конструкций как рематических.

Частотность употребления обособленных оборотов для введения в предложение добавочной ремы показывает, что описываемая функция — их основное языковое предназначение.

Второе коммуникативное задание — развитие повествования — хорошо описано на тексте в рамках сверхфразовых единиц [7]. Репрезентативным в этом случае в тексте является последовательное введение новых предложений.

В рамках одного предложения функцию развития повествования выполняют наиболее отчетливо компоненты сложносочиненных предложений или стяженные формы таких предложений: Напр.: *Er macht sich überhaupt keine Vorstellung über ihren Verlauf, nahm Tag für Tag gedankenlos hin.* (A. Seghers).

Чрезвычайно частотны и так называемые "присоединительные" (weiterführende) определительные придаточные предложения, введенные относительными местоимениями или наречиями: *Bei spezialisierten Untersuchungen mittels Computertomograf erhält der Arzt noch weit mehr Werte, die er zu begutachten und zu beurteilen hat.* (Neue Berliner Illustrierte).

Наиболее представительным референтным значением в этом случае является значение спецификации, или уточнения.

Если уточнению предшествует сообщение обобщенного характера, особенно прономинализации, — специфицирующие, развивающие сообщение синтаксические конструкции принимают на себя функцию основной ремы, а предшествующее сообщение выполняет функцию "очерчивания общих контуров" для последующего сообщения: *Es war ein Zimmer wie alle anderen in Einfried: altmodisch, einfach und distinguiert.* (Mann Th.).

Коммуникативное задание ремарки-второстепенной, попутной информации, информации как бы незначительной — чрезвычайно ослабляет рему личность сообщения. В наибольшей степени ремарка связана с вводными и вставными конструкциями — конверсиями главного предложения перед изъяснительными придаточными предложениями. Если изъяснительные придаточные предложения несут основное сообщение сложного

предложения, а главное предложение перед ними указывает на источник информации, то в предложениях с вводными конструкциями, оформленными часто как придаточные предложения, такой источник информации упоминается как нечто попутное, незначительное.

Сравните: Helga sagte, sie hätten sich nichts zuschulden lassen. (H. Kant) → Den Zwischenfall an der griechisch-albanischen Grenze hatte er - wie sich Churchill nun erinnerte - bei Tisch erwähnt. (Neue Berliner Illustrierte).

Кроме значения источника информации такие вводные конструкции весьма часто связаны с референтно-синтаксическими значениями условия, уступки и рестриктивности. Напр.: Das geschieht zwar erklärtermaßen nur vorläufig. (Neue Berliner. Illustrierte).

Вводные конструкции, помещенные в позицию, репрезентативную для темы, несколько меняют свою коммуникативную нагрузку, приобретая функцию, которую можно было бы скорее оценить как собственно вводную или текстовую функцию зачина высказывания. Например: Solange keine Gefahrensituation eintritt, scheint die Fahrt gut zu verlaufen. (Neue Berliner Illustrierte).

Значение зачина приближается по своей коммуникативной "ценности" к тематическому. Возникает что-то промежуточное между значениями темы и ремы, или - нейтрализация их противопоставления, что подтверждает оценку о закреплённости определенных коммуникативных значимостей за позициями в линейном развертывании предложения.

Еще один вариант спецификации коммуникативной значимости в предложении - случаи, где добавочное сообщение вводится как некоторый фон, на котором развертывается основное повествование. Сравните: Ein einziges Mal - Hanno hatte recht krank zu Bette gelegen - war Doktor Langhals zur Verschreibung eines Mittels geschritten. (Th. Mann).

В системе референтных синтаксических оценок эти поставные конструкции в наибольшей степени соответствуют логическим

и темпоральным придаточным предложениям.

Усиление коммуникативной значимости очень частотно в немецком языке, особенно в постпозиции при обособлении. В этом случае трудно говорить о второй и добавочной реме в предложении, так как дополнительное сообщение чаще всего повторяет и тем самым уточняет и усиливает основную рему высказывания. Это - как бы повторение той же ремы с целью ее усиления: *Fest steht, daß sich die Menschen bereits in frühesten Zeiten nach rhythmischen Klangfolgen bewegten, in frühesten Zeiten* (Neue Berliner Illustrierte).

Несомненно, что во всех описанных случаях речь идет о так называемых "вторичных предикатах" - стяженных редуцированных формах некоторых иных предложений, включенных в исследуемое рамочное, то есть о введении в данное предложение ремы иного высказывания. Но поскольку это значение появляется в рамках одного предложения, несомненно, его надо оценивать по функции в этом предложении. А эта функция - выделение еще одной части высказывания как его информационного центра.

Значение дополнительной информации, как и значения темы и ремы, очевидно маркируется и интонацией, и позицией в предложении. Наиболее доказательной иллюстрацией этого положения является "привязанность" значения вводности (зачина) к препозиции, а ремарки к интерпозиции. Но в интерпозиции возможны и другие значения, особенно значение фона для основного сообщения. Кроме того по частотности прохождения - основному конституирующему языковому фактору - прослеживается предпочтительная связанность того или иного варианта значения дополнительной информации с той или иной синтаксической конструкцией: добавочная рема - с обособлением, значение фона основного сообщения - со вставными конструкциями, значение ремарки - с вводными конструкциями, значение развития повествования - с элементарными предложениями в составе сложносочиненных и сложноподчиненных.

На этом основании мы считаем возможным оценивать выделенные варианты репрезентации и само значение дополнительной информации не только как одно из текстовых и коммуникативных значений конституирования предложения в качестве единицы сообщения, но и как некоторую категориальную семантическую единицу того же ранга, что и функционально-семантические категории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См., например: Helbig G. Entwicklung der Sprachwissenschaft seit 1970. - Leipzig: Bibl. Inst., 1986.

2. Салькова Д.А. Функционально-семантическая категория противопоставления в русском языке в сопоставлении с немецким // Исследования по исторической семантике русского языка. - Калининград, 1990.

3. Впервые: Бондарко А.В. Система времен русского глагола: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Л., 1968.

4. Иеронсова И.Ю., Салькова Д.А. Синтаксическое поле дополнительной информации в немецком и французском языках // XXI научная конференция профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов и студентов: Тезисы докладов. - Калининград, 1989. - С.55.

5. Boost K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsfeld. - Berlin, 1955.

6. Ившин В.Д. Проблемы коммуникативного синтаксиса современного английского языка / Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1984. - 46 с.

7. Например: Liebsch H. Information, Redundanz und Steuerung im Text // Textlinguistik, Beiträge zur Theorie und Praxis der Textgestaltung. Pädagogische Hochschule Dresden, 1971. - H.2, S.12.

ZUSAMMENFASSUNG

D. Salkowa

Die funktional-semantiche Kategorie
der ergänzenden Information in der
deutschen Sprache

Anhand der deutschen syntaktischen Konstruktion wird die Meinung ausgesprochen, daß die syntaktische Semantik semantische Einheiten von verschiedenem Range und Fassungsvermögen hat, unter denen die höchste Ebene die sog. funktional-semantiche Kategorien (A. Bondarkos Theminus) belegen. Es besteht die Notwendigkeit, sie zu inventarisieren. In dieses Inventar gehört auch die Kategorie, die hier als eine funktionalsemantiche Kategorie der ergänzenden Information bewertet wird. Ihre verschiedenen Variationen - zweites Rhema, Steuerung, Randglosse, Einsatz und Hervorhebung - haben repräsentative Konstruktionen zum Ausdruck, von denen besonders häufig Absonderungen und Schaltgruppen in dieser Rolle erscheinen. Gleichzeitig wird es hervorgehoben, daß das Thema und das Rhema nicht die einzigen Glieder der kommunikativen Gestaltung des Satzes sind.

З. В. Семорикова,
О. В. Глебова

О ДВУХ ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО ЗАРПИРОВАНИЯ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РЯДА

Словособразовательный ряд, являясь одной из центральных единиц системы словособразования современного английского языка, есть иерархически упорядоченное по

деривационным шагам множество производных слов, объединенных тождеством двух последних шагов деривации. Это есть сложное и многомерное построение, способ существования которого в языке определяется варьированием во всех звеньях и на всех уровнях его структуры и семантики. Богатство видов и аспектов варьирования, раскрывающееся при исследовании словосоздательных рядов, способствует расширению представлений лингвистов о типах языкового варьирования как парадигматического, так и синтаксического, которое является закреплением речевого употребления членов ряда.

Если структурное варьирование словообразовательного ряда исследовано достаточно подробно, то семантическому аспекту посвящены единичные работы, а функционально-стилистическое варьирование словообразовательного ряда не рассматривалось вообще, хотя коннотация как особый макроэлемент значения, отражающий эмоционально-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности, несомненно является составной частью совокупной семантики словообразовательного ряда.

К исследованию функционально-стилистического варьирования словообразовательного ряда, как и к исследованию его семантики в целом, можно подходить с двух различных сторон: с точки зрения семасиологического подхода, с одной стороны, и с точки зрения подхода ономасиологического, с другой. Целью настоящей статьи является продемонстрировать возможности обоих этих подходов при использовании функционально-стилистического варьирования словообразовательного ряда.

Как известно, семасиологический анализ предполагает направление исследования от готовой формы к установлению связанного с ней значения: направление же ономасиологического анализа прямо противоположно: от заданного значения — к реальным языковым единицам, которые могут его выразить или передать. Наличие единичного объекта исследования — категории значения, общих проблем, использование

результатов семасиологического анализа в ономазиологии и наоборот делают границы между обоими подходами чрезвычайно подвижными [1., с.85]. Однако, несмотря на признаки того факта, что оба подхода являются взаимосвязанными и взаимно дополняют друг друга, в современном советском языкознании утвердилась мысль о необходимости их четкого разграничения в семантических исследованиях:

"Будучи близкими благодаря тому, что оба подхода направлены на более глубокое изучение проблемы соотношения формы и содержания и вносят свой вклад в понимание категорики значения, они все же должны рассматриваться как разные: они ориентируются на отражение разных аспектов изучаемого явления или единицы и призваны, в сущности, выявить разные свойства и признаки изучаемого объекта" [2., с.108].

При семасиологическом подходе к исследованию функционально-стилистического варьирования словообразовательного ряда анализ ведется "слева направо", от заданных производных, отобразивших в результате специальных процедур и составивших данный ряд, к их значениям. Анализ осуществляется в традиционных терминах лексической семантики. Это "горизонтальная плоскость" исследования семантики словообразовательного ряда. Каждое производное ряда соотносится со своей развернутой семантической дефиницией, в результате чего устанавливается количество лексико-семантических вариантов (ЛСВ) в семантической структуре каждого производного и их стилистическая окраска.

На уровне отдельного производного-члена словообразовательного ряда семасиологический анализ позволяет выявить такую его характеристику, как стилистическая однородность /гетерогенность. Стилистически однородными являются производные, все ЛСВ которых характеризуются принадлежностью к одной стилистической сфере, например, к сфере нейтральной лексики, или только книжной, или разговорной. Стилистически гетерогенными являются такие производные, ЛСВ которых принадлежат различным стилистическим сферам:

нейтральной и книжной, разговорной и нейтральной и т.д. Кроме того, выделяются производные, функционирующие в одной стилистической сфере, но в различных стилистических регистрах. Например, все ЛСВ производного externalize относятся к сфере книжной лексики, но ЛСВ "to invent an explanation for (an inner conflict, emotion, or problem whose actual basis is known only subconsciously) by attributing to causes outside the self" [3] является термином психологии.

На уровне всего словообразовательного ряда в целом семасиологический подход позволяет выявить инвентарь стилистических регистров, в которых функционируют производные ряда, и соответственно разделить словообразовательный ряд на стилистические подряды. Под стилистическим подрядом словообразовательного ряда понимается совокупность ЛСВ производных-членов данного ряда, характеризующихся идентичной стилистической окраской. Очевидно, стилистически гетерогенные производные являются членами разных стилистических подрядов. Далее возможно определить объем каждого стилистического подряда, его удельный вес в ряду и выделить ведущий стилистический подряд для данного ряда. В разных стилистических регистрах преимущественно употребляются производные определенных типов.

Отправной точкой ономасиологического анализа функционально-стилистического варьирования словообразовательного ряда является положение о том, что словообразовательный ряд представляет собой особое поэтическое пространство, таксономическое отображение как теоретического, абстрагирующего знания о мире, так и ценностного к нему отношения. Ономасиологический анализ функционально-стилистического варьирования словообразовательного ряда ведется от заданных значений и заключается в сопоставлении между собой семантических дефиниций производных, составляющих словообразовательный ряд. Это "вертикальная плоскость" исследования семантики словообразовательного ряда, представляющая собой, по сути дела, разновидность

компонентного анализа. В результате такого анализа "по вертикали" выявляются общие и различающиеся компоненты семантики составляющих ряд слов, значеня разного уровня абстрагированности. Именно данный уровень анализа позволяет вскрыть специфичную словообразовательного значения как обеспечивающего семантическое тождество словообразовательного ряда и способствует осознанию словообразовательного ряда как целостной структурно-семантической единицы словообразовательной системы языка. Такая процедура анализа семантики словообразовательного ряда подтверждает неоднородный характер словообразовательного значения, что отмечали многие советские лингвисты например, [4; 5] . В зависимости от уровня абстрагированности в семантике словообразовательного ряда выделяются грамматико-словообразовательное значение (ГСЗ), общее словообразовательное значение (ОСЗ) и частное словообразовательное значение (ЧСЗ). ГСЗ представляет собой предельно обобщенное словообразовательное значение, отражающее в самом общем виде категориальное взаимодействие в семантике производного. Например, "процесс, имеющий отношение к признаку" - ГСЗ глагольного отадективного словообразовательного ряда с формантом - *ize*, "субстанция, имеющая отношение к признаку" - ГСЗ именного отадективного словообразовательного ряда с формантом - *ness* , и т.д.; ОСЗ есть такой вид словообразовательного значения, который конкретизирует тип отношения, устанавливающегося в семантической структуре производного между двумя категориальными значениями. В отличие от ГСЗ, в семантике ряда может быть более одного ОСЗ, например, в глагольном отадективном ряду с формантом выделяются три ОСЗ: "процесс, казуирующий признак", "процесс, обозначающий становление признака", "процесс, обозначающий наличие признака". Словообразовательные значения самого низкого уровня абстракции, определяющиеся лексической сочетаемостью производящей единицы и ее семантической темой, называются ЧСЗ.

Из всех выделенных видов словообразовательного значения стилистически окрашенным может быть лишь ЧСЗ. Имен-

но на этом уровне семантики словообразовательного ряда отражаются коммуникативно значимые характеристики производных, их стилистическая отнесенность. ГСЗ и ОСЗ, отражающие наиболее общие системные характеристики ряда, стилистически незначимы. Таким образом, функционально-стилистическое варьирование словообразовательного ряда с ономаσιологической точки зрения проявляется в различной стилистической значимости разных видов словообразовательного значения.

Дальнейший ход ономаσιологического анализа предполагает выяснение того, как описанные виды словообразовательного значения распределяются в производный ряд.. ГСЗ и, как правило, ОСЗ выражаются всеми производными ряда, это семантические инварианты ряда, определяющие его тождество¹. ЧСЗ находят выражение в отдельных группах производных внутри ряда. В пределах одного ряда могут выделяться ЧСЗ с различной стилистической окраской. Таким образом, при ономаσιологическом подходе к исследованию функционально-стилистического варьирования словообразовательного ряда также оказывается возможным выделять в ряду стилистические подряды - совокупности производных, характеризующихся ЧСЗ с идентичной стилистической окраской. Есть все основания полагать, что деление словообразовательного ряда на стилистические подряды с семасиологической и ономаσιологической точек зрения не совпадает, однако этот вопрос требует более глубокого и тонкого текстового анализа.

Итак, в статье были показаны возможности семасиологического и ономаσιологического подходов к исследованию функционально-стилистического варьирования словообразовательного ряда, каждый из которых способен вскрыть некоторые сущностные характеристики этой языковой единицы высокой степени сложности.

¹ Если семантика ряда характеризуется наличием нескольких ОСЗ, то одно из них обычно является ведущим, присущим всем производным данного ряда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Е.В.Землин. Некоторые общие вопросы ономастологии // Филол. науки. - 1969. - № 6. - С. 4-93.
2. Е.С.Кубрякова. Актуальные проблемы современной семантики: Учебное пособие по курсу общего языкознания МГПИИЯ им. М.Тореза. - 1984.
3. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Unabridged.- Springfield, Mass., 1981.
4. Е.С.Кубрякова. Типы языковых значений. Семантика производного слова. - М., 1981.
5. М.Н.Яценко. О терминах "словообразовательное значение" и "значение словообразовательного типа" // Актуальные вопросы русского словообразования: Сб. науч. тр. - Томск, 1984. - С.8-21.

SUMMARY

Z. Semerikova, O. Glebova

Two Approaches to the Investigation of the
Stylistic Variation in Word-formation

The stylistic variation in word-formation is the matter of theoretical significance, interest and novelty. It can be approached from the point of view of semantics, on the one hand, and from the point of view of onomasiology, on the other. The present paper deals with both the approaches.

РЕФЕРЕНТНЫЕ СВОЙСТВА И ХАРАКТЕР РЕЧЕВОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ
НЕКОТОРЫХ ГРУПП АНГЛИЙСКИХ ИМЕН ЛИЦА

Как известно, разные семантические группы слов по-разному раскрываются в речевых контекстах с точки зрения вариативности их лексических значений. В качестве одного из факторов, обуславливающих сильное или слабое варьирование слова в речи, или же отсутствие такового, называют его референтную отнесенность. Задачей данной статьи было изучение референтных свойств некоторых семантических групп лексики в разряде английских имен лица и анализ влияния этих свойств на характер актуализации значений этих слов в речевых контекстах. Материалом исследования послужили английские агентивные существительные с актуальным значением, результативным значением и значением состояния, выделяемые и объединяемые на основе семантического признака "непрофессиональной деятельности".

Агентивные имена с актуальным значением (сокращенно Акт. И) называют лицо по действию, совершаемому им в момент речи. Исходя из этого определения, к группе Акт. И мы относим такие существительные, как *spectator*, *bystander*, *giver*, *passenger*, *rescuer* и т.д.. Характерным признаком семантики слов этого типа является наличие в их семантической структуре указания на протекание действия в конкретный, "актуальный" момент. Существуют, впрочем, и такие употребления Акт.И, в которых они не выражают ни абсолютного, ни относительного настоящего времени, а содержат в своем значении отсылку к предшествующему тексту. Это - так называемые "цитатные" употребления Акт.И [1]. Ср.: Я поспешил уйти подалее, пока спят преследователи (пример Е.А. Шмелевой [2., с.7]). Семантика слова "преследователи" в данном контексте содержит указание не только на актуальный статус людей, занятых преследованием, но, напротив, "растягивает" это действие во времени до неопределенности.

В значительной степени микрополе Акт.И формируется за счет произв (ных отглагольных имен типа *giver, assailant, bystander* и т.п. При этом след.е обратить внимание на семантику производящих глаголов, влияние которой отчетливо прослеживается в семантике производного имени. По общепринятой в настоящее время типологической классификации глаголы типа *give, rescue, attack* и другие подобные относятся к подклассу предельных, в которых заложено стремление к окончанию действия. Микрополе Акт.И формируется в значительной степени за счет существительных, образованных от предельных глаголов, в семантике которых явно ощущается указание не только на предельность, но и на краткосрочность, однократность действия в реальном времени, например, *to attack* → *attacker* или *to assail* → *assailant*, где лицо, совершающее однократное действие, списываемое глаголами *to attack, to assail* получает соответствующее наименование — нападающий, атакующий в конкретный момент в отличие от, скажем, слова *forward player in an attacking position* [3], которое по своей семантике является функциональным именем, хотя и обозначает сходное действие.

Группа Акт.И активно взаимодействует с группой существительных, которые мы назвали именами актуального состояния или статусными именами (Ст.И), такими как *patient, client, host, guest, homeowner, debutante* и др. Объединяющим моментом в семантике имен этих двух типов является то, что в основу номинации в обоих случаях кладутся такие признаки, как а) действие лица или б) пребывание лица в определенном качестве в конкретный, как правило, непродолжительный отрезок времени. Характерно, что для слов этих двух типов понятие "действие" и "состояние" несколько условны, поскольку "действие" в Акт.И может переходить в "состояние". Ср.: *stretator (person looking at a show, sport game* 2) — это лицо, выполняющее лишь условное действие. Напротив, "состояние", называемое статусными именами, может приближаться к действию. Например, слово *refugee* называет лицо по тому положению, в которое

оно попало (ср. у Ю.С.Соболева: "Впрочем, какая у тебя сейчас профессия, нет её. Разве понятие "беглец" можно определить профессией? Это состояние." [4., с.32]). С другой стороны в семантике слова *refugee* присутствует элемент деятельности, что подтверждается словарными дефинициями: *refugee - person who has left, or who has been driven out of his own country (for political reasons) and needs shelter* [3] . Однако в нижеприведенном диалоге между матерью и ее сыном в значении слова *refugee* доминирует сема состояния: Alice: and what did you do with the cardigan she gave you for me, last Christmas? Billy: (vaguely) I think I gave it to the refugees [5., с.329] . В данном случае для коммуникантов актуальны такие семантические признаки (СП), как "needy", "deprived of home and necessary things" , которые входят в сильный импликационал.

К статусным именам относятся слова, которые называют лицо по признаку пребывания этого лица в каком-то, обусловленном ситуации, качестве. Среди Ст.И немало отглагольных дериватов. В их семантике наблюдаются те же процессы перехода глагольных семантических признаков в семантику имен, что и в Акт.И, с той лишь разницей, что в последних присутствует сема "производитель действия", тогда как в Ст.И "действие" и "деятельность" не являются доминирующими семами. Ср.: *honeymooner - a newly married person taking a holiday with his or her spouse* [4] . Предпринять свадебное путешествие - это, несомненно, действие, но в слове *honeymooner* выделяется прежде всего факт актуального состояния лица: *a newly married person*. Таким образом, в семантике Ст.И происходит фиксация процесса перехода некоего непродолжительного действия в определенное качественное состояние лица, с которым было связано это действие.

На периферии семантического поля, объединяющего Акт.И и Ст.И, располагаются имена лица, отличительной чертой которых является наличие в их семантике компонента результата действия или перфектности. Такие слова могут называть

людей по производимому ими действию или по качественному состоянию, в котором они находятся. А.Д.Шмелев и Е.А.Шмелева выделяют в русском языке слова типа "автор", "основатель", "создатель", "победитель", "дезертир", "убийца" и т.п. в особую группу имен с так называемым результивным значением на основании того, что они "указывают на лицо, совершившее в какой-то момент в прошлом действие, результат которого продолжает оставаться актуальным в момент, о котором идет речь" [2 ; 4]. Нам же представляется более правильным не выделять в английской лексике слова типа *bankrupt, veteran, arrival, criminal, failure, author, interloper* и другие им подобные в самостоятельную группу, а рассматривать их в терминах поля в качестве составных элементов семантического поля Акт.И, Ст.И и имен с результивным значением (Рез.И). Сам по себе компонент "результата действия" или "перфектности" мы рассматриваем как недостаточный для выделения слов с таким компонентом в отдельную группу, поскольку по сути дела слабовыраженная и, чаще всего, нерелевантная сема "результат действия" присутствует и в именах других семантических типов, в частности, в функциональных именах. Ср.: *thief-person who steals*. [3]. Здесь присутствуют две семы: деятельности и "результативная" сема, поскольку денотат может получить данное обозначение лишь в том случае, если он уже совершил определяемое именем действие, в отличие от, скажем, слова *rescuer*, где в зависимости от контекста сема "результат действия" может либо присутствовать, либо отсутствовать, к примеру, в случае, если референтом имени является лицо, за всю жизнь никого не спасшее, но которому было вменено в обязанность спасать.

Коммуникативный анализ Акт. И, Ст.И и Рез.И показал, что для лексики этого типа характерна актуализация в речи ядерных сем, в то время как варьирование периферийных СП ей мало свойственно. Ранее было отмечено, что актуализация в слове его импликационала связывается с наличием в сознании говорящего определенного стереотипа [7, с.12]. Несомненно то, что значения Акт.И, Ст.И и Рез.И образуют

определенную ассоциативную структуру, однако эта структура у большинства из них не нашла своего выражения в стереотипе. Подтверждение этому можно найти в работах по психологии и психолингвистике, в частности, в книге А.А.Бодалева "Восприятие и понимание человека человеком". В ней автор пишет, что стереотипы актуализируются в сознании оценивающего лица тогда, когда он располагает информацией об общественно-профессиональном статусе оцениваемой личности, т.е. в случае оценки лица по более или менее детальным и частным, а не только общим признакам [8., с.131]. Причина того, что в речевом сообщении Акт.И, Ст.И и Рез.И реализуют, как правило, только интенционал, на наш взгляд, заключается в том, что имена этих типов обозначают референтов по общим или даже окказиональным признакам, недостаточным для того, чтобы в обыденном сознании коммуникантов сложился более или менее устойчивый образ субъекта, т.е. определенный стереотип. Как известно, речевое варьирование слов во многом зависит от многокачественности, многопризнаковости конкретного референта. Если предположить, что большая или меньшая речевая вариативность лексики связана с соответственно большим или меньшим количеством СП референта, то становится понятным, почему английские Акт.И, Ст.И и Рез.И представляют собой слабоварьирующуюся зону лексики. Они скорее обладают окказиональными ассоциативными признаками, которые, однако, не составляют целостного образа. К примеру, у слова *suspect* главным СП, если не единственным, оказывается то, что передается интенционалом *someone who is thought to have committed a crime*, хотя теоретически можно предположить, что слово-стимул *suspect* может вызывать такие ассоциативные реакции, как *villainous appearance, wicked, cruel, savage* и другие. При изучении этого слова как коммуникативной единицы обнаруживается, что какие-либо другие вероятные СП у него отсутствуют. Ср., например, поведение этого слова в диалоге, в котором обсуждаются личности подозреваемых: "*Sinister strangers from America*", said Craddock with a faint smile. "You've said it" . "They're our best suspects by far, I agree";

said Craddock (А.Кристи). В последней реплике и, в частности, в синтагме *best suspect* не происходит актуализации потенциальных признаков слова *suspect*, поскольку таксвых, вероятно, и нет, но происходит выделение и усиление основного признака, заложенного в интенционале: *best suspect - person who is most strongly suspected of having committed a crime.*

Анализ речевых контекстов показал, что обычно в Акт.И, Ст.И и Рез.И происходит актуализация их интенционалов, ср.: *I went home thoughtful, to find several patients waiting for me in the surgery* (А.Кристи).

Актуализируется интенционал *person under medical care/ from a doctor or in a hospital*. *Woman suddenly bursts in through the door. Russel: Eh? You're not an assassin, are you? What are you doing here?* (Дж.Осборн). Актуели-

зируется интенционал *person who kills for political reasons*. *Clemenza was troubled. Not because Gatto had been his protege and had turned traitor* (М.Пьюзо).

Актуализируется интенционал *person who sides with the enemy /who gives away secrets to the enemy*. Эти и другие типичные случаи употребления Акт.И, Ст.И и Рез.И показывают, что они относятся к разряду слов, денотаты которых лишены признаков, или же признаки денотатов проявляются опционально.

Несмотря на то, что общая картина речевого функционирования Акт.И, Ст.И и Рез.И представляет собой в плане вариативности реализацию интенционалов этих слов, в ряде случаев, однако, наблюдается актуализация импликационалов. При изучении типов речевых актуализаций оказывается, что в этом участке английской лексики она чаще всего происходит по линии социально устоявшихся норм поведения в языковом сознании говорящих. Для иллюстрации этого положения рассмотрим употребление слова *client* в диалоге руководителя архитектурной конторы с заказчицей (по телефону) и сотрудником: *Barbara: Yes, miss Fisher, they have started painting it blue. I'll order them to stop. Good morning* (обращается к сотруднику) *Yes heard that, Kran-*

kiewicz (Дж.Арден). Руководительница конторы не считает нужным объяснить своему сотруднику причины изменений в ходе отделочных работ в доме заказчика. Объяснением служит реплика After all, she's the client в которой слово client является показателем расстановки социальных ролей и вытекающего из этой расстановки типичных для данного общества норм поведения. С одной стороны, интенционал слова client - person to whom you give a service включает следующий механизм возможных ассоциаций "needs attention and respect"; "demanding"; "suspicious" и другие. С другой стороны, слово client определяет социальную роль говорящего, отводит ему место социального оппонента из сферы обслуживания (в данном случае подразумевается слово contractor - person who does work according to a signed agreement с такими ассоциативными признаками, как "polite", "obliging", "respecting client's opinion").

Или: All right, so I'm a soldier. I'm captured. I'm a prisoner-of-war. Well, you can't shoot a prisoner-of-war (Б.Бизен). Последняя реплика может создать некоторый эффект непонимания: почему нельзя застрелить военнопленного? только из милосердия? Если учитывать только интенциональную семантику слова prisoner-of-war (a person captured in war; a member of the armed forces taken by the enemy during combat), то она не добавляет какой-либо существенной информации к пониманию высказывания. Понимание смысла последней реплики происходит в результате актуализации СП, составляющих лексический фон слова. Этим фоном является знание известной Женевской конвенции, регулирующей порядок обращения с военнопленными, согласно которой последние не могут быть убиты по чьему-то произволу.

В некоторых случаях при анализе Акт.И, Ст.И и Рез.И обнаруживается явление, которое И.К.Архипов наблюдал на материалах производных слов английского языка и назвал "приращением значения", под которым понимается уточнение значения тех наименований, где различение основных кате-

гориальны: СП не проведено [9., с.10-12]. Явление "приращения значения" удобно рассматривать в терминах семантических полей. Взаимодействие полей позволяет объяснить наличие в одной семеме различных категориальных признаков. В данном случае мы говорим о взаимодействии поля функциональных имен с полем Акт.И, Ст.И и Рез.И. Актуализация семы "occupation" сдвигает семему к области функциональных имен. В случае отсутствия семы "occupation" семема находится в кластере Акт.И. К примеру, в большинстве случаев значением слова *writer* в речевой практике является *person who writes for a job; author*, т.е. в структуре его значения реализуется сема "occupation". В некоторых случаях эта сема может нейтрализоваться контекстом, как в следующем примере: *A letter, however, had lately reached me in a distant part of the country. The writer spoke of acute bodily illness, of a mental disorder which oppressed him, and of an earnest desire to see me* (Э.По). В результате нейтрализации семы "occupation" слово *writer* приобретает статус Акт.И. ("автор данного письма", "отправитель"). И наоборот, "приращение значения" в речевом акте может проявляться в том, что в слове с характерным для него узואльным значением "непрофессионального занятия", реализуется компонент "профессиональной деятельности", точнее говоря, этот компонент не реализуется, а, используя авторскую терминологию, "прирастает". Так, в речевом отрывке *One day when my young lady happened to be present with my other sitters I asked her to be so good as to lend a hand in getting tea* (Г.Джеймс). Вне макроконтекста слово *sitter* можно понять по-разному: *one who sits* или как сокращение от *baby-sitter*. В действительности макроконтекст наводит дополнительную сему "occupation", в результате чего слово *sitter* становится функциональным именем и получает значение "модель", "натурщик".

Если в работе И.К.Архипова "приращение значения" рассматривается на уровне семемы как дополнительный семантический компонент действия, то А.А.Уфимцева говорит о сходном явлении, но на лексемном уровне. Уточнение зна-

чени. в этом случае происходит в речевом акте на уровне варьирования лексико-семантических вариантов слова-лексемы. А.А.Уфимцева пишет, что неразграничение СП в структуре некоторых лексем затрудняет их разнесение по семантическим разрядам. Она приводит следующие примеры подобного неразграничения, хотя, на наш взгляд, в них допущено смешение семантических уровней: а) неразграничение "лица" и "вещи", ср.: binder - person or thing that binds ; б) неразграничение "лица" и "животного": captive - person or animal taken prisoner ; в) неразграничение временной и постоянной деятельности: biologist - student of, exper. in biology ; г) совмещение в имени двух противоположных действий: broker (stock-broker) - person who buys or sells for others [Ю., с.116]. Смешение семантических уровней, как нам представляется, заключается в данном случае в том, что под неразграничением семантических признаков понимается их неразграничение на уровне одной лексемы (случаи "а" и "б"), где мы имеем дело с лексико-семантическими вариантами полисемантического слова, и неразграничением на уровне семемы (случаи "в" и "г"), хотя последний вызывает сомнение: вряд ли в значении слова broker совмещено два противоположных действия действие одно - операции с биржевыми бумагами. Если понимать приращение значения буквально, то семантика многих слов оказалась бы единством некоторых противоположностей, ср.: teacher - explains and examines, которые по сути и не являются противоположностями.

Подведем итоги анализа существительных, входящих в семантическое поле Акт.И, Ст.И и Рез.И. Элементы этого поля обладают специфической структурой лексического значения. Эта специфика заключается в том, что интенциональное ядро, как правило, заполняет собой почти всю область семантического пространства. Периферия лексического значения в словах этого поля выражена слабо, что мы связываем с отсутствием стереотипного образа денотата в сознании коммуникантов. В плане речевой актуализации импликационалов Акт.И, Ст.И и Рез.И представляет собой слабова-

риативную область лексики: варьирование импликационалов осуществляется как актуализация признаков, связанных с социальным статусом коммуникантов. Для поля Акт.И, Ст.И и Рез.И свойственно пополнять свой состав за счет контекстуально-обработанных (в семантическом отношении) единиц поля функциональных имен. Это говорит о том, что само поле Акт.И, Ст.И и Рез.И в определенной своей части окказионально и его границы выражены менее определенно, чем границы поля функциональных имен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. - Wrocław, 1969.
2. Шмелева Е.Я. Названия производителей действия в современном русском языке: Автореф.дисс. ... канд.филол. наук. - М., 1984.
3. Harrap's mini pocket English dictionary. - London, 1988.
4. Семёнов Ю.С. Экспансия// Роман-газета.-М., 1980.
5. Waterhouse K., Hall W. Billy Liar //Modern English Plays. - Moscow, 1966.
6. Шмелёв А.Д. О референции агентивных существительных// Филол.науки. - 1984. - № 4. - С.39-46.
7. Силинский С.В. Коммуникативная семантика английских имен лица: Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. - Л., 1989.
8. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. - М.,1982.
9. Архипов И.К. Семантика производного слова английского языка. - М.,1984.
10. Уфимцева А.А. Лексическое значение слова. - М., 1986.

SUMMARY

S. Silinski

Referential Properties and Actual Meaning
of Some English Names of Person

The function in language and speech of some English common nouns is discussed. When used in speech they are shown to convey no additional information above that of their referential meanings, which can be explained by their semantic structure or, alternatively, by the absence of certain stereotypes in speakers' minds.

В.А.Соколова, И.Л.Кантро,
Х.Н.Шеломова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОПУСКА В ТЕКСТЕ
КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ЗАДАЧА

Задачи синтагматической семантики в соответствии с принципами контекстологической теории расширяют круг анализируемых лексико-грамматических явлений в языке и речи. Полисемантическая природа лексической единицы сама диктует определенные контекстуальные средства ее выражения, а также условия актуализации заданного значения лексической единицы на различных текстовых уровнях. Без однозначного понимания и дефиниции необходимых семантических контекстуальных условий актуализации значений лексической единицы невозможен объективный анализ одного из достаточно эффективных методов контекстуального прогнозирования — метода заполнения пропусков в тексте. Под контекстуальным прогнозированием в статье понимается

ся установление когнитивной функции лексическо-семантического поля прагматической выбранной лексической единицы.

Целью статьи, соответственно, является углубление теории контекстуальных условий актуализации значения лексической единицы в семантическом поле, а также практическое обоснование успешного внедрения указанного метода в учебный процесс.

Ряд работ теоретического плана [1] последовательно определяют общие характеристики контекстуальных условий реализации значений лексических единиц, представляющих в фиксированной форме задачи акта коммуникации: его объективность, прагматику, доступность и семантическую определенность условий коммуникации. Объектом исследования указанных работ является контекстуальное функционирование различных частей речи в условиях минимального и максимально расширенного контекста.

Метод контекстуального анализа позволяет с достаточной очевидностью установить принадлежность лексической единицы к определенной части речи, что, в свою очередь, "дает возможность установить общее - грамматическое значение слова, то есть - выражает ли оно предметность (существительное), действие или состояние (глагол), качество (свойство) того или иного предмета или явления (прилагательное), признак процесса (наречие)" [2., с.16].

Вербоцентрическая структура предложения как минимальная контекстуальная единица речи может быть представлена так: ядро-глагол и семантически зависимые элементы контекста. Олигаторность, частотность реализации потенциальных вербальных связей в минимальном контекстном образовании зависит от целого ряда факторов, выступающих в процессе речепорождения (импликации, пресуппозиции, оттенки предикативности, модальность высказывания и т.д. [3]). Наиболее полно семантическая зависимость единиц контекста может быть представлена в результате анализа конститuentов семантико-синтаксического плана с учетом условий семантического согласования лексических единиц.

Итак, линейная структура немецкого полнозначного предложения характеризуется наличием олигаторных элементов, входящих в структуру и функционирующих в рамках данной структуры. Вербальный центр предложения как ядро минимального речевого контекста (Der Satz Kern) активизирует семантическое поле контекста, в котором в тесной зависимости от центра поля находятся различные речевые единицы, в том числе и предлоги. Специфика функционирования немецких предлогов открывает возможность анализа их значений и их роли в процессе коммуникации, а также способствует установлению контекстуальных условий их однозначного восстановления.

Вопросы, связанные с синтаксической значимостью предлогов современного немецкого языка (их десемантизация, полисемия и т.д.), представляются проблематичными лишь на первый взгляд. Однако подобные подходы к вопросу порождают разнообразие трактовок самой части речи: от пограничного слоя лексических единиц в поле грамматики до знаменательных слов, обладающих собственной валентностью и самостоятельностью, автономно конституирующих контекст. Семантическая значимость предлогов подтверждается в плане их контекстуальной полисемии.

Рассмотрим минимальный речевой отрезок с наименьшими контекстуальными показателями: Ich gehe, die Strasse и проследим возможности варьированного употребления некоторых предлогов, необходимых для маркировки ситуативных условий коммуникации, а также для достижения четкой контекстуальной завершенности.

- A Ich gehe über die Strasse.
- B Ich gehe auf die Strasse.
- C Ich gehe auf der Strasse.
- D Ich gehe an die Strasse.
- E Ich gehe zu (der) Strasse.
- F Ich gehe in der Strasse.
- G Ich gehe durch die Strasse.

Принцип контекстуального прогнозирования, который имеет в своей основе семантическую зависимость употребления лексических единиц, позволяет с известной определенностью обосновать выбор заданной лексической единицы. Однако указанное понимание предлогов допускает некоторую произвольность их выбора в минимальном контекстуальном окружении (синонимия в выражении локальных отношений, передвигаемых с помощью предлогов).

Именно это наблюдение над полифункциональной природой предлогов послужило предпосылкой для осуществления типовых моделей контекстуального употребления предлогов, их сознательное и аргументированное введение в отрезок речевой цепи. Особенностью речевых моделей описываемого типа является их практическое использование в качестве обучающей или контролирующей ЭВМ-программы [4] .

Широкое внедрение ЭВМ-программ в процесс обучения иностранным языкам требует дальнейшей разработки различных речевых моделей, в том числе синтеза и анализа фиксированных текстов, типа клоуз [5 , с. 104] . Методика заполнения пропусков, предложенная в 60-х годах нашего столетия рядом ученых-психологов, а впоследствии и лингвистов (В.Тейлор, У.Рватц, К.Клайн-Бредей) имеет несколько модификаций как по степени семантико-структурных особенностей текстовых элементов, так и по степени сложности коммуникативных заданий. При этом коммуникативная направленность типа текста, его контекстуальные характеристики определяют в целом отбор лексических единиц, подвергавшихся тесту-анализу.

Составители учебных ЭВМ-программ имели целью: 1. установить рамки минимального контекстного образования, достаточного для прогнозирования пропущенной лексической единицы - предлога; 2. типизировать заданные коммуникативные условия контекста с учетом полисемии предлогов; 3. описать и сконструировать однозначные типовые контексты функционирования предлогов с ограниченным кругом употребления.

В этой связи существенно отметить ряд вопросов, смыкающихся с проблемой контекстуального описания функционирования лексических единиц, т.е. с некоторыми проблемами функцио-

нального синтаксисе.

Линейная структура значений немецких предлогов отмечена парадигмой надежных форм: от номинатива до аккумулятива. При этом функции предлогов в рамках минимальных контекстов речевой действительности могут быть различными. Зависимые падежи (*oblique Kasus*) отмечены: регулярной связью с определенной группой предлогов. Наличие случаев пограничного употребления групп предлогов (аккумулятив + датив), а также некоторых разговорных форм синтаксиса в употреблении предлогов с родительным и дательным падежами (напр. "wegen"); подтверждает деланные наблюдения о контекстуальной зависимости контекста и об их взаимосвязанности.

Результаты работы над составлением текстов ЭВМ-программы обобщены в таблице-тексты обучающего и контролирующего типов, где в зависимости от конкретизации задания активизирован конкретный семантический потенциал определенной группы предлогов. Напр.: ... der Krankheit konnte er die Ausstellung nicht besuchen (предлог с родительным падежом "wegen").

Смысловое ядро контекста, приведенного выше, которое образует глагол "besuchen" с модальным глаголом "konnen" (мочь), а также существительное "die Krankheit", стоящее в родительном падеже, допускает вариативность (известную синонимию) употребления предлогов wegen, während, bei и т.д., но исключает варианты семантико-контекстуального преобразования ситуации. Следовательно, однозначная ситуативная направленность контекста допускает лишь ограниченную семантическую синонимичность в употреблении лексических единиц.

Целью наших наблюдений являлось выявление обязательных минимальных контекстуальных условий реализации основных значений немецких предлогов. Специальным этапом работы может стать изучение функционирования предлогов с учетом аналитического изоморфизма уровней элементов в языке и речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См. работы Е.И.Чупилиной, Б.М.Лейкиной, М.Е.Цыши-
тевой, В.И.Агамджановой.
2. Агамджанова В.И. О контекстуальном анализе, на-
правленном на определение значений неизвестных слов при
бессловарном чтении//Иностранные языки в школе. Ученые
записки. - Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1969.
3. См. Кривососов Б.А. О соотношении единиц языка и
форм мышления// Вопросы языкознания. - 1989. - № 1, -
С.44-54.
4. См. Кангро А.Р., Кангро И.Л., Кутасина Е.С., Со-
колова В.А. Использование контролирующих программ по не-
мецкому языку для комплекта учебно-вычислительной техники
КУВТ-86. Методические указания. - Рига: Латв.ун-т, 1989.
5. Коккота В.А. Лингводидактическое тестирование.
- М., 1989.

ZUSAMMENFASSUNG

V.Sokolova, J.Kangro,
A.Schelomowa

Die Interpretation der semantischen Lücke im
Text als eine kommunikative Aufgabe

Die "cloze procedure" oder "der cloze-Test" dient
der Sprachfertigkeitentwicklung und wird weit und breit
im Lernprozess verwendet. Mit dem angebotenen Beitrag
werden wichtige Voraussetzungen für das Programmieren im
Fremdsprachenunterricht geschaffen. Dabei betrachtet das
Autorenkollektiv extra die kontextbezogenen Kategorien,
die dem Text Effektivität und Objektivität verleihen.

СПЕЦИФИКА ТИПОВЫХ КОНТЕКСТОВ НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА

Современная лингвистическая наука чрезвычайно расширила свои рамки как с точки зрения изучаемых ее объектов, так и с точки зрения проблематики и методов описания этих объектов. В настоящее время большое внимание уделяется изучению типологического контекстуального окружения лексических единиц.

Целью данной статьи является более детальное рассмотрение одного из частных аспектов современного синтаксиса - функционирование морфологической формы немецкого глагола в различных контекстуальных условиях. Тем самым предпринимается попытка установления и описания типологических контекстов немецких глаголов с учетом их глагольной семантики, их валентных свойств, а также их функционально-прагматических характеристик.

Традиционное понимание структурных типов контекстов от словосочетания до тематически объединенных макроконтекстуальных образований - отражает коммуникативно-прагматическую направленность речевого акта. Однако при кажущейся универсальности речепорядка каждая конкретная ситуация структурно и семантически специфична. Моделирование типов контекстуальных образований основывается, как представляется, на типовых значениях контекстов, при этом "типовое значение - это общее значение множества контекстов, представляющих данную модель, а вместе с тем - это общее значение нескольких синонимических моделей, сопрягающих равнозначные, но разноосмысленные компоненты [1].

Типовое значение контекста, тем самым, определяется как совокупность лексических значений контекстуальной единицы, так и равнозначность функционирования отдельных типовых контекстов на смысловом и понятийном уровнях [2],

Достаточно эффективно типология контекстуального окружения лексических единиц исследуется с помощью комплексно-

го подхода к изучаемым объектам.

Основой комплексного подхода к описанию моделей типовых контекстов является теория валентности, т.к. валентность глагола определяет правило построения моделей типовых контекстов, а количество обязательных конститuentов: локальных, темпоральных и других уточнителей зависит от характера лексического значения глагола. Более того, валентность многозначного глагола, изменяясь от значения к значению, определяет как структуру типового контекста, так и те функциональные отношения, в которые вступают конститuentы. Так функциональные характеристики глагола "kochen" можно интерпретировать следующим образом:

"Kochen" в значении "вариться, кипеть" одновалентен, и следовательно открывает только одну позицию для замещения ее каким-либо конститuentом. Из семантического контекста глагола следует, что этим конститuentом является существительное, которое может иметь признак "кипеть, вариться", т.е. имя существительное - неодушевленное:

Das Wasser kocht. Таким образом, семантика глагола определяет грамматические отношения в предложении $S_n + V$, где S_n - неодушевленное имя существительное и его функциональные отношения: S_n - пациент, V - состояние.

"Kochen" в значении "варить", "готовить" (пищу) двухвалентен ($I \ I$) и для замещения открывающихся позиций требует имя существительное, но уже одушевленное (т.е. лицо, которое готовит), а также имя существительное, испытывающее на себе это действие (т.е. то, что готовят): Meine Mutter kocht Suppe. Следовательно, грамматические отношения, в которые вступают актантами $n+V + S \text{ akk}$, где S_n - имя существительное и S_{akk} - имя существительное неодушевленное, а функциональные отношения - агент-действие-пациент.

В то же время, для выражения этих функциональных отношений можно избрать другую существующую в данном языке грамматическую конструкцию со сказуемым в форме страдательного залога (этот выбор может диктоваться как неизвестием лица, производящего данное действие, так и желанием

изменить перспективу предложения, т.е. акцентировать внимание на самом действии), тогда изменятся грамматические отношения: Sn (неодушевленное) - von+Sdat - (неодушевленное). Анализ контекстуальной реализации значений глагола "kochen" показывает, что типовым контекстом данного глагола может служить словосочетание: существительное + глагол. При этом глагол "kochen" всегда реализует свой основной семантический признак в зависимости от левонаправленной валентности глагола, т.е. факультативность реализации структурной валентности глагола как ядра предложения обуславливается его семантикой. Обязательное наличие лево- и правонаправленной валентности глагола "kochen" способствует метафоризации значения глагола на уровне предложения типа: Das Blut kocht vor Leidenschaft.

Реализация одной левонаправленной валентности глагола в предложении: Das Blut kocht не указывает на потенциальный метафорический признак глагола, проявляющийся в полном контексте в предложении.

Типовой контекст глагола не ограничивается, как показывает материал, рамками словосочетания или простого предложения. Так, глагол "entscheiden" в значении "wählen", "die Wahl treffen" в минимальном структурном контексте: das entscheidet alles реализует обязательную лево- и правонаправленную валентность, что диктуется корректной грамматической структурой немецкого предложения. Для однозначного понимания употребления глагола необходимо, однако, рассмотрение ближайших интегративных связей указанного минимального контекста с контекстом предшдущим.

В семантическом отношении показательным является появление у глагола entscheiden модального признака обязательности, категоричности: du sollst das selbst entscheiden; das soll heute entschieden werden.

Как показал ана из фактического материала, глагол entscheiden может реализовывать свои значения в более широком контекстуальном окружении с выходом в сложные синтаксические образования, типа гипотаксиса, сверхфразо-

вого единства, абзаца текста. Например, в предложении: "Der Chef hat entschieden, daß es so gemacht werden soll." явно прослеживается вводный контекст ситуации, завершение которой наблюдается в настоящий момент совершения действия (относительное употребление временных форм глаголов). Придаточное дополнительное указывает на ретроспективную направленность действия, выраженную глаголом "entscheiden" в главном предложении. Появление перфекта от глагола "entscheiden" в конце фрагмента текста маркирует тематическую завершенность фрагмента, а также проспектирует или же ретроспектирует действие. Так, в цитируемом ниже абзаце текста, повествующем о деятельности представителей органов государственной безопасности в объединенной Германии, ироническая точка зрения репортера выражается во введении в текст абзаца глагола *entscheiden*. Примечательно, что гипотаксис, в рамках которого выступает глагол, завершает абзац текста. Однако семантика глагола в рамках расширенного контекста обуславливает функции контекста: его ретроспективную и одновременно проспективную направленность. Существенно привести весь абзац текста:

Das neue Deutschland ist exakt 32 Stunden alt, als sich der Rechtsstaat anschickt, die ehemalige Stasi-Festung in Berlin-Lichtenberg zu erhoben. An der Pforte heben dem schweren Eisentor steht ein Posten, neuer Armelaufnäher auf alter Uniform, aus dem Volks- ist über Nacht ein Berliner Polizist geworden. Er entscheidet, wer an diesem Morgen hinein darf und wer nicht. [3]

Из вышеизложенного можно сделать следующий вывод: для описания типовых контекстов необходимо учитывать следующие факторы:

1. Организующую роль глагола как структурно-семантического ядра предложения;
2. Индивидуальное лексическое значение глагола;
3. Функциональные значения слов в типовом контексте;

4. Значение конструкции;

5. Прагматическую направленность высказывания.

При рассмотрении I типа контекстов - словосочетание в узком смысле слова: существ.+глагол ядро - выясняется полифункциональность глагола через возможности реализации его валентных характеристик I в строго определенной контекстуальном окружении; 2-ой тип контекстов - предложение в широком смысле слова, т.е. от элементарной двусоставной единицы до комплексов предложений (Satzkomplexe nach H.Brinkmann) доказывает необходимость многоаспектного изучения контекстуальных значений немецкого глагола; 3-ий тип контекстов - сверхфразовые единства, аозац, фрагменты текстов и т.д. манифестирует сложные интегративные отношения единиц языка в его структурно-коммуникативной системе, наглядно демонстрирует проявления основных законов социального и индивидуально-речевого речепорядения.

Итак, линейная структура I-го типа контекстов демонстрирует вероятностные значения глаголов, социально закрепленные языковой нормой.

Разветвленная структура 2-го типа контекстов определяется коммуникативно-прагматической направленностью речевого акта, отражает пути взаимодействия структуры и семантики немецкого глагола в заданных речевых условиях.

Наиболее сложное образование 3-го типа контекстов интегрирует тематические "разночтения" текстов в единый, органичный, систематический потенциал актуализации определенных значений полнозначного выразителя вербоцентрической системы немецкого языка - глагола.

Повторяемость наблюдений над природой и функционированием типовых контекстов немецкого глагола позволяет сделать вывод об имеющихся место строгих закономерностях в системе немецкого глагола, его основных типологических характеристиках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка - М.: Наука, 1973.
2. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. - Л.: Наука, 1978.
3. Der letzte Coup der Stasi// Die Zeit.- 1990.- N 42.- 12.Oktober.-S.17.

ZUSAMMENFASSUNG

V.Sokolova, I.Kutasina

Besonderheiten der Kontexttypen des deutschen Verbs

Der vorliegende Beitrag ist dem Funktionieren des deutschen Verbs unter verschiedenen kontextuellen Bedingungen gewidmet. Es wird versucht, Typen des Kontextes für das deutsche Verb festzustellen und zu beschreiben. Dabei werden folgende Faktoren berücksichtigt; organisatorische Rolle des Verbs im Satz, lexikalische und funktionale Bedeutung des Verbs, Bedeutung der Konstruktion und kommunikativer Wert der Aussage. Es wurden drei Kontexttypen für das deutsche Verb erarbeitet: lineare Struktur (die Wortgruppe), verzweigte Struktur (der Satz im breitem Sinne des Wortes vom einfachen Satz bis zum Satzkomplex), komplexe Struktur (vom Teiltext bis zum Gesamttext).

Н.В.Фамина

ГИПЕРБОЛИЗАЦИЯ ОБОЗНАЧЕНИЙ ЧИСЛА В АНГЛИЙСКОЙ
РЕЧИ И ЕЕ КОНТЕКСТОВЫЕ УСЛОВИЯ

При речевом употреблении английских обозначений числа в их значении происходит три основных взаимосвязанных процесса: аппроксимация, поляризация, гиперолизация. Во

всех этих случаях мы имеем дело с ослаблением или отступлением точного числового значения. При аппроксимации значение точного числа из абсолютного превращается в относительное, происходит замена точного числа понятием количества близкого данному числовому значению [1, с.100]. Например:

(1) ...the bar was full. There were
ten-fifteen men and two-four girls ...
[2., с.228]

(2) He said. "Did Harry smoke much?"
- not much. Two or three a day.
[3., с.43]

Как видно из примеров, для выражения аппроксимации нередко используются два квантитатива, указывающие на границы колебания числа.

Другое важнейшее явление такого рода - поляризация, или реализация в условиях контекста потенциальных сем "много": "мало", заложенных в каждом числовом значении. В результате слова рассматриваемой группы обнаруживают тенденцию притягиваться к двум противоположным полюсам в семантическом поле [4., с.103-117]. Так, в приведенных отрывках имеется прямое указание на наличие количественной оценки: в (1) - full ("много"), в (2) - not much ("мало").

Семантические процессы аппроксимации и поляризации, происходящие при речевом использовании обозначений числа, имеют предел своего развития гиперболизацию. Под процессом гиперболизации примененный к обозначениям числа будем понимать сознательное усиление числового значения в сторону преувеличения или уменьшения по отношению к денотату (реальной действительности).

Совершенно справедливо мнение о том, что преувеличение, также как и уменьшение, есть частные, полярные случаи единого явления гиперболизации, поскольку они имеют сходную логическую схему и единый психологический ме-

ханизм [5., с.12]. Исходя из этого, мы будем рассматривать и гиперболу, и литоту как один процесс - усиления в значении числа признака "мало" / "много", то есть гиперболизацию.

Принято разграничивать термины "гипербола" и "гиперболизация". Под "гиперолой" понимается "лингвостилистический прием намеренного образного нереального преувеличения большой (или приуменьшения малой) меры актуального для говорящего признака предмета, явления или действия ...", тогда как "гипероолизация" традиционно рассматривается как процесс мышления, сопровождающий создание и восприятие гиперболического наименования [5., с.4]. Таким образом, если гиперболизация есть мыслительный процесс, то гипербола это - его результат. В данной работе под термином "гиперболизация" мы имеем в виду не столько процесс мышления, сколько процесс перестройки семного состава слова (обозначения числа) в особых контекстовых условиях.

Механизм, на котором основана реализация числовой гиперболы в речи, состоит из трех компонентов: 1) признак предмета, явления или действия, интенсивность которого усиливается; 2) его реальная мера интенсивности (количественная характеристика, существующая в пределах прагматической нормы); 3) его гиперболическая мера (количественный показатель, который зависит от субъекта и цели высказывания). В результате проецирования гиперболической меры на реальную меру признака возникает значение высокой степени интенсивности признака, повышающее экспрессивность высказывания, придающее ему эмфатический характер.

Таким образом, гипербола оценивается на фоне прагматической нормы, то есть представлений с предметах, явлениях и действиях, сложившихся в процессе повседневного человеческого общения. В основе гиперболизации лежит то же исходное понятие прагматической нормы, что и в поляризации [6., с.179-183].

За последнее время появились работы, затрагивающие вопрос гиперболизации как раз по отношению к числу на английском материале. Например, Э.В.Игнатьева, рассматри-

вая количественные отношения в системе современного английского имени, касается вопроса гиперблизации, употребляя именно этот термин. Правда, автор рассматривает гиперблизацию только в сторону преувеличений и отмечает, что она происходит обычно с обозначениями "больших" и "круглых" чисел [7., с. 14], что в общем справедливо. Наша коллекция примеров позволяет нам сделать аналогичный вывод. Однако встречаются случаи гиперблизации и не "круглых" чисел, причем эта гиперблизация оказывается иногда более выразительной, более сильной. Даже прибавление единицы к "круглому" числу намного повышает экспрессивность гиперболи:

- (3) A thousand times one can suffer and resent but for the thousand and first time monotony, however staunchly resisted, becomes endearing after all [8., с. 350].

В данном фрагменте введение единицы чрезвычайно акцентирует гиперболическое значение всей квантигруппы и подчеркивает монотонность устоявшегося жизненного стереотипа героя.

В определенных прагматических ситуациях для создания гиперболи могут использоваться числа "круглые", но не большие:

- (4) With what a mixture of amazement and dismay had he agreed to purchase this house in which he was now sitting, for a sum that would have bought his mother's twenty times over [8., с. 139].

Обозначение числа в этом отрывке включено в риторический вопрос, который по сути превращается в эмфатическое утверждение. Эмоциональный тон фрагмента повышен не только за счет транспозиции синтаксической структуры, но и за счет введения гиперболического числа.

И, далее, в процесс гиперблизации могут втягиваться числа и не "большие", и не "круглые":

- (5) "Have I not told you at least thirty-six times that it is useless to conceal things from Hercule Poirot?" he demanded [9., с.201].

Прагматическая норма, разумеется, подсказывает нам, что обозначение числа сильно завышено по сравнению с реальной действительностью и может восприниматься лишь в переносном смысле как "множество раз".

В следующем примере совсем небольшое по денотату обозначение числа приобретает гиперболическое значение:

- (6) "You have the medical degree ..., James - at least, I mean I know you have. But you've no imagination whatever."
- "Having endowed you with a treble portion, there was none left over for me", I said dryly.
[9., с.181]

Брат и сестра критикуют друг друга, находясь в дурном расположении духа. В словах брата звучит неприкрытый сарказм и раздражение на сестру, которая по тоянно вмешивается в его дела. Обозначение числа служит здесь главным средством передачи отрицательной оценки. Значение точного количества сильно размыто и передает идею "чересчур много".

Наконец, гиперболизация в широком смысле слова (то есть так, как она понимается в данной работе) включает и все случаи заведомого, нарочитого приуменьшения по сравнению с реальной действительностью. Например:

- (7) "You were always the same, you were never in one place five minutes before you wanted to go to another [10., с.280]."

В этом контексте наблюдается сильное приуменьшение числового значения. Значение точного числа почти полностью вытесняется и акцентирует "слишком мало".

Легко видеть, что во всех перечисленных выше примерах обозначения числа почти полностью теряют точное числовое значение. Весь объем его заполняет признак "много" / "мало".

Утрата дифференциального компонента значения в процессе гиперболизации обозначений числа создает условия для возникновения окказиональной синонимии. При этом обозначения числа, различные по денотату, группируются вокруг двух инвариантов значения "много": "мало". Указанная тенденция проявляется по-разному и бывает связана с различной степенью "размытости" значения числа. Так, в одних случаях гиперболизация происходит, но порядок числа при этом остается близким реальному:

- (8) "And women of hundred kilos in such bathing suits! Weren't clothes intended to hide Nature's mistakes?" [2., с.159].

Отрывок содержит замечания героини в адрес других женщин на пляже. Обозначение числа завышено в пределах порядка, обозначенного реальной ситуацией. Признак "много" акцентируется в значительной степени как за счет восклицания, так и за счет последующего риторического вопроса.

- (9) "No doubt if she's lived here all this time she knows how many beans make five, and you say you got the impression she could deal with him - "
- "Six of him." [11., с.105]

Экспрессивность этого отрывка повышена за счет эллипсиса и эмоциональной паузы, факторов, акцентирующих компонент количественной оценки в числовом значении. Гиперболизация осуществляется близко к границам реальности. Интересно, что в примерах (8) и (9) возможна субституция обозначений числа, но в пределах порядка, обозначенного денотатом: Ср.: Hundred kilos = 90 - 120 kilos; six of him = ten of him.

В других случаях обозначений числе уходит настолько далеко от реальной ситуации, что даже порядок числа меняется:

- (10) "That's what you always used to say when I got you in a corner in an argument a thousand years ago when we were boys and argued all night". [12., с.223]

Числовое значение в этом высказывании настолько завышено по сравнению с действительностью, что даже порядок числа теряется. Любопытно, что замена здесь числа thousand на hundred или million не изменила бы смысла высказывания. Рассмотрим в этой связи еще один пример:

- (11) "I'm a dull fool ... I've realised for ages that you're fed up with me." [13., с.122]

Сразу бросается в глаза эмотивность этого отрезка текста. Налицо элятивная степень количественного признака "много". Смысл высказывания допускает замену обозначения числа на любое другое, выражающее бесконечно большую темпоральную величину, например, "тысячелетие".

Из сказанного можно заключить, что при сохранении порядка числа в пределах, обозначенных ситуацией, в отношении окказиональной синонимии при гиперболизации могут вступать обозначения числа одного порядка. При утрате порядка числа синонимами могут становиться обозначения числа разного порядка.

Материал показывает, что гиперболизация происходит, как правило, в контекстах эмотивного характера и предполагает оценку положительную/отрицательную.

Эмотивность может быть ярко выражена подбором лексических, синтаксических, просодических и других средств эфазы и передачи эмоций, как в:

- (12) He had dragged her good name through a hundred escapades, debauched her excellence, and thrown away her love, but she had never imagined that he would betray her in their plans for the end of the world [14., с.16].

Этот яркий пример передает гнев, возмущение и насмешку отрицательной оценкой. Особая выразительность достигается

использованием параллельных конструкций, создающих эффект нарастания. Контекст изобилует эмотивно-оценочными словами: drag, debauch, throw away, betray, escarade. Отметим, что здесь обозначение числа выступает в качестве усилителя, акцентируя передаваемые эмоции.

С другой стороны, эмотивность контекста может выходить в пресуппозицию:

(13) He looked at his watch for the hundredth time [15., 173].

Судя по тому, что герой все время смотрел на часы, он кого-то ждал с большим нетерпением, волнением, а возможно и раздражением. Именно гиперболизация обозначения числа служит в этом примере индикатором эмотивности.

Как видно из примеров, при использовании гиперболизированных обозначений числа в контекстах эмотивного характера в какой-то мере можно говорить об индуцировании эмотивно-оценочной семы в семантике обозначений числа.

С.нако, мы не имеем здесь дело с процессами пелорации или мелиорации в числовом значении, поскольку оценивается не само число, а вся ситуация в целом. Процессы, приводящие к гиперболизации, в той или иной форме наблюдаются во всем отрезке текста.

Даже поверхностный анализ языкового материала показывает, что высказывания включающие гиперболизированные обозначения числа, содержат прежде всего маркеры поляризации как таковой [4., с.107-112], здесь по определению гиперболизация представляет собой развитие поляризации и не мыслится в отрыве от последней.

С другой стороны, поскольку гипербола есть стилистический прием, направленный на "повышение экспрессивности высказывания" и придает ему эмотивный характер [16., с.147] главным условием и следствием использования гиперболы в контекстах является общая эмотивность и экспрессивность высказывания. Исходя из этого, можно говорить о сигнальной функции эмотивности смысла высказывания по отношению к процессам гиперболизации. Повышенная

экспрессивность и эмотивность маркируется в контексте целым рядом стилистических средств (и мы это уже показали на примерах) - лексических, синтаксических, просодических и др. - которые обычно выступают в тесном взаимодействии, связанные общностью стилистического задания.

Таким образом, наблюдения позволяют заключить, что гиперболизации благоприятствует эмотивный тип речи, связанный с установкой неопределенности информации. Эмотивность высказывания мешает его объективности и вносит неопределенность в передачу информации. Выражение эмоций в таком типе контекста нередко даже преобладает над сообщением фактов. Например:

(14) "Even I did not suspect - triple imbecile that I was! I thought I had plenty of time before me ..." [17., с.215]

Это высказывание вообще не ставит себе целью сообщение фактов - это выражение отношения и побуждение к действию. Именно поэтому благоприятствующий гиперболизации тип речи можно назвать (в добавление к термину "эмотивный") "персуазивным" [18] .

Характерной чертой при использовании гиперболизированных обозначений числа в эмотивно-персуазивном типе речи, как мы видели, является отсутствие непосредственных маркеров варианта значения. Определяющим фактором является здесь информационная установка, которая получает довольно четкое выражение. Сигналы (формальные) установки могут быть синтаксическими (конструкции, характерные для эмоциональной речи), лексическими (слова с эмоциональной окраской), даже просодико-графическими (написание слов курсивом, передающее эфатическую интонацию). Важна также обозначенная ситуация (смысловой сигнал): соотношение обозначения числа с ситуативными условиями покажет степень преувеличения или приуменьшения числа в речи.

Гиперболизация обозначений числа, как и индивидуализирующий ее тип речи, чаще всего встречается в диалоге, а также в его отсражении в художественных текстах. Это явля-

ние встречается также и в повествовательных кусках текста, но оно всегда связано с тем или иным выражением эмоции. Рассмотрим еще один пример:

- (15) Something moved in the bushes ... I stood still, my heart suddenly thumping. It forged through the crackling thicket, and a thousand scents came with it, as sharp as spice from the crushed leaves [11., с.123].

О преувеличении числового значения говорит уже вся ситуация (невозможно одновременно воспринять "тысячу запахов"). Эмотивность содержания следует из описания реакции героини на происходящее (сердцебиение); немаловажно также употребление экспрессивного слова *forge* для описания движения. Все эти черты текста благоприятствуют гиперболизированному употреблению обозначения числа, но и само оно, в свою очередь, усиливает общую эмотивную установку речи. Мы имеем здесь дело с комплексным проявлением в тексте единой авторской интенции.

Выводы

В условиях речи обозначения числа часто подвергаются гиперболизации. Под процессом гиперболизации в применении к обозначениям числа понимается сознательное усиление числового значения в сторону преувеличения или приуменьшения по отношению к денотату (реальной действительности).

В основе явления гиперболизации лежит то же исходное понятие прагматической нормы, что и в поляризации. Гиперболическое значение оценивается лишь на фоне реальной меры признака предмета, явления или действия.

При гиперболизации движение сем в значении числа идет по линии десемантизации: значение точного числа редуцируется вплоть до утраты, компонент количественной оценки "мало"/"много" заполняет почти весь объем значения. На этой основе возникает условия для возникновения окказиональной синонимии. Разные по денотату обозначения числа на уровне

гиперболизации становится синонимами, группируясь вокруг двух инвариантов значения "мало"/"много". Эта тенденция зависит от степени гиперболизации.

Гиперболизация чаще всего встречается в диалоге, а также в его отображении в художественном тексте. Гиперболизации соответствует информационная установка неопределенности информации, которая проявляется в контекстах эмотивно-персуазивного характера.

При употреблении в эмотивных контекстах гиперболизация обозначений числа предполагает оценку положительную/отрицательную. При этом можно говорить об индукции эмотивно-оценочной семы в числовом значении под влиянием контекста; этот процесс, однако, носит иррадиационный характер.

Эмотивность контекста, как и поляризация, является необходимым условием гиперболизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фамина Н.В. Информационная установка текста, индуцирующая аппроксимацию числовых значений // Семантическая структура текста и ее компоненты. - Калининград: КГУ, 1989. - С.100-104.
2. Fitzgerald F.S. Selected Short Stories. - Moscow: Progress Publishers, 1979.
3. Canning V. Firecrest. - London: Pan Books Ltd, 1975.
4. Фамина Н.В. Поляризация обозначений числа в речи и ее контекстовые условия // Контекстуальная семантика. - Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1982.
5. Кураханова М.С. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы (на материале английского языка). - Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Киев, 1975.
6. Фамина Н.В. Факторы поляризации обозначений числа как одного из видов семантического варьирования лексических единиц в речи // Контекстуально обусловленное варьирование единиц языка. - Рига: ЛГУ им.П.Стучки, 1989.

7. Игнатъева Э.В. Средства выражения количественных отношений в системе имени в современном английском языке. - Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1982.

8. Drabble M. *The Needle's Eye*. - Harmondsworth (M 'dd'x): Penguin Books Ltd, 1972.

9. Christie A. *The Mystery of King's Abbot*. - Moscow: Vyshaya Shkola, 1980.

10. Bates H. *Love for Lydia*. - Harmondsworth (M 'dd'x): Penguin Books Ltd, 1978.

11. Stewart M. *The Gabriel Hounds*. - New York: Mill, 1967.

12. Warren R.F. *All the King's Men*. - Moscow: The Progress Publishers 1979.

13. Robins D. *Women Who Seek*. - London: Granada Publishing, 1976.

14. Cheever J. *The Brigadier and the Golf Widow*. - New York: Harper & Row, 1964.

15. Murdoch I. *The Sandcastle*. - New York: The Viking Press, 1957.

16. Арнольд И.В. *Стилистика современного английского языка*. - Л.: Просвещение, 1973.

17. Christie A. *The Murder on the Links*. - London: Triad/Panther Books, 1973.

18. Brown W., Olmstead Sh. *Language and Literature*. - New York: Harcourt, Brace & World, 1962.

SUMMARY

N. Famina

Hyperbolisation of Numerical Words in English Speech and its Contextual Environment

The paper concentrates on the problem of hyperbolisation of numerical words in English speech. It gives the definition of the process and describes the mechanism of its actualisation in different contextual environment, primary attention being paid to the communicative attitude of the speaker.

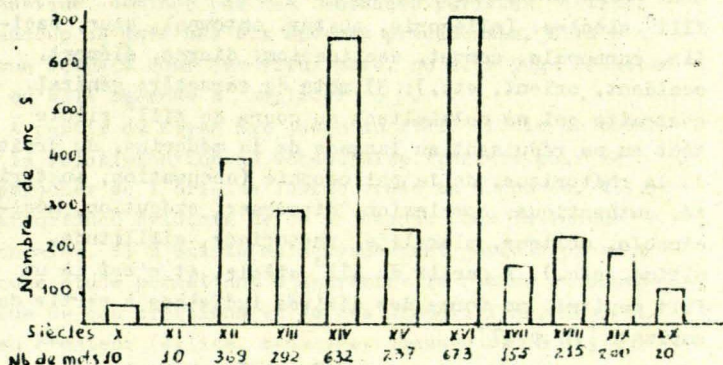
A PROPOS DES LATINISMES DANS LA LANGUE
FRANÇAISE

La langue française est faite pour une part non négligeable de latinismes, c'est-à-dire des mots empruntés à des périodes diverses au Latin. Il est incontestable que le français se présente, au point de vue de sa structure, comme une forme historique du latin. Son vocabulaire est issu, par une évolution continue et régulière, du vocabulaire latin. La majeure partie des mots du français moderne a été "emprunté" au latin. D'après P. Guiraud [1., p. 55] le français a absorbé au cours de son histoire 5000 mots latins et 500 mots grecs d'origine technique et savante.

Le phénomène de latinisation est un phénomène de culture. La culture française a été nourrie de latin. A aucune époque le contact n'a été perdu avec cette langue. Le latin a été langue des clercs au Moyen âge, la langue de l'humanisme à la Renaissance, il a été la matière essentielle de l'enseignement jusque tard dans le XIXe siècle. C'est seulement depuis un siècle que les lieux se sont un peu relâchés, mais ils sont loin d'être complètement rompus.

L'apport latin n'a cessé d'être productif depuis l'époque (IXe siècle) où la langue vulgaire a commencé de s'enrichir de mots directement empruntés à la langue des clercs. Les emprunts constituent une cause importante de l'évolution de la langue française. Ils ont pénétré dans le tissu même du français et en ont modifié très sensiblement l'aspect [2, p. 19]. Ils lui ont donné, dès le XIVe siècle, cet aspect hybride qu'il n'a jamais cessé d'offrir jusqu'aujourd'hui. Les Français sont devenus bilingues, ils utilisent un double système linguistique: le vocabulaire, la grammaire et la phonétique relèvent de structures dont les uns sont d'origine populaire, les autres d'origine savante.

Le mouvement d'emprunt aux idiomes antiques est propre à toutes les époques, pourtant sa productivité et son rôle diffèrent selon les siècles où ces mots ont été créés. Analysons en qualité d'exemple le schéma donné par P. Guiraud dans son "Moyen français" [1., p.53].

Ce graphique montre avec évidence que les 3/5 des latinismes et hellénismes sont des créations du moyen français. C'est au XIVe siècle que le mouvement d'emprunt prend son emplet sans toutefois céder en rien à la fécondité du XVIe siècle. Sur un total de 5000 latinismes que comporte la langue d'usage, 3500 remontent au moyen français [1., p.55].

L'examen des ouvrages théoriques permet, en gros, de distinguer quatre étapes dans le développement du système d'emprunt en français.

1. L'ancien français (IXe - XIIIe siècles). Les emprunts à cette époque (emprunts archaïques [2., c.13]) sont rares. En presque totalité ce sont des mots d'origine ecclésiastique: diable, baptesme, évesque, église, escandré, apostre, chapitre, diacre, adultère, assencion, cantique, chrestien, precepte, trinitet, sépulture, etc.. Dans cette langue d'origine religieuse, on voit une tendance à l'ennoblissement des mots [4., c.41]. F. Brunot dans l'"Histoire de la langue française" [5., p.514] relève trois

catégories de latinismes de cette époque: 1) les plus anciens mots savants provenant de la Vulgate et des écrivains ecclésiastiques; 2) ceux usités dans les ouvrages scientifiques (Computs, Lapidaires, Bestiaires, Miroirs du monde) qui, comme le souligne l'auteur, sont infiniment moins nombreux. Ils sont attestés dès les XIIe et XIIIe siècles: (allégorie, auster, automnal, azur, basilic, carboncle, comput, declinacion, diurne, élément, occident, orient, etc.); 3) mots de caractère général, abstraits qui se multiplient au cours du XIIIe siècle tout en se réduisant au langage de la médecine, du droit, de la rhétorique, de la philosophie (accusation, austérité, authentique, complexion, discerner, exécution, médicinable, oblique, pluralité, rhétorique, similitude, ultime, etc.). A partir du XIIe siècle, et c'est là un fait capital, on forme des dérivés indigènes à partir des emprunts [3., p.17].

2. Le moyen français (XIVe - XVe siècles). C'est une période extrêmement riche dans la formation de la langue et l'élaboration du vocabulaire savant. La mode du latinisme atteint son maximum. La Renaissance en renouvelant l'amour de l'antiquité, l'a seulement orienté vers des sources plus classiques. C'est au latin du Bas-Empire, à celui des documents mérovingiens et de la scolastique médiévale que le vocabulaire français doit la meilleure part de ses termes abstraits et beaucoup de non-abstrais. La langue de cette période se différencie plus fortement qu'aux siècles précédents selon les régions, les registres littéraires et les domaines.

3. Le VIe siècle ^{l'apogée} marque du procès de renouvellement lexical qui commence dès le XIVe siècle. Caractérisé par la devise "enrichir la langue", il la rend capable de traiter des thèmes jusqu'à là réservés au latin, langue des savants. Le français conquiert au cours de ce siècle les domaines suivants: médecine, mathématiques, histoire, philosophie (sciences naturelles, chimie, physique, géologie, zoologie, botanique).

4. Au XVIIe siècle se réalise un changement profond dans la conception du lexique. On ne cherche plus à enrichir la langue, mais plutôt à l'ennobler. Les poètes évitent les mots de métiers et les termes techniques, les excluent de la langue littéraire et commune. L'époque classique, dominée par des tendances puristes, détrône beaucoup de mots nés aux époques précédentes. Elle n'a aucun respect pour les vieux mots, qu'elle juge désuets et qu'elle cherche à remplacer [6].

A partir du Moyen Âge jusqu'au XVIIe siècle on observe la relatinisation du vocabulaire français pour se rapprocher de l'origine latine vraie ou supposée. Malgré l'importance évidente de ce processus pour la langue française, il n'existe malheureusement jusqu'à présent aucune étude permettant d'apprécier le rythme chronologique de ces créations et de ces disparitions, leur milieu créateur (église, médecine, chasse, etc.) et leur milieu stylistique. On trouve des observations contradictoires sur la productivité chronologique de ce type de mots¹, sur leur fonctionnement dans le vocabulaire français², sur les causes matérielles et les raisons psycho-

¹ P. Guiraud [1., p. 55] constate que le XVe siècle marque un net arrêt de la création, sans toutefois pouvoir en expliquer les causes, tandis que L. Deroy [7., p. 122], au contraire, considère que la mode du latinisme a atteint son maximum au XVe siècle.

² On insiste souvent sur ce que la série "populaire" appartient pour l'essentiel à un registre concret et usuel du lexique, tandis que la série savante contient une forte proportion de termes abstraits ou spécialisés [8., p. 19]. D'autre part, on ne nie pas que la source savante et la source populaire se mêlent à tous les degrés du lexique général [9].

logiques de l'emprunt ainsi que sur les facteurs de l'inégalité de leur répartition selon les styles ¹.

La raison principale de ces contradictions est due au fait que le hiatus des XIVe - XVe et début XVIe siècles est la lacune la plus criante de l'histoire du vocabulaire français [11., p.17]. Quant à l'ancien français (IXe - XIIIe siècles), son vocabulaire est également insuffisamment étudié, compte tenu de ce que les médiévistes jusqu'à une date récente n'ont visé surtout qu'à expliquer des textes [12., p.205].

Il est à noter que l'étude des latinismes n'a jamais suscité d'intérêt spécial de la part des linguistes ². Ce fait pourrait être expliqué, en partie, par la tradition de ne voir "aucune solution de continuité entre le latin et le roman, ou, plus spécialement, entre le latin et le français" [14., p.297] ce qui donne droit à traiter la majeure partie des mots du français moderne comme étant "empruntés" au latin sans faire spécialement de distinction entre les mots héréditaires, issus du latin par filiation directe et l'emprunt proprement dit. Au contraire, abondantes sont les recherches relatives à l'étude des emprunts aux langues étrangères. Pour la plupart, les ouvrages les plus importants trouvent leur origine dans les recherches faites aux Etats-Unis sur les divers bilinguismes constatés dans les milieux d'immigrants, habitants des grandes villes. Ils ont systématisé et approfondi le processus de l'emprunt à la lumière des travaux de l'ethnologie et de linguistique structurale, ayant expliqué pour l'essentiel, le mécanisme de l'emprunt et les divers processus d'intégration dans la langue des termes empruntés [15.;16;17]. En France les recherches identiques étai-

¹ Nombreux sont ceux qui estiment que la plupart des latinismes ont apparu pour subvenir au besoin d'abstraction dans la société à l'époque. Pourtant, comme le démontrent d'autres, les termes abstraits en ancien français ne manquaient pas. Beaucoup ont été supplantés plus tard par des latinismes savants [4., p.48; 10., p.329].

² Les latinismes, en partie, sont étudiés à côté des emprunts aux langues étrangères par: [13; 7].

ent réalisées par A. Martinet, A. Haudricourt, Tabouret-Keller. La plupart de ces recherches se caractérisent par une approche socio-culturelle au problème, l'aspect strictement linguistique des emprunts y joue un rôle subordonné. Ce fait explique les lacunes criantes qui existent jusqu'à présent dans l'étude des emprunts et, tout particulièrement, des emprunts au latin dans la langue française. Parmi les questions qui restent en suspens il faut nommer la nature et la définition des emprunts, leur identification et délimitation, leur classification, le mécanisme de l'emprunt. Analysons en bref chacun de ces problèmes, sans oublier toutefois que notre intérêt est porté tout particulièrement aux latinismes en français.

I. La nature et la définition des emprunts.

Dans les ouvrages linguistiques français on distingue habituellement des mots populaires et des mots savants. L'étude des derniers pose des problèmes distincts selon le sens qu'on donne au terme "savant". Il arrive qu'on qualifie les mots de savants ou de populaires d'après l'emploi qui est fait à une époque donnée, indépendamment de leur formation et de leur histoire. A ce double problème, de l'origine et de l'emploi, se rattache celui de la fonction ou plutôt des fonctions: la fonction d'une langue savante ou populaire, technique ou commune. Mais, d'une part, dans l'ensemble, les mots "savants" ne sont pas toujours d'emploi "savant" et réciproquement; d'autre part, la motivation étymologique, qui est à l'origine de toute création lexicale, est vague et tend à s'obscurcir.

J. Marouzeau [18] dans son "Lexique de terminologie linguistique" distingue les mots indigènes ou populaires, "issus d'un développement non contrarié"; les mots d'emprunt, "adaptés d'une langue étrangère", et les mots savants, "tirés d'un mot antérieur par un processus en quelque mesure conscient et arbitraire, et qui ne tient pas nécessairement compte des lois phonétiques: latin "fabricam" a abouti à français "forge", puis a été repris

artificiellement sous la forme "fabrique". Pourtant "fabrique" est aujourd'hui d'emploi aussi peu savant que "forge".

En principe, il existe deux critères pour différencier les formations savantes et populaires: critère distributionnel (base "savante" ne se combine qu'avec des affixes "savants" [19] et critère formel (mot "savant" présenterait des particularités phoniques par rapport aux mots "non savants").

Pour Zwanenburg W. [20., p.49] le critère distributionnel est plus important que le critère phonique. Il définit comme synchroniquement "savants" les mots et les radicaux qui se combinent avec des affixes savants, ceux-ci étant établis de façon intuitive par leur présence dans des mots qui peuvent être interprétés en français moderne encore comme empruntés au latin et par leurs combinaisons entre eux. Cependant N. Zwanenburg n'a pas démontré que la distribution des préfixes était liée au caractère savant/populaire des éléments basiques et affixaux.

Pour F. Dell et E.O. Selkirk [21] le critère phonique est synchroniquement plus valide dans la mesure où l'on peut effectivement circonscrire, parmi les mots construits, un sous-groupe de mots qui présentent des variations formelles par rapport à leur base, indépendamment du fait de savoir si ces éléments sont ou non calqués sur leur étymon. Ils proposent de marquer du trait "savant" les bases soumises à la postériorisation: fleur → flor, mer → mar.

Toutefois, il est impossible de ne pas voir qu'il s'agit là d'une étiquette arbitraire, indépendante de la filiation étymologique. Des mots comme "complexe" ou "indemne", qualifiés de "savants" par Zwanenburg W., ne le sont pas dans le système de Dell F. et Selkirk E.O. parce qu'ils ne subissent pas la postériorisation devant des suffixes qui la provoquent ordinairement: *complexité, *indamnité, pair/parité. D'ailleurs, de nombreuses recherches ainsi que le corpus de Juilland [22] montrent que la dis-

tribution des affixes n'a rien à voir avec le caractère savant/populaire de ceux-ci. Néanmoins, il y a des linguistes dont les jugements ne sont pas si catégoriques. Tout en parlant de la dissymétrie entre les deux formations, ils notent que les bases "savantes" se voient appliquer sans trop de problèmes des affixes "non savants" tandis qu'il est beaucoup plus problématique de combiner une base "non savante" et un affixe "savant" [23, 24] .

Dans une telle perspective, le trait "savant/populaire" semble être arbitraire par rapport à son sens historique et s'avère rejeté comme n'ayant aucune pertinence dans une morphologie synchronique. Intéressante, de ce point de vue, est la théorie de morphologie dérivationnelle synchronique élaborée par D. Corbin [25] . L'auteur considère que les mots, dans leurs emplois réguliers, ne "naissent" et ne "meurent" pas, ils sont toujours dans la langue tant que les règles qui les construisent et les bases sur lesquelles ils sont construits sont dans la langue. Par conséquent, il est vain de vouloir dater l'apparition d'un mot dans la langue. D'après D. Corbin, on ne peut dater que son actualisation discursive, car les mots n'apparaissent pas dans la langue, mais dans l'usage et ils ne disparaissent pas de la langue. Ils peuvent simplement ne pas être attestés, mais ils sont toujours récupérables. L'"apparition" des mots dans l'usage constitue l'actualisation discursive d'une lacune accidentelle, leur "disparition" de l'usage transforme des mots attestés en lacunes accidentelles [25., xp.41-42] . D'où l'opinion que d'après les datations on ne détermine pas l'ordre de l'apparition d'un mot [25 .. p.88] . Ayant déterminé les relations dérivationnelles synchroniques comme les relations actuellement perceptibles, D. Corbin pratiquement rejette de sa théorie l'histoire. "L'histoire peut, dans certaines limites, compléter, dit-il, elle ne peut en aucun cas limiter ou censurer les descriptions synchroniques " [25., p.101] . L'étymologie n'intervient dans sa théorie que comme un moyen d'élargir le champ des mots asso-

ciables synchroniquement. Elle se limite à deux points: 1) fournir les renseignements nécessaires pour expliquer le comportement linguistique synchronique des mots quand tous les autres types d'explication se sont relevés inopérants; 2) compléter la compétence défailtants du morphologue [25., p.101]. L'approche synchronique à la structuration du lexique français dispense son auteur de trait "savant/non savant" comme inadapté à une morphologie synchronique et permet de traiter tous les mots français comme mots construits (ou composés) [25., p.90; 100] quels qu'ils soient - savants ou populaires. Ainsi "légal" et "loyal" sont pour lui des mots construits formés d'éléments non autonomes [25., p.90; 96].

P. Guiraud [3., p.33] ne met pas en doute l'importance de l'origine dans la structuration du lexique français. Emprunts, dérivés, composés, calques constituent, pour lui, les principaux types de mots savants.

Le bref aperçu des conceptions différentes sur la structuration du vocabulaire français permet de relever 4 approches aux emprunts:

- 1) emprunt - mot emprunté à une langue étrangère;
- 2) emprunt - mot emprunté aussi bien aux langues étrangères qu'aux langues antiques (latine et grecque);
- 3) emprunt - mot emprunté aux langues étrangères et antiques aussi bien qu'aux dialectes et à l'argot;
- 4) emprunt - étiquette arbitraire à son sens historique, incompatible avec une morphologie synchronique.

Par conséquent, la corrélation entre "emprunt", "mot savant" et "latinisme" dépend du sens qu'on donne à ces termes. La plus répandue est l'opinion de traiter l'emprunt comme mot savant emprunté au latin (latinisme). Pourtant cette question n'est pas si simple qu'elle pourrait sembler au premier regard. La diversité de termes existants en fait la preuve la plus éclatante: latinisme, latinisme savant, souche latine, emprunt, mot emprunté, emprunt proprement dit, emprunt savant, emprunt scientifique, mot d'emprunt.

Les définitions de l'emprunt dans les ouvrages théoriques révèlent également la divergences de conceptions sur sa nature. Tantôt c'est un élément étranger introduit dans une langue donnée après la date marquant le début de cette langue [7., p.6] tantôt c'est l'emprunt de signes complets, à la fois comme expression et comme contenu [26] ou bien encore c'est la reproduction dans une langue d'un modèle linguistique se trouvant par avance dans une autre langue¹. La différence de compréhension du phénomène de l'emprunt reflète l'hétérogénéité de critères sur lesquels ils se basent. Quels sont ces critères? Combien sont-ils?

II. L'identification des emprunts.

L'identification des emprunts est étroitement liée au problème précédent. La division de la définition de l'identification est relative et se fait, dans notre étude, à des fins de clarté et de précision.

Le critère le plus important est incontestablement un critère phonique: conserver une forme très voisine de son étymon latin. Par surcroît, l'élément emprunté doit pénétrer dans la langue donnée après la date marquant le début de cette langue.

Parfois on ajoute d'autres anomalies au termes hérités (morphologiques, sémantiques, syntaxiques). Les emprunts échappent à ces changements en tout ou en partie, selon qu'ils sont entrés plus ou moins tardivement dans la langue envisagée [7]. Cependant, le critère phonique s'avère aléatoire, compte tenu du désaccord entre la forme parlée et la forme écrite au long de l'histoire du français. Ce désaccord a inspiré, d'une part, la relatinisation du vocabulaire, le retour de l'usage à une forme (écrite ou parlée) abandonnée plus ou moins longtemps: "intention" a rem-

¹ "The reproduction in one language of linguistic patterns previously found in another" [27., p.212].

placé "entention"; "impétrer" - "empétrer"; "stable" - "estable"; "spécial" - "espécial"; "adorer" - "aorer"; "bénédiction" - "banéigon"; "informe" - "enferme"; "baptiser" - "batoier"; "vérité" - "verté"; "volonté" - "volenté" [28., p.7]. D'autre part, il a causé la "fausse régression" [29., p.2] qui est loin d'être un retour au passé et n'est qu'une erreur: le fait de se méprendre sur un mot en lui attribuant une origine qu'il n'a pas. "Legs", procède d'un faux rapprochement avec "léguer" remontant étymologiquement à "lais" (ce qu'on laisse à ses héritiers) du verbe "laisser". "Dompter, dompteur" viennent du latin "domitare" (se rendre maître de). Très régulièrement, ils devaient devenir "douter, donteur". On leur a donné une fausse étymologie en rapprochant leur cas de celui de "compter, compteur" qui viennent de "computare". Les exemples d'erreurs analogues sont surtout nombreux à l'époque du moyen français (XIVe, XVe et début du XVIe).

La question de chronologie phonétique se complique également par le fait que le latin littéraire a été longtemps une langue parlée en même temps que le latin vulgaire et précisément par les gens qui ont introduit dans l'un plusieurs des mots de l'autre; ces mots ont passé dans le latin vulgaire tels qu'ils étaient prononcés en latin par les lettrés. C'est pourquoi ce serait une grave erreur de croire que les mots qui se soumettent à certaines évolutions phonétiques très anciennes, sont obligatoirement antérieurs à ces évolutions [14., p.359]. G. Paris a raison de mettre en garde contre l'absolutisation du critère phonétique. Il critique les tentatives de linguistes d'identifier les emprunts d'après la chronologie phonétique qui est une distinction purement historique et externe et n'a aucune base linguistique [14., p.297]. "Ce qui fait que les mots d'emprunt restent ou ne restent pas des éléments étrangers dans la langue, dit-il, c'est moins leur forme plus ou moins accommodées que leur usage plus ou moins étendu"

[14., p. 298¹]. G. Paris insiste également sur l'importance de la différenciation du latin: littéraire et vulgaire, classique et médiéval.

L'identification des emprunts ne pose pas seulement le problème de leur délimitation des mots héréditaires. Elle touche également le sort des emprunts grecs et celtiques qui n'étaient pas directs à l'époque. Les opinions diffèrent. Les uns les prennent pour latinismes et analyse ensemble avec des latinismes proprement dits (H. Berger, J. Dubois). Les autres les excluent des latinismes en tant que mots qui ne doivent rien au latin ni pour l'expression ni pour le contenu, car le latin y joue seulement un rôle d'intermédiaire (H. Höfler).

On discute également le statut des calques et des emprunts sémantiques. Il y a ceux qui s'opposent à leur admission parmi les emprunts (H. Höfler, P. Guiraud, T. Hoepfner). On les exclut des emprunts parce qu'ils sont formés à partir d'éléments français et seule leur structure interne est déterminée par le modèle étranger.

Il existe des linguistes qui insistent sur un caractère individuel de l'emprunt [31]. Dû au bilinguisme des gens qui les créent, ces mots ne sont rien d'autres, d'après eux, que des créations. Ce ne sont donc pas des emprunts, mais des créations des gens bilingues qui peuvent être généralisés ou non en français. Déguisé en mot de la langue emprunteuse, le mot est admis dans cette langue, puis s'y généralise donnant l'impression d'avoir été emprunté.

Une brève analyse des critères de l'emprunt à travers quelques ouvrages théoriques nous amène à la conclusion suivante: une communauté de structure est indispensable; la sémiotique est valable partiellement; la fréquence et la répartition sont d'importance vitale pour son intégration dans la langue.

¹ Voir aussi J. Rey-Debove qui avance le critère de fréquence/répartition [30., p. 110].

III. La classification des emprunts.

Il va de soi que la classification des emprunts dépend de notre approche aux questions traitées ci-dessus. On distingue les catégories suivantes de latinismes :

1) Les latinismes proprement dits (emprunt indigène), emprunts sous leur forme originale: radius, cubitus, ombilic, femur.

2) L'emprunt francisé (semi-savant), plus ou moins assimilé aux normes phonétiques et morphologiques de la langue: fanatique, carnifère, captif, furtif, agriculteur, argutie, abominable, belliqueux.

3) Les emprunts sémantiques, les termes "populaires", issus du latin, mais par voie non savante, et réalisés dans leur sens latin originel, ou sous une forme graphique rappelant leur origine latine: pondre (ponere = placer), couver (cubare = être couché), traire (trahere = tirer), muer (mutare = changer), cheptel (capitale = principal), glaive (gladius), douter (dubitare).

4) Les calques qui présentent un équivalent français de termes latins: chose publique (res publica), gauche main (sinister), larges pleurs, sourcils stoïques.

5) Les pseudo-latinismes (faux emprunts), des mots nouveaux créés au moyen d'éléments étrangers et qui n'ont pas été empruntés: harmonium (par le facteur d'Orgue Debain en 1840), critérium (par J.-J. Rousseau en 1750), motus (une latinisation plaisante en 1962), vulgum pecus (XIVe), rasibus (= à ras, XIVe s.).

CONCLUSION

La présente étude, très modeste et nécessairement partielle (il y manque des données plus larges et plus précises, que j'espère pouvoir établir prochainement) aura atteint son but si elle permet de mesurer combien la langue et la littérature française sont imprégnées de latin et à quel point l'analyse et la recherche des latinismes est compliquée. Quant à moi, j'en suis d'avance convaincue; puissent les détracteurs du latin reconsidérer leur

position! A notre avis, la recherche des emprunts au latin est une des parties de la linguistique où les risques d'erreur sont les plus nombreux.

BIBLIOGRAPHIE SOMMAIRE

1. Guiraud P. Le Moyen français. - P.: PUF, 1966.
2. Bally C. Linguistique générale et linguistique française. - Berne, 1950.
3. Guiraud P. Les mots savants. - P.: PUF. - 1978.
4. Matoré J. Le vocabulaire et la société médiévale. P.: PUF, 1985.
5. Brunot F. Histoire de la langue française (Armand Colin, 1905). - vol.I.
6. La lexicographie française du XVI au XVIII siècles//Actes du Colloque International de Lexicographie. 9-11 oct.1979. - Wolfenbüttel, 1982. - P.65-79.
7. Dercy L. L'emprunt linguistique.- Paris: Les Belles Lettres, 1956.
8. Mitterand H. Les mots français. - P.: P.U.F., 1968.
9. Benveniste E. Quelques latinismes en français moderne//Le Français moderne. - 1955. - janvier. P.1-12.
10. Matoré G. Le vocabulaire et la société du XVIe Siècle. - P.: PUF, 1988.
11. Poques G. A propos d'éditions récentes de textes de moyen français in Sémantique lexicale et sémantique grammaticale en Moyen français. Colloque organisé par le Centre d'études linguistiques et littéraires de la Vrije Universiteit Brussel (28-29 sept.1978)//Actes publiés par M.Wilmet. - V.U.B.: Centrum voor Taal-en Literatuurwetenschap, 1978.
12. Wagner R.L. L'ancien français. - P.: Larousse, 1974.
13. Berger H. Die Lehnwörter in der Französischen Sprache, Ältester Zeit.-Leipzig; Reisland, 1899.

14. Paris G. Les mots d'emprunt dans le plus ancien français// Journal des savants. -1900.- N 65.

15. Weinreich U. Languages in Contact. Findings and Problems. - New York, 1953.

16. Haugen E. Problems of biliguisme//Lingua.-1950. - N 2.- P.271-290.

17. Bilingualisms in the Americas: a Bibliography and Research Guide.-Alabama; American Dialect Society,1956.

18.Marouzeau J. Lexique de la terminologie linguistique. - Paris: Gouthner, 1959. - 3e éd. - 3e tirage.

19. Marchant H. Esquisse d'une description des principales alternances dérivatives dans le français d'aujourd'hui//Studia Linguistica. - 1951.-V.-P.95-112.

20. Zwaneburg W. Productivité morphologique et emprunt// Linguisticae Investigationes Supplementa.- Amsterdam/Philadelphia; John Benjamin Publishing-Company. - N 10.

21. Delle F., Selkirk E.O. On a Morphologically Governed Vowel Alteration in French//Keyser S.I.,- ed. 1978. - P.1-51.

22. Juilliand. Dictionnaire inverse de la langue française. - The Hague; Mouton,1965.

23. Richon E. L'enrichissement lexical dans le français d'aujourd'hui//Le français moderne. - 1935.- Juin.- P.209-223.- 1935. - octobre.-P.322-344.-1938.- Octobre.- P.299-304.- 1939. - janvier. - P.7-14.-1939. - avril. - P.133-149.- juin-juillet.- P.229-238.-1939. - octobre.- P.317-328.

24. Les principes de la suffixation en français.-P.: D'Arthey, 1942.

25. Corbin D. Morphologie dérivationnelle et structuration du lexique. - Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1987. - Vol.1,2.

26. Höfler M. Dictionnaire des anglicismes.-Paris: Larousse,1982.

27. Haugen E. The actual definition speaks of an attempted reproduction...of patterns//Language.-1960.-XXVI.

28. Gougenheim G. La relativisation du vocabulaire français // Annales de l'Université de Paris. - 1959. - 1. - 29-e année. - P.7.

29. Schöne M. Vie et mort des mots. - P.: PUF, 1951.

30. Rey-Debove J. La sémiotique de l'emprunt lexical, Mélanges de linguistique française et de philologie et littérature médiévales offerts à M. Paul Imbs. - Strasbourg. - 1973.

31. Vidos B.E. Le bilinguisme et le mécanisme de l'emprunt // Revue de linguistique romane. - 1960. - T.24.

АННОТАЦИЯ

О...Эзолина

К вопросу о латинизмах во французском языке.

Латинизмы составляют значительную часть словарного состава французского языка. Процесс заимствования из латыни, начавшийся в IX веке, продолжается и в настоящее время. Заимствования из латыни являются важным источником эволюции языка. Глубоко проникнув в структуру языка и тем самым значительно изменив ее аспект, латинизмы придали языку уже в XIV веке тот специфический гибридный характер, который свойствен ему и по сей день. Несмотря на очевидную значимость латинских заимствований для развития языка, до сих пор остаются невыясненными вопросы, связанные с хронологическим ритмом их появления и исчезновения, с создательной средой и стилистической сферой их распространения. Спорными остаются вопросы о хронологической продуктивности латинизмов и их функционировании в словарном составе французского языка, о материальных и психологических причинах заимствования, а также о факторах неравномерного распределения данного типа лексики по стилям. В предлагаемом исследовании делается попытка краткого освещения изложенных выше проблем, раскрывается сущность латинизмов, предлагаются критерии их идентификации и классификации.

СОДЕРЖАНИЕ

Вейсберге А.Г. (г.Рига) Контекстуальное изменение семантики фразеологизмов в латышском языке	3
Гильманов В.Х. (г.Калининград) Особенности референтной соотносительности синкретичного прилагательного в древневерхненемецком	12
Данченко Н.Н. (г.Рига) Динамика использования фразеологических единиц в поэтических произведениях Дж. Г. Байрона	24
Заботкина В.И. (г.Калининград) Нарушение референтной отнесенности в акте порождения нового значения слова (прагма-семантический аспект).....	33
Ильинская Л.А. (г.Рига) Референция как характеристика компонентов лингвистических моделей на ЭВМ	46
Кевиша И.В. (г.Рига) Концептуальная организация званый как условие интерпретации незаконченных высказываний в художественном тексте.....	56
Кругликова Т.М. (г.Трасковарск) Специфика референтной отнесенности слова в древнеанглийском тексте	64
Лисагор О.П. (г.Рига) Концептуальная структура типового контекста существительных с предметным значением	69
Лихтерова Б.Л. (г.Рига) Владение словом в контексте политической речи	76
Лочмеле Г.Д. (г.Рига) Функционирование заголовка в условиях рекламного контекста (роль подтекста в кодировании и декодировании информации).....	80
Мозере Р.А. (г.Рига) Стилистическая функция некоторых семантических полей в романе Патрика Уайта "Живые и мертвые"	91

Олдырева Л.И. (г.Рига) Риторические критерии семантической дифференциации слова	99
Раевская Е.В. (г.Рига) Структурно-семантические условия реализации референтного значения полифункциональных единиц языка	106
Салькова Д.А. (г.Калининград) Функционально-семантическая категория дополнительности информации в немецком языке	113
Семеникова Э.В., Глебова О.В. О двух подходах к исследованию функционально-стилистического варьирования словообразовательного ряда..	120
Силинский С.В. (г.Ленинград) Референтные свойства и характер речевой актуализации некоторых групп английских имен лица	127
Соколова В.А., Кангро И.Л., Шеломова Х.Н. (г.Рига) Интерпретация семантического пропуска в тексте как коммуникативная задача	137
Соколова В.А., Кутасина Е.С. (г.Рига) Специфика типовых контекстов немецкого глагола	143
Фамина Н.В. (г.Москва) Гиперболизация обозначений числа в английской речи и ее контекстовые условия	148
Озолина О.Л. (г.Рига) К вопросу о латинизмах во французском языке	160

PT-75

563

1. 80